

ДАРЬЯЛ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

6'2024

НАШ
СПЕЦПРОЕКТ

Система ЗНАКОВ
конкурс кавказской
фантастики
С. 4–173

M2_CONNECT

ТЕМА НОМЕРА
ФАНТАСТИКА

Журнал «Дарьял» и компания «Интернет-провайдер М2 Соппест» представляют специальный выпуск по результатам второго сезона конкурса кавказской фантастики «Система знаков» и поздравляют его победителей!

Номинация «РАССКАЗ»

- 1-е место: **Зарина Кочисова**. Лали
2-е место: **Мурат Гелястанов**. Туман спускается с горы
3-е место: **Марина Мазуренко**. Мыльные пузыри;
Артур Омаров. Последняя проповедь анарха Хаоса

Номинация «МИНИАТЮРА»

- 1-е место: **Элина Агузарова**. Бык
2-е место: **Руслан Бетрозти**. Последний газырь
3-е место: **Маргарита Ардашева**. Отчет о здоровье

Номинация «ИЛЛЮСТРАЦИЯ»

- 1-е место: **Алан Хатагты**. Заратустра
2-е место: **Георгий Дриаев**. Повествования родного города
3-е место: **Залина Дряева**. Башня Саумарон-Бурдзабах

В Л А Д И К А В К А З
2 0 2 4

ДАРЬЯЛ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
РЕСПУБЛИКА СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

* * *

ВЫХОДИТ С 1991 ГОДА

16+

Главный редактор

А. И. ЦХУРБАЕВ

Зам. главного редактора

О. Э. ТОТРОВА

Редакционный совет:

И. Г. ГУРЖИБЕКОВА

М. С. ДЗАСОХОВ

В. О. КОЛИЕВ

Т. А. САЛАМОВ

И. А. ТАБОЛОВА

Ф. С. ХАБАЛОВА

А. Л. ЧИБИРОВ

В. Т. ЧШИЕВ

Адрес редакции:

362040, г. Владикавказ, ул. Маркуса, 1

Телефоны: (8672) 53-60-30

(8672) 53-58-10

(8672) 54-38-04

e-mail: darial@darial-online.ru

http: www.darial-online.ru

Свидетельство

о регистрации средства массовой информации

ПИ №ТУ 15-00144 от 22.05.2017

Выдано Управлением Федеральной

службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий

и массовых коммуникаций

по Республике Северная Осетия-Алания

Выход в свет 28.12.2024

Формат бумаги 60 x 90^{1/16}

Бум. офсетная

Гарнитура шрифта MurgidPro

Печать офсетная

Усл. п. л. 16

Заказ № 553

Тираж 600 экземпляров

АО «Осетия-Полиграфсервис»

362015, г. Владикавказ,

проспект Коста, 11

Телефон: (8672) 25-97-94

Цена свободная

Учредитель и издатель:

Комитет по делам печати и массовых коммуникаций Республики Северная Осетия-Алания

Адрес: 362040, Республика

Северная Осетия-Алания,

г. Владикавказ, ул. Димитрова, 2, офис 102

Телефон: (8672) 33-33-69

Рукописи не возвращаются

и не рецензируются

Мнение редакции не всегда

совпадает с мнением авторов

6'2024 (185)

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

© ДАРЬЯЛ № 6'2024

«СИСТЕМА ЗНАКОВ»

- 4 Зарина КОЧИСОВА.** Лали.
Рассказ
- 14 Элина АГУЗАРОВА.** Бык.
Миниатюра
- 18 Мурат ГЕЛЯСТАНОВ.** Туман
спускается с горы. *Рассказ*
- 36 Руслан БЕТРОЗТИ.**
Последний газырь.
Миниатюра
- 40 Артур ОМАРОВ.** Последняя
проповедь анарха Хаоса.
Рассказ
- 60 Маргарита АРДАШЕВА.**
Уведомление: отчет
о здоровье. *Миниатюра*
- 64 Марина МАЗУРЕНКО.**
Мыльные пузыри. *Рассказ*
- 74 Диана ЦОГОЕВА.** А-лол-лай.
Миниатюра
- 78 Алексей ЛЯЛЮЛИН.** Падение
Дагома. *Рассказ*
- 108 Тимур АЛИЕВ.** Тропами
предков. *Рассказ*
- 120 Денис ДЫМЧЕНКО.**
330 километров. *Рассказ*
- 140 Алан ДЗЕРАНОВ.** Выстрел.
Миниатюра
- 144 Залина ЛУКОЖЕВА.** Пропасть
старости. *Рассказ*
- 158 Адам САЛАХАНОВ.**
Дневник вымышленных
сновидений. *Рассказ*

ЦИТАТА

- 174 Михаил БУЛГАКОВ.** Иван
Васильевич

ВПЕРВЫЕ В «ДАРЬЯЛЕ»

- 176 Ростан ТАВАСИЕВ.** Сфинкс.
Рассказ

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

- 200 Кир БУЛЫЧЕВ.** Коралловый
замок. *Рассказ*
- 214 Клиффорд САЙМАК.**
Штуковица. *Рассказ*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КРИТИКА

- 224 Диана ГАМИ.** Странные
сюжеты странной фантастики

ИЗ АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ

- 236 Говард Филлипс ЛАВКРАФТ.**
Изгой. *Рассказ*

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

- 244 Японские народные сказки.**
*Перевод с японского
Екатерины Каллаговой*

- 252 АВТОРЫ НОМЕРА**

- 254 СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА
«ДАРЬЯЛ» 1–6'2024**

Зарина КОЧИСОВА

ЛАЛИ

РАССКАЗ

Сначала в городе не осталось птиц. Маленькие их тельца со странными, делавшими птиц полупрозрачными, пятнами находили повсюду. Птицы лежали на дорогах и тротуарах, на лавках в парках, окольцованные муравьями и мухами, обессиленные или уже мертвые. Выпавшие их перья разлетались подобно серым, вспененным волнам, оседая и прилипая на шины проезжающих машин, на обувь прохожих. Запах гниющего мяса оглушал перегретый город. Люди сторонились птиц, старались обходить их трупики. Дворники, боясь заразиться, отказывались их убирать.

Потом исчезли собаки. Беспризорные, бегавшие раньше по городу небольшими стайками, охотившиеся на трамваи и велосипедистов псы теперь лежали, стараясь прибиться к магазинчикам. Работники магазинов отгоняли собак, скуливших, выпрашивавших воды, отпугивавших своим видом покупателей, забиравшихся уже и в сами магазины, под полки с колбасами и молоком, поближе к кондиционерам, чтобы остудить свои раскаленные тела. Шерсть собак выпадала клочьями, оголяя кожу, покрытую напминающими волдыри пятнами — светлыми, почти прозрачными, будто наполненными жидкостью. Собаки умирали тяжело, днем и ночью разрывая своими стонами город.

Говорили, что в город направлены специалисты из Москвы.

Говорили, что в городе что-то не так с воздухом.

Говорили, что это какой-то вирус, типа гриппа.

Говорили, что люди не заболеют.

Говорили, что город проклят.

Когда Лали поняла, что из города надо выбираться, было слишком поздно.

Кофейный киоск, где Лали работала, заваривая кофе и чай, подавая хрустящие вафельные трубочки со сгущенкой, располагался на остановке. В киоске было тесно и душно, но в отсутствие посетителей можно было заниматься своими делами — читать книги, наблюдать за ожидающими маршруток людьми, а в ясную погоду рассматривать горы. Посетителей становилось все меньше, и Лали, привыкшая к волнами возникающим очередям — в 8 утра, в 12 дня и в 7 вечера, — теперь была растеряна. Она вглядывалась в вереницы машин, покидающих город, но и их поток скоро иссяк. В городе, обычно с раннего утра наполненном птичьим пением, зазываниями заезжающих во дворы торговцев молоком, криками играющих на улице детей, шумом моторов, теперь слышны были лишь стоны и плач. Маршрутки исчезли, остановка совсем опустела, и только дырявые мусорные ведра с переполненными и вываливающимися, будто кишки, мусорными мешками подсказывали, что здесь совсем недавно были люди. Лали приходила на работу еще несколько дней, поддерживаемая своей матерью, убеждавшей, что рано или поздно все наладится, сидела одна, пытаясь дозвониться до владельца киоска, сообщить, что трубочки так и не привезли, что посетителей нет, пока однажды вечером не пришла домой и не сказала матери:

— Мам, нам надо уезжать.

В комнате было жарко; окно распахнули настежь, и пакеты, в которые они с матерью собирали вещи, мягко шелестели от попадающего в квартиру ветра. Лали с матерью непривычно молчали, ни одна не решалась завести разговор, и только короткие «Возьмем?» прерывали тишину.

Накануне, после долгих споров и обсуждений, они решили отправиться в село, в доставшийся от бабушки домик, наспех построенный еще в начале XX века, с неподлатанной крышей и земляными полами, но с огородом, за которым бережно следили сначала бабушка, а потом и мать Лали. Родственников, с которыми можно было уехать, в городе уже не осталось, такси и автобусы перестали работать еще раньше, и идти надо было пешком.

Внизу, у подъезда, их ждала тележка, которую Лали пригнала из ближайшего супермаркета и куда они теперь планировали загрузить все самое необходимое в дорогу — найденные в спортивном магазине спальные мешки, пару дождевиков, сменную обувь, несколько комплектов белья, воду в бутылках и немного еды.

Лифт не работал, и вещи пришлось переносить пешком. На каждом пролете мать Лали останавливалась, с трудом усаживалась на ступеньки, чтобы отдышаться, разглаживала невидимые складки на платье и оглядывала очередной этаж тяжелым взглядом. Лали спешно пронеслась мимо нее, преодолевая за раз по две или три ступеньки вниз, потом вверх и потом снова вниз, с очередной порцией собранных вещей.

Когда мать наконец спустилась, Лали уже загрузила вещи и теперь, держась обеими руками за ручку тележки, нетерпеливо отстукивала одной ногой.

— Мам, давай уже пойдем, ну.

— Лали, чуть-чуть еще посижу, голова что-то кружится.

Лали села на крашеную-перекрашеную и снова выцветшую, облупленную скамейку и прижалась к матери. На земле кругом валялись никем в этом году не сорванные ягоды алычи и вишни, мягкие, перезрелые, кожица на них полопалась, и их сладкий аромат примешивался к запаху гнили, заполонившему город.

Мать Лали беспокойно озиралась по сторонам.

— Мам, ты в порядке?

— Слышишь?

— Слышу что?

— Стон чей-то. Не из нашего подъезда?

— Не знаю.

— Пойду проверю.

— Нам надо уходить.

— Сначала проверю.

— Начинается. Не хочешь уезжать — так и скажи. Зачем тогда собирались?

— Иди ты проверь.

Лали зашла в подъезд, свернула на площадке налево, наугад дернула ручку двери, та оказалась запертой. Толкнула следующую дверь, она легко поддалась и распахнулась, открывая вид на узкий, забитый вещами коридор, но не горы раскиданной одежды, не обувной шкаф, напоминающий разинутый беззубый рот, с сорванной с петель дверцей поразили Лали.

— Черт побери... — сказала она, согнувшись, и громко откашлялась.

Запах в квартире оглушал, заставлял слезиться глаза, забивал ноздри, проникал под кожу. Лали задержала дыхание, для верности зажала нос рукой и, яростно расталкивая попадавшие под

ноги вещи, побежала в комнату, к окну. Невыносимо долго, мысленно чертыхаясь, боролась с заевшей створкой и, наконец справившись, высунулась так далеко, как только позволяла оконная решетка.

Отдышавшись, она принялась осматриваться. Пол в комнате был застелен истоптанным ковром. Красный цвет его потускнел, вышитые геометрические узоры потеряли четкость, кайма, бывшая когда-то бежевого цвета, истрепалась и топорщилась. Слева, у входа в комнату, в старом лакированном серванте со стеклянными дверцами аккуратными стопками были сложены красно-белые блюда, на них возвышались с таким же узором чашки. На покрытом белой в мелкий цветочек клеенкой столе стоял телевизор, вокруг него громоздились коробки с лекарствами. За столом располагалось кресло, покрытое вязаным, цвета яичного желтка пледом. У другой стены стояла кровать, а на ней, скрючившись и запрокинув голову, лежала старуха. Голова ее была в проплешинах, будто изъеденная лишаем, клоки седых волос беспорядочно разбросаны по кровати. Старуха лежала совершенно голая, неподвижно. Кожа на лице и теле превратилась в мягкую кашу светло-серого цвета, на месте груди — вмятины, покрытые напоминавшими плесень пятнами. Ошметки кожи тоненькими восковыми полосками то ли свисали, то ли стекали на простыню. Простыня была в темных пятнах, мокрая от мочи и пота.

Лали с трудом узнала в этом обезображенном человеке соседку Зою, одинокую старую женщину, которая каждый вечер проводила во дворе, ухаживая за палисадником, в неизменном бордовом халате с карманами, набитыми для местной детворы конфетами, даже в невыносимо жаркую погоду в шерстяных, доходящих до колен коричневых носках, в платке, на старый лад, оставляя уши открытыми, завязанном узелком на затылке. Серые глаза Зои были открыты, она медленно двигала зрачками, не задерживая ни на чем подолгу взгляда, пока не увидела Лали. Из изуродованного, облепленного белыми язвами рта вдруг донесся стон: Зоя пыталась что-то сказать.

Лали пошатнулась и выбежала из квартиры.

Ее мать, сосредоточенно ковырявшая заусенец, не заметила, как дочь подошла.

— Мам...

Молчание.

— Мам!

— Да-да, ну что там?

— Это Зоя с восемнадцатой квартиры.

— Одна?

— Да.

— Пойду к ней.

— Зачем?

— Посмотрю, чем помочь.

— Мам... — Лали запнулась, стараясь подобрать слова. — Ей уже не помочь, не жилец она.

— Я тебя не так воспитывала.

Лали, тяжело вздохнув, поплелась за матерью.

Войдя в квартиру, мать Лали, не останавливаясь, не замечая ужасного запаха, подошла к постели Зои, склонилась над расплывшимся лицом и долго шептала что-то в облешее ухо. Лали стояла у двери, наблюдая, как Зоя в такт словам матери едва шевелит головой, устало покачивая ее вверх и вниз. Только раз она внезапно прошипела, обнажив почти пустой рот:

— Все равно уже мард стæм¹...

Ее ссохшиеся губы скривились в подобие улыбки. Лали с испугом посмотрела на мать. Та поднялась с колен, быстрым движением стряхнула с платья пыль и двинулась на кухню.

— Сходи наверх, — бросила она дочери на ходу. — У нас в холодильнике еще был сыр.

— Мы остались, чтобы приготовить пироги?

— Помнишь, как умирала Асиат?

Лали лишь кивнула. Произнесенное имя подхватило и уволокло ее туда, где город еще не вымер, где вокруг большая семья, где она была еще совсем ребенком, где бабушка вместо сказок убаюкивала ее историями из жизни родных — иногда смешными, иногда жуткими, но никогда обычными. Лали знала, что ей теперь предстоит делать. Она поднималась по ступенькам, а в голове, будто из старенького радиоприемника, звучал спокойный неторопливый голос: «Тетка моя Асиат вышла замуж, когда ребенком была. Раньше так замуж выходили. Мне мать тоже говорила — о себе не думаешь, хоть младшей сестре, Лиде, дай дорогу. Так за твоего деда и вышла замуж, пришлось. Муж ее на фронт почти сразу ушел. Призвали, война же была. Асиат уже забеременела. Ахсару год исполнился, когда сообщение пришло, что муж погиб. В семнадцать лет она вдовой осталась. А Асиат же такая была,

¹ Мард стæм (*осет.*) — мы мертвы.

негулящая, родителей мужа не бросила. Даже когда год прошел, она от них не ушла. И сына воспитала, Ахсара, на ноги поставила. Только его надо было хотя бы раз ремнем выпороть — может, тогда бы из него нормальный человек вырос. Но в Асиат жесткости не было, мягкотелая она была. Когда Ахсар умер, мы с Лидой за ней присматривали. Она, бедняжка, так шутила иногда: “Наверное, Бог забыл про меня”. И всегда говорила, что хочет умереть во сне, быстро. А смерть за ней не приходила. Уже девяносто два года ей было. Она слегла. Мы к ней врачей вызывали. Даже профессор один приезжал. А что врачи? Она лежит, они ей давление померят, а нам с Лидой потом говорят: “Возраст, что вы хотите”. Деньги возьмут и уходят. А Асиат только хуже становится. Она, бедная, плакала так, а после одной ночи, тяжелая ночь была, все у нее болело. После той ночи она мне и Лиде говорит: “Испеките мне два пирога”. Ну мы ей принесли два уалибаха². Усадили ее кое-как на кровати. Она же не вставала. А тут силы нашла. Рукой одной за стол схватилась, другой кружку с водой взяла, сама дрожит вся, еле держится. Просила Барастыра³ ее забрать. Вечером я спать ее уложила, как обычно. А утром в комнату захожу — а она спит будто еще, глаза закрыты, улыбается. Я ее бужу, толкаю, а она не встает. Умерла. Как хотела, так и умерла, счастливая...»

К моменту, когда Лали вернулась, держа в руках завернутые в целлофан несколько кусков белого, с рельефными узорами по бокам, сыра, опара для теста была готова. Мать сидела за столом задумавшись, подперев подбородок рукой. Лали подвязала голову легкой, голубого цвета косынкой и принялась за работу. Вымешивала тесто, разжигала духовку, разминала подсоленный сыр в крошку, собирала из крошек шероховатые хрупкие шары, вымешивала вновь поднявшееся тесто, отрывала нужного размера кусок, расплющивала, придавая форму круга, в середину клала шар из сыра, приподнимала тесто у краев, собирала к середине и защипывала так, что тесто полностью накрывало сыр, аккуратно, чтобы не порвать и не испортить форму, придавливала, перекладывала на сковороду, осторожными похлопываниями расправляла пирог, пальцем в самой его середине делала маленькое отверстие и отправляла в духовку.

Когда пироги были готовы, Лали приподняла ставшую почти невесомой Зою, заменила постельное белье. Набрал в таз воды из злобно плюющего крана, бережно обмыла Зою, невольно рас-

² Уэлибаэх (осет.) — пирог с сыром.

³ Барастыр — в осетинской мифологии владыка загробного мира.

смаывая расплывающиеся по ее телу, складывающиеся в причудливый узор раны. Лали придвинула к кровати стол, поставила на него блюдо с двумя пирогами — круглыми, золотистого цвета, обильно промазанными найденным в холодильнике у Зои топленным маслом. Налила в прозрачный граненый стакан воды.

Мать склонилась над умирающей:

— Зоя, я начинаю.

Она распрямила спину, чтобы произнести молитву, слова которой когда-то услышала от своей матери, слова которой когда-то приводили ее в ужас, слова которой казались ей бесчеловечными и неуместными..

Слова которой она теперь надеялась передать своей дочери.

Ночь была невыносимо душной. Город, избавленный от света уличных фонарей, от света люстр, выбивающегося из окон домов, от света неоновых вывесок магазинов, от света прожекторов, вырисовывавших на тротуарах и стенах зданий логотипы, город, избавленный от рукотворного света, был погружен в настоящую густую темноту. На улице перед домом одиноко стояла загруженная тележка. Лали дремала в неразобранном кресле, прижав ноги к груди. Ее мать сидела возле кровати Зои, держала в руке вымоченную в воде тряпочку, время от времени прикладывала ее ко рту умирающей. Зоя, вытаращив глаза, не отводя взгляда, смотрела на соседку, будто прекрасно видела ее в этой непроглядной тьме. Мать Лали вдруг обхватила ладонью руку Зои и начала едва слышно напевать, будто успокаивала младенца. С трудом, с каждым разом прикладывая все меньше усилий, Зоя втягивала в себя воздух. Когда она издала последний вздох, мать Лали безмолвно, стараясь не разбудить дочь, закрыла умершей глаза и мягко надела ей на подбородок, чтобы сомкнуть рот.

...Лали проснулась поздним утром, и солнечный свет уже раскалял комнату.

— Лали, Зоя ушла. Поешь, и нам надо будет ее хоронить.

— О боже... Ты не спала?

— Не спала, — мать тяжело вздохнула.

— По крайней мере, Зоя больше не страдает.

В кладовке у Зои Лали нашла лопату. Они с матерью решили похоронить Зою перед домом, посреди роз, за которыми та так любила ухаживать.

Мать осталась с покойницей, а Лали отправилась во двор, перешагнула через невысокий заборчик, забралась в палисадник и вонзила лопату в сухую, будто каменистую землю. Лали копала, часто останавливаясь, чтобы стереть выступавшие на лбу, застилавшие глаза, скатывавшиеся по щекам капельки пота. Солнце обжигало плечи, скрежет лопаты присоединялся к приглушенно дребезжащему в голове звону, и ноющая боль, возникшая сначала в руках, растекалась по всему телу.

Спустя несколько часов Лали решила, что неглубокой узкой ямки будет достаточно, чтобы вместить высохшее, крошечное тело Зои. Она вернулась домой, мягко, будто боясь причинить боль, уложила тело по центру ковра. Мать подхватила края и, будто пеленая младенца, укрыла ими Зою. Они вынесли мертвую и как могли бережно опустили в землю. Мать достала из кармана платья новый носовой платок и носки, положила их в могилу.

— Бабушка просила передать, у нее ноги мерзнут, — сказала она, не глядя Лали в глаза.

— Мам... — Лали хотела было что-то сказать, но махнула рукой. Снова взяла лопату и стала сыпать на тело Зои комья только что откопанной земли.

После Лали в последний раз поднялась в их с матерью квартиру, прошла в ванную, открыла кран — тот злобно захрипел, изрыгая лишь пустоту. Лали наскоро обтерлась полотенцем, переоделась и спустилась к матери, все это время в одиночестве сидевшей на лавочке.

— Пойдем, мам.

— Сядь со мной.

Лали хотелось поскорее выдвинуться в путь, но она покорно приблизилась к лавочке и села рядом с матерью. Помолчали. Потом мать сказала:

— Вся твоя жизнь прошла здесь.

— Знаю.

— Может, завтра пойдем?

— Мам, надо отсюда уходить. Если ты не идешь, я уйду сама.

— *Лали... — мать вдруг замялась и с непонятным выражением посмотрела дочери в глаза. — Я тебя не держу.* ◆

Тогда Лали встала, подошла к тележке, взялась за поручень — и быстро, не оборачиваясь, зашагала прочь.

Солнце продолжало больно жалить. Тележка скрипела, давясь попадавшими под колеса камешками, лоскутами выцветших тряпок и разложившимися телами. Лали рассеянно разглядывала свой небогатый скарб в тележке, будто могла сквозь хорошо перевязанные пакеты увидеть, пересчитать содержимое.

Во дворе многоэтажки, во дворе пустынного, полностью вымершего дома Лали яблочное дерево сбрасывало мелкие, еще не поспевшие зеленые плоды. Могила, окруженная высокими, с длинными шипами розами, где теперь лежала Зоя, выпирала как огромная овальная шишка на теле земли. На старенькой, жалко выглядящей лавочке больше никто не сидел.

Элина АГУЗАРОВА

БЫК

МИНИАТЮРА

Сегодня будут резать быка. Отец в первый раз решил взять меня помощником. Всю ночь я не мог уснуть, размышляя о своей роли в предстоящем обряде. Было страшно. Я пытался успокоиться. Вспомнил, что часто видел, как режут куриц, не для высшего замысла, а просто на обед. Не помогло. Птица почему-то не вызвала моего сочувствия. Я думал о Боге. Для чего ему нужен бык? Отец говорил, что все, чем одаришь Бога, вернется вдвойне. Одаривать чем-то и ожидать взамен большего — разве это честно? Можно ли вообще торговаться с Богом? «Бог ведает все, даже твои мысли. Искренняя вера и есть самая главная жертва!» — учила меня мама.

* *Так неужели Он не знает, что быка мы отдаем из корыстного желания получить ответную благость? А может, все дело в уважении к Его силе? Ему хочется, чтобы мы Его боялись?*

Мне страшно и сейчас, когда я бегом спускаюсь по лестнице и пытаюсь на ходу запихнуть руку в рукав ветровки, через одну считая ступени в такт подъездному эху моих же шагов. Раз, два, три-четыре-пять... Если бы меня попросили описать или объяснить этот страх, я бы не смог. Он появился одновременно с тем, как к нам в селение привезли быка. При одном лишь взгляде на животное в грудной клетке нарастала тревога. Наверное, потому что я знал, для чего он здесь. С одной стороны, ему даже повезло. Его жизнь имела довольно понятный смысл — стать жертвой во имя благой цели.

Над линией горизонта разрасталось оранжево-красное свечение, окрашивая алым землю. Предрассветная свежесть приятно

обдавала лицо. Мир такой красивый, особенно с утра. Постояв недолго у дома, я направился к загону, где держали быка. У него не было имени, но были очень умные черные глаза. Существо с такими глазами заслуживает быть названным. Я хотел увидеть его, сказать, что мне стыдно, и попроситься. Думаю, ему тоже было страшно.

Пока я бежал, уже рассвело. Бык одиноко стоял в центре загона. Засов на воротах заклинило, поэтому пришлось перепрыгнуть через деревянную ограду. Оказавшись запертым внутри круга, я понял, зачем пришел сюда на самом деле. Кто-то, возможно, посчитает меня слабаком или трусом, уже неважно. Несколько раз я толкнул ворота плечом, затем со всей силы начал выбивать их ногой и бил, пока старенький засов не слетел с петель.

— Эй! — крикнул я. — Уходи, убегай отсюда.

Бык продолжал стоять на месте неподвижно.

— Почему ты не слушаешься? — легкие жгло, а голос охрип. — Ты свободен... — почти прошептал я, обессилев.

Он все не двигался. Стоило мне, наконец, приблизиться к быку и коснуться его шеи, как на нас начала медленно опускаться тень. Я обернулся в сторону двухэтажки, в которой жил. Постройка изгоем возвышалась среди низких домиков на фоне величественных гор. Только что появившееся солнце скрылось за черным объемным пятном. «Туча», — решил я. Приглядевшись, я рассмотрел силуэт огромного гладкого треугольника. Каменная глыба, похожая на перевернутую каплю, опускалась с неба, и чем ниже она спускалась, тем сильнее мне приходилось запрокидывать голову. Сверху дул ветер, приминая к земле траву у моих ног. Сердце забилось быстрее, перед глазами появилась полупрозрачная дымка. Я зажмурился и прижался всем телом к быку. Все ощущалось словно в плохом сне. Следовало немедленно проснуться, пока со мной не случилось ничего дурного. Гул в ушах усиливался, что-то давило на барабанные перепонки. Я начал считать воображаемые ступени. Раз, два, три...

Вдруг шум стих. Стало беззвучно, будто глубокой ночью в лесу. Затем послышался треск. Любопытство заставило меня взглянуть наверх. Глыба висела в воздухе прямо над загонем. Ее дно открылось, и изнутри появился яркий белый луч.

— Мы живы? — то ли подумал я, то ли произнес вслух.

Я снова закрыл глаза, а когда открыл, увидел самого себя, лежащего на траве. Я не мог пошевелиться. Равновесие нарушалось, и я опрокидывался набок. Нужно распределить вес на... четыре ноги. Происходящее не поддавалось объяснению. Несколько человек подбежали ко мне. Луч света ослеплял, и я не

мог разглядеть их лица. Они подняли тело и унесли его, не обращая на меня внимания. Я остался стоять один. Свет погас. «Это точно сон», — крутилось в голове без остановки.

Мужчины быстро вернулись, теперь я смог их узнать — Эльбрус, пастух, и его старший брат Тамерлан. Они поравнялись со мной и стали разглядывать объект, повисший в небе.

— Эх, жалко парня, испугался, видимо, — с досадой отметил Эльбрус и пнул камень.

— Нормально все будет, — привычно строго отчеканил дядя Тамик, — поправится.

— Думаешь, старик его тоже с ума сошел, или к нам реально Бог спустился? — не унимался Эльбрус.

— Конечно, нет. Ты что, фильмы не смотришь?

— Думаешь, все-таки инопланетяне? — не вынимая рук из карманов, пастух *заговорщически* подмигнул брату.

— Не знаю я, — не отвлекаясь от наблюдения Тамерлан, — в город надо звонить.

Я хотел вмешаться в их разговор, но смог только промычать что-то нечленораздельное. Они синхронно повернулись в мою сторону.

— Быка-то резать будем, Тамик?

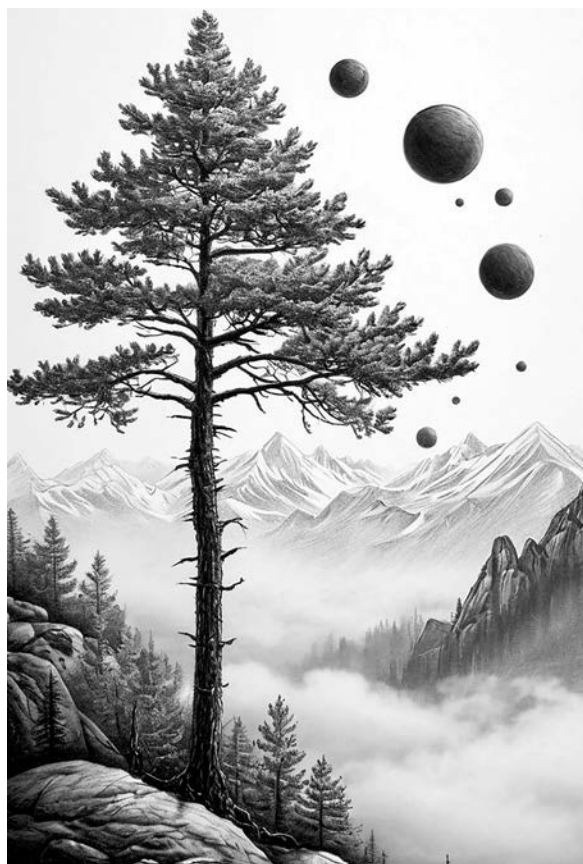
— Как старик решит, так и сделаем.

Мурат ГЕЛЯСТАНОВ

ТУМАН СПУСКАЕТСЯ С ГОРЫ

РАССКАЗ

Мне снится дом. Это очень странный сон. Оплавленный и нестабильный мир вокруг едва начинает приобретать очертания. Он словно из воска. Как и в любом бредовом сне, все постепенно становится обыденным и привычным. Но что-то в нем не так. Я вижу здание и двор вокруг него. Но двор пульсирует, сжимаясь и расширяясь, подобно чреву огромного животного. Стены дома вот-вот рухнут, изгибаясь и наклоняясь под самыми невероятными углами. Но это не похоже на кошмар. Скорее, бредовые видения наполнены некой бесконечной грустью и тоской. Мозг дремлет, но подсознание прекрасно знает, что никакого дома больше нет. Пульсирующий мир так и не успевает обрести форму. Из состояния болезненной дремоты меня выдергивает обжигающе холодное прикосновение. Это Мелкий.

— Ну чего?

Слова застревают в пересохшем горле. Вспоминаю вдруг, как в детстве мы съедали на спор пачку печенья «Юбилейное», не запивая его водой. Считалось, что это невозможно. Захлебываюсь в кашле, а живот осуждающе урчит при воспоминании о лакомстве в классической пестрой упаковке. Пытаюсь резко встать, но по телу прокатывается боль, от пяток до висков и обратно. Выгляжу я, должно быть, крайне жалко. Заметив тревожный взгляд Мелкого, слегка хлопаю его по плечу.

— Я в порядке. Что стряслось?

Сейчас его очередь дежурить. Я знаю, что без веской причины он будить меня не станет. А причина может быть только одна.

— Туман, — шепчет Мелкий, тыча пальцем куда-то мне за спину.

Я молча киваю. Усевшись на тахте, ловлю приступ головокружения. Жду секунд двадцать, затем спешно зашнуровываю ботинки. Снова замечаю, что обувь налезает все труднее. Стянув носок,

трогаю пальцем основание голени. На ней остается выделенная белым вмятина. Пока Мелкий не замечает, натягиваю носок обратно.

Он уже приготовил свой рюкзачок и помогает теперь собираться мне. Мелкий большой молодец. Знает, что нужно делать. Не тратит драгоценные минуты на пустую болтовню и возню. Мы оба понимаем, что времени у нас не много.

За окном ночь. Это значит, что заметить туман можно, когда он подбирается к трем хилым соснам на полянке перед хижинкой. Не раньше. У нас в запасе минут десять. Этого вполне достаточно. Мелкий уже стоит у двери, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

— Погоди. Голова что-то совсем не соображает. Воду взял?

— Взял, — кивает он. — Две полторашки у меня и четыре в твоём рюкзаке.

— Сухпай?

— Два у меня, два у тебя.

— Так, а шапка где твоя?

Шумно вздыхая, Мелкий достает из кармана аккуратно сложенный головной убор и натягивает его на макушку.

— Ну, теперь идем?

— Пошли.

Легонько подталкиваю его в спину и плотно закрываю дверь.

Сейчас июнь, но на улице прохладно. Лучи наших фонариков мечутся в темноте, выхватывая подступающую оранжеватую дымку. Аккуратно, стараясь не подвернуть ногу в переплетении корней и гнилых веток, мы огибаем хижину и спускаемся чуть ниже по склону. Здесь стоит высоченная одинокая сосна. Такое ощущение, что остальные деревья выперли ее из леса за непомерно высокий рост. С глазомером у меня плохо, но метров тридцать в ней точно есть. Мы с Мелким любим эту сосну. Она нас спасает. Это наш второй дом.

Хватаясь за поперечные ветки, мы упираемся ногами в предусмотрительно вбитые в ствол деревяшки и ползем наверх. Сначала Мелкий, за ним я. Он хоть и мал совсем, но справляется хорошо. Я за ним не поспеваю. Пальцы плохо слушаются, а одеревеневшие ноги ощущаются как протезы. Чувствую себя очень плохо. Голову при каждом движении протыкают раскаленные иглы, тошнота волнами подкатывает к горлу. Мелкий то и дело оборачивается.

— Давай быстрее.

— Не суетись, я и так на пределе сил.

— Ты заболел?

— Нет, просто устал.

Наконец мы добираемся до цели. Здесь устроена лежанка. Не знаю, кто ее соорудил, но крупнейшее ему за это спасибо. Сюда туман не добирается. Это неполноценный домик на дереве. На поперечные ветки набиты доски, образуя довольно ровный настил. На случай дождя сверху закреплена сложенная в несколько слоев полиэтиленовая пленка. Лучшего места, чтобы переждать туман, и не придумаешь. Раньше, должно быть, с площадки открывался чудесный вид на долину, лес и горы. Сейчас долина покрыта туманом, гор не видно вовсе, а на лес и смотреть-то страшно. Он напоминает мне раковую опухоль. Мертвый и опустевший лес.

Некоторое время сидим молча. Восстанавливаем дыхание после тяжелого подъема. По правде говоря, отдых нужен только мне. Воздух со свистом вырывается из груди, перед глазами все плывет и кружится. Как в том сне. Чтобы не свалиться вниз, я прижимаюсь спиной к влажному и прохладному стволу. Где-то в глубине сознания снова шевелится перманентный страх. Боюсь я, само собой, не за себя.

— Дай водички.

Покопавшись в рюкзаке, Мелкий протягивает бутылку.

— Ты заболел, — снова говорит он. Но уже без вопросительной интонации.

В его голосе я слышу тревогу, страх. Есть еще что-то. Кажется, это осуждение. Ему всего десять, но многие вещи он понимает не хуже взрослых.

Пожевав губу, Мелкий добавляет:

— Я не хочу остаться один.

От его слов по спине бежит холодок. Едва не подавившись водой, я пытаюсь улыбнуться.

— С чего ты взял, что останешься один?

Мелкий молчит, как бы думая, отвечать или нет. Затем все же говорит:

— Ты был в тумане. Это плохо.

Он чертовски прав. Я молчу, но Мелкий и не ждет ответа. Подложив рюкзак под голову, он устраивается рядом. Я кладу мокрую от пота ладонь на его мерно вздымающийся бок.

— Твоя очередь дежурить. Не уснешь? — спрашивает он, не поворачивая головы.

— Не усну. Спи давай. С утречка перекусим и посмотрим, что да как. Что там по времени?

Мелкий вскидывает руку. Часы — его гордость. Великоваты для его тощего запястья. С кучей кнопок и функций, в основном бесполезных. Для ребенка — то что нужно. В темноте синим светит циферблат. Четыре утра. Через пару часиков станет светлее.

— Ну все, — тихо говорю я. — Теперь точно спи. Утро вечера мудренее.

— Почему?

— Что почему? — не понимаю я.

— Почему утро вечера мудренее?

Простой детский вопрос ставит в тупик. Сознание затуманено, мозг работает с перебоями. Я частенько забываю некоторые слова. Да и простейшие действия по типу «собрать рюкзак» даются все труднее. Некоторое время я молчу, пытаюсь сформулировать ответ. Но внутри лишь пульсирующая боль и ужас... И голос, повторяющий одно и то же: со мною что-то не так.

— Ты не знаешь? — вырывает меня из ступора голос Мелкого.

— Знаю. Просто это длинная история. Завтра расскажу. Спи давай.

— Ну ладно.

Покрутившись на неудобном рюкзаке минут десять, Мелкий засыпает.

Боль отпускает. Надолго ли? Ненавижу дежурить. Когда Мелкий спит, я остаюсь наедине со своим болезненным сознанием, наедине с туманом. Днем мы с ним болтаем или просто молча занимаемся какими-то делами. И кажется, что все как обычно. День как день, ночь как ночь. Но оставшись один, я думаю лишь о том, насколько же безвыходно и безнадежно наше положение и что с нами будет дальше. Переживания о настоящем, страх перед будущим. Обычно они смешаны, и с некой рефлексией о прошлом. Думать о прошлом иногда приятно, хоть и бесполезно. Теперь все иначе. Не время для пустых рассуждений и воспоминаний. С каждым днем мне все хуже. Нужно придумать, что нам делать дальше...

Что дальше делать ему, Мелкому.

Становится светлее. На небе фиолетово-оранжевая пелена без конца и края. Сквозь редкие разрывы проглядывают облака. Такие белые, такие обычные. Это небо, если можно его так назвать,

жутко давит. Все никак к нему не привыкну. Да, есть в нем даже некое очарование. Но это опасная, угрожающая красота. Если долго на него смотреть, начинает болеть голова. Но стоит опустить взгляд — и приходится смотреть на туман.

Вот и он, проклятый. Ползет не спеша. Единственный и абсолютный хозяин обходит свои владения. Плотные, как куски ваты, клубы отваливаются от общей массы, захватывая метр за метром. Он не похож на привычный нам земной туман. Кажется, будто где-то на горе включили гигантскую сценическую дым-машину. И теперь клубы глицеринового пара, повинувшись силе гравитации, ползут вниз. По сути, так оно и есть. Над вершиной висит сфера. Ее пока не видно, но я знаю, что она там. Они все там, в горах. По всему миру. Сотни и сотни тысяч, возможно — миллионы. Исправно генерируют туман, который ползет вниз к долинам. По полям, по поселкам, по городам, до самых морей и океанов. Безмолвные и равнодушные матово-черные сферы.

Мелкий дергается во сне. Интересно, что ему снится? Безуспешно пытаюсь вспомнить свои детские сновидения. Но я был обычным ребенком. А Мелкий, он... Он не совсем обычный.

Я слишком привык к тишине, чтобы пропустить мимо ушей какие-либо звуки. Лес мертв: ни птиц, ни зверей, ни насекомых. Но я что-то слышу. Там внизу под плотным оранжевым одеялом какая-то возня. Вот сломалась ветка, этот звук ни с чем не спутать. Подползаю к краю платформы. Уже достаточно светло, но туман слишком плотный. Будь там хоть слон — все равно ничего не разглядеть. Но там явно не слон. Что-то другое. Несомненно — живое.

Я слышу дыхание. «Живое» дышит тяжело, часто и хрипло. Издает звуки, которые не назвать иначе как «ворчливое оханье». Стягивает затылок, в ушах стучит кровь. Меня покрывает холодная испарина. Все вокруг — этот туман, сферы, гибнущий мир — воспринималось мною уже как данность и почти не пугало. Но что-то живое, притаившееся в ядовитом мареве, вызвало настоящий ужас. За все время в плену у тумана мы не встретили ни единой живой души. Здесь даже муравьев нет. Но теперь там внизу какая-то тварь. И она под нашей сосной.

Бросаю быстрый взгляд на Мелкого. Спит как ни в чем не бывало. Разбудить его? Пожалуй, не стоит. Может, все обойдется. Тварь поохает, подышит и пойдет дальше. Незачем пугать ребенка... Вдруг явственно ощущаю, как пошатнулась платформа. Через секунду снова толчок. Звонкий хруст ветки и треск сорванной коры. Ясно. Оно ползет наверх.

На несколько секунд я впадаю в ступор. В голове огненным торнадо зарождается круговорот из паники, страха и отчаяния. Что я наделал! За недели сонного прозябания в избушке можно было выточить хотя бы захудалое копьё. Теперь мы в ловушке. Из оружия у меня лишь затупившийся нож. Да и тот, кажется, я забыл на столе в избе. Слабости как не бывало. Адреналин в крови придает сил. Нужна хотя бы простейшая дубина. Пытаюсь отломать ближайшую ветку и параллельно бужу Мелкого. Спросонья он не понимает, что происходит. Сосновая древесина гнется, но не ломается, будь она неладна. Мечусь по платформе, хватаясь то за одну ветку, то за другую. Они все либо слишком толстые и крепкие, либо чересчур хилые. Подхватив Мелкого, сажаю на ветку повыше.

— Лезь наверх! — ору я.

Почти разрываю рюкзак в надежде найти хоть что-то. Но что? Облить тварь водой? Накормить сухпайком? Твою ж мать, у меня ничего нет! Обезумев от ярости, пытаюсь оторвать доску от настила. Прибиты на совесть. Секунды, секунды! Их все меньше. Кидаюсь к краю, чтобы взглянуть вниз. Как близко тварь? Отпрянув, падаю назад. Отломанная мною же ветка больно впивается в спину.

Над краем площадки возникает огромная лохматая голова. Частично покрыта шерстью, частично розовой, пестрящей язвами кожей. Две пустые глазницы с ручейками гноя под ними. Беззубый рот, источающий невыносимую трупную вонь. Твою мать! Это медведь?

Больной и слепой, почтидохлый, но все еще грозный и смертельно опасный медведь. Разлагающийся хищник, который одним ударом может отправить на тот свет. Каким чудом хозяин леса не сдох в тумане? Насколько же силен был этот зверь, раз ему удалось выжить? Должно быть, он шатался по лесу и питался отравленной падалью. А теперь вот учуял свежее мясо.

Неуклюже, но уверенно медведь карабкается на платформу. Я застываю, обреченно глядя на уродливое, словно облитое кислотой животное. Долго он не протянет. Но мне-то что от этого, если через секунду зверь одним ударом превратит меня в фарш?

А потом он поползет за Мелким...

В голове лишь черная пустота, сквозь которую молнией летит мысль. Кинуться на зверя и улететь с ним вниз, в туман. Вот по-

следний и единственный шанс спасти Мелкого. Присев на корточках, я пружиной сжимаюсь для последнего броска. Но не успеваю его выполнить.

У меня из-за спины вылетает оранжевая струя и бьет медведю прямо в морду. В ту же секунду мир наполняется болью и огнем. Я ослеп. Я не могу дышать. Из рта течет слюна вперемешку со рвотой. Может быть, медведь меня прибил и теперь я обречен на вечные мучения в аду? Господи, как же жжет! Судорожно перекатываясь по платформе, чудом не падаю в туман. В безумном болевом фейерверке слышу вдруг, как орет медведь. Ломая ветки, он летит вниз. Глухой удар. Тишина.

Натыкаюсь рукой на распахнутый рюкзак. Вода! Прохладная, спасительная вода. Нащупав среди прочего хлама бутылку, открываю крышку и лью живительную жидкость себе на лицо.

Боль не уходит, но зрение возвращается. Сквозь пелену слез я уже могу различать очертания и контуры. Не зря говорят, что вода — это жизнь. Половину бутылки я использую для умывания, оставшуюся воду жадно выпиваю. Как только горло перестает гореть, охрипшим голосом зову Мелкого.

— Я здесь, наверху. Все нормально.

Его голос меня успокаивает. Становится как будто легче. Опасность миновала, и зверя больше нет. Силы, как по щелчку, меня покидают. Вконец измотанный, я валюсь на край платформы.

Прохладный легкий ветерок гладит лицо. Сердце стремится выскочить из груди и обрести наконец свободу. Гулкие удары отдаются в затылке маятниковой болью. У меня нет сил даже повернуть голову. Краем глаза вижу, как спускается Мелкий. Он кашляет и чихает. Все же он чувствует себя гораздо лучше меня. И слава богу. Мелкий стягивает свою шапку, обильно поливает ее водой, кладет мне на лицо. И это помогает. Что за чудесный ребенок!

Позволяю себе полежать минуты две. Шапка не слишком приятно пахнет, но пользы от нее несоизмеримо больше. Я искренне наслаждаюсь прохладой на своем горящем лице. Ну все, довольно. Поворачиваюсь на бок, затем пытаюсь сесть. Немного кружится голова, продолжают слезиться глаза, и нос горит невыносимо. А так я в порядке. Хватаю Мелкого за плечо и осматриваю со всех сторон.

— Ты цел?

— Ага.

Глаза у него красные. На носу висит сопля. На лице довольная улыбка.

— Чего смеешься? Чуть не сожрали нас с тобой.

Замечаю вдруг, что он сжимает в руке какую-то штуку.

— А ну-ка показывай. Что спрятал?

Он протягивает небольшой цилиндрический предмет. Верчу его перед лицом и все никак не могу понять, что же это такое. Боллят глаза, да и сиреневые предрассветные сумерки совсем не помогают. Догадавшись, включаю налобный фонарь. Ха, перцовый баллончик!

С его помощью Мелкий нас спас. И себя, и своего непутевого дядьку. Я слишком устал, чтобы удивляться, но откуда у него эта штука?

— Ты где это взял?

— Ты сам мне его дал. А еще сказал использовать только в случае крайней опасности. Сейчас такой был случай?

Теперь вспоминаю. Чертова дырявая память. Когда-то было такое. Давно, еще в прошлой жизни.

Рукавом вытираю сопли с его носа. Он недовольно морщится. Хочется его обнять, но он это не любит. Протягиваю ему руку. Крепкое, настоящее, мужское рукопожатие.

— Такой. Именно такой.

Два часа дня. Солнца не видно, но его свет все равно прорываетесь сквозь пелену неба, превращая мир в сюрреалистичную фиолетовую карикатуру. Тишина такая, что я слышу речку в долине. А до нее очень и очень далеко. Туман почти рассеялся. Побрел дальше, оставляя лишь небольшие островки в рывтинах и оврагах. Но и они скоро исчезнут.

Мы сидим с Мелким на краю платформы, свесив ноги. Под соной лежит медведь. Я хорошо вижу его отсюда, и он мертв. Тело от удара лопнуло. Кости и ребра торчат во все стороны, окруженные кровавыми лохмотьями. Словно зверь был сделан из желе, которое не выдержало падения. Такой вот железный мишка родом из тумана. Мне даже немного жаль. Бедняга боролся до последнего. Но и его могучее тело не выдержало схватки с туманом. Земной монстр проиграл в неравной борьбе монстру инопланетному.

С нескрываемым отвращением Мелкий разглядывает останки хищника. Однако это не мешает ему жевать галеты и запивать их водой.

— Так почему утро вечера мудренее? — спрашивает он с наби-тым ртом.

— Потому что, — отвечаю я, в назидание поднимая палец, — утром люди бодрые и отдохнувшие. И голова работает лучше. А вечером мы уставшие и сонные, думается плохо. Вот люди и говорят, что важные решения лучше оставлять на утро. Понял?

— Понял, — он кивает. — А мы почему по утрам ничего не решаем?

Мелкий все воспринимает буквально. И вопросы он задает исходя из своей особенной логики. Он не понимает, насколько сейчас точен и правилен его вопрос.

— И мы что-нибудь решим. Обязательно... Представляешь, а я и забыл, как дарил тебе баллончик. Это ж года два прошло.

— Ага. А я тогда был еще в школе. Там хулиганы были. А ты мне его дал и сказал, чтобы я его использовал, если они будут меня бить. А они не били.

— Точно. Получается, не такие уж они хулиганы, — улыбаюсь я. — И ты все это время таскал его с собой?

— Ну да.

— А шапку как догадался водой намочить?

— Здесь написано. — Он достает баллончик и тычет грязным ногтем в мелкий шрифт на задней части.

— Ну ты мозг! — искренне восторгаюсь я. — Вот честно. Я бы ни за что не догадался.

Упоминание Мелкого о школе вызывает во мне неприятные воспоминания. «Мы не можем допустить, чтобы ребенок с таким диагнозом учился вместе с нормальными детьми». Директриса, ухоженная женщина лет пятидесяти с холодным и непреклонным взглядом, вовсе не хотела обидеть. Такова ее работа. «Родители меня заклюют, — призналась она, когда мы прощались. — Ваш племянник умный. Просто в социуме ему не место...» Эх, видела бы она, как Мелкий побеждает медведя! Хотя сейчас, скорее всего, та директриса уже мертва. Как и все, кто был в той школе. А мы вот с Мелким еще держимся. После смерти его матери мы привыкли справляться одни. Может, поэтому нам пока везет? Хотя не знаю даже, стоит ли называть это везением.

Через час можно спускаться. Мелкий сидит молча. Для него это обычное состояние. Я тоже молчу. На душе паршиво. Паршивее, чем обычно. Нельзя вот так просиживать штаны в охотничьей хибарке и ждать, пока закончатся припасы. Случай с полудохлым медведем весьма показателен. Мы оказались в западне, и лишь везение да запасливость Мелкого помогли нам справиться. Наша избушка — это та же самая западня. Только чуть побольше. Мы

привязаны к этой поляне на склоне, к этой избушке, к этой сосне. Нужно двигаться, нужно что-то придумать. Да только что? Вниз нельзя, там туман. Взбираться выше? Но там сфера. И велик шанс, что туман застанет нас врасплох. А рядом не будет достаточно высокого дерева или скалы. Что тогда?

Достаю мобильник. Включаю, жду минуту. Нет сети. Заряда в батарее почти не осталось. Еще парочка таких включений — и все, аппарат окончательно сдохнет. На пару секунд открываю поисковик. Я сохранил последнюю прогруженную страницу полуторанедельной давности. Сплошь сообщения о черных сферах, зависших над Землей. Выглядит как бред, но стоит мне посмотреть по сторонам, и все это перестает казаться таковым. Снова думаю о том, повезло ли нам с Мелким, что мы двинулись в поход в тот день, когда все началось. Повезло ли, что мы застряли на склоне горы и туман здесь не поднимается высоко, не застаивается? Повезло ли, что Мелкий все уши мне прожужжал, упрасывая сводить его посмотреть на Эльбрус? Может, останься мы внизу вместе с остальными людьми, было бы легче?

— Сфера.

От неожиданности я вздрагиваю. Мелкий тычет пальцем вверх. Знаю я, что она там. Нет никакого желания на нее смотреть.

— Большая. Черная.

Есть у него такая привычка. Порой он как Акын: поет что видит. Мне с моими думами сейчас совсем не до сфер, будь они неладны.

— А вон там, — не унимается Мелкий, — еще одна сфера. Маленькая и белая.

Погруженный в мысли, я киваю на автомате. Нужен план. Но я не могу ничего придумать. Любой план к чему-то приводит, а куда придем мы? И для чего? Я не знаю, сколько у нас времени. Вероятно, я тоже превращаюсь в живой труп, как тот медведь. Вот только у меня нет могучей силы медведя, чтобы достаточно долго противостоять действию тумана. Я был в тумане лишь несколько секунд. Но этого, видимо, достаточно. И совсем скоро стану для Мелкого обузой, а не защитой.

— Ну посмотри, посмотри на сферу. Там лампочка горит, — дергает меня Мелкий за рукав.

— Да нет там никакой лампочки.

Нехотя я разглядываю внушительное сооружение, зависшее над горой. Сфера такая черная, что кажется, будто это идеально круглая дыра в мироздании. Провал в холодную тьму космоса.

— Ты не туда смотришь, ну! Смотри вон туда.

Мелкий тычет пальцем вовсе не на черную сферу. Это где-то на гребне, гораздо правее. Прищурившись, я действительно вижу нечто. Точнее сказать сложно. Зрение после тумана тоже лучше не становится.

— А где лампочка? — спрашиваю я без особого интереса.

— Сейчас, подожди. Она не постоянно горит. Загорается, потом тухнет.

Мелкий не выдумывает. Мы ждем, кажется, минут десять. У меня уже начинают болеть глаза, когда я вижу огонек. Загорелся на секунду и тут же погас. Перехватывает дыхание. Пока мало что понятно, но будь я проклят, если это не похоже на сигнал. Значит, там могут быть люди? Люди!

Мы ждем еще десять минут. Пожалуй, это самые долгие десять минут в моей жизни. Вот он, снова огонек. Сомнений быть не может. Как жаль, что у меня нет с собой бинокля. Мелкий видит гораздо лучше меня. Он говорит, там сфера. Маленькая белая сфера. Что же это может быть?

— Ну как же ты не видишь? — в отчаянии Мелкий скидывает руки.

— Погоди-ка! Есть одна идея.

Дрожащей рукой достаю смартфон. В камере 30-кратный зум. Если сделать максимальное приближение — картинка не бог весть что. Размытая и искаженная, вся разбитая на пиксели. Но иногда можно что-то разобрать. Проблема в батарейке. Лишь бы хватило заряда. Мне нужна всего минутка.

Включаю гаджет. Мгновенно он сигнализирует о трех процентах. Запускаю камеру. Три процента очень быстро превращаются в один. Через мгновение всплывает сообщение: «Отключение через тридцать секунд. Подключите зарядное устройство». Смахиваю его в сторону и лихорадочно приближаю нужный мне участок гребня. Первые секунды слегка подрагивает рука, а изображение при таком увеличении скачет как бешеное. Упираюсь локтями в колени и задерживаю дыхание. Пытаюсь тем самым максимально стабилизировать картинку. Телефон вибрирует в предсмертной судороге и отключается. На некоторое время застываю в этой неудобной позе, наблюдая свое отражение на черном экране. Последний процент потрачен совсем не зря. Я успел все рассмотреть. Теперь я знаю, о какой маленькой белой сфере говорит Мелкий.

Он тычет мне в бок и нетерпеливо спрашивает:

— Ну что там? Что ты разглядел?

Я улыбаюсь. Внутри странное ощущение. Кажется, я позабыл, что такое радость. Но теперь, возможно, у нас появляется надежда.

— Кстати, давно мы с тобой не учили новые слова. Сейчас будет сложное. Запоминай. Об-сер-ва-то-ри-я.

У меня выпал передний зуб. Не помню, чтобы я когда-то жаловался на проблемы с кариесом. А зуб просто взял и выпал. Без боли. Периодически я корчу Мелкому рожи, шепелявя и выкидывая разные фразочки. Он смеется. Мы собираем рюкзаки. Укладываем в них все наше жалкое имущество. Впервые за долгое время в нашей хибарке царит оживление.

Страх ушел. Почти не обращаю внимания на то, что остальные зубы тоже шатаются. Перескочив все стадии принятия, я пришел сразу к последней. Она вроде бы так и называется. Принятие. Мое тело разрушается.

Логично, что туман работает именно так. Да, я знаю, что использовать человеческую логику неправильно. Сферы строили не люди. Они прилетели из космоса и подчинены своим правилам, которых нам никогда не понять. Я и не пытаюсь что-либо понимать. Но мозг иногда сам подкидывает некие вполне поверхностные сравнения. Типа: «Мы все в одной большой газовой камере».

Думаю, под действием тумана разрушается и мозг. Иначе как объяснить, что смерть меня не пугает? Напротив, с тех пор как мы заметили сигнал, я чувствую прилив сил и даже некоторую радость. Все же надежда классная штука. У меня появился шанс пристроить Мелкого. Если бы я не был одурманен инопланетным газом, то вспомнил бы про обсерваторию. Я о ней знал. Если бы не ухудшающееся зрение, я заметил бы сигнал гораздо раньше. Я мог бы подумать о том, что на продуваемом ветрами гребне тумана не бывает. Тяжелый оранжевый туман туда ползти точно не станет. Но все сложилось как сложилось. И на том, как говорится, спасибо. Теперь главное — дойти и обезопасить, хотя бы на время, Мелкого. Все равно, что станет с миром. Все равно, что будет со мной.

— Эй старичок, — зову я его, — иди-ка сюда.

Мелкий знает: если я к нему так обращаюсь, предстоит серьезный разговор. Я усаживаю его на косо сколоченную табуретку. Сам сажусь на тахту напротив. Мелкий исхудал. Коричневая шер-

стяная жилетка поверх полосатой кофточки изорвана в нескольких местах. Джинсы перепачканы, на коленках несмываемые маслянисто-черные пятна.

— Помнишь, мы договорились с тобой? Ты должен делать все, что я скажу.

— Помню, — кивает Мелкий. — Я разве не делаю?

— Делаешь. Ты вообще молодец. И от медведя нас спас, и огоньки заметил. На этой, как ее...

— Абсивартории, — тут же подсказывает Мелкий. — Я запомнил.

— Ну да, почти. А помнишь еще, мы обещали всегда говорить друг другу правду?

— Помню. А я что, врал?

— Нет. Скоро мы пойдем с тобой наверх, на самую вершину. К обсерватории. И ты должен меня слушаться, даже если тебе покажется это неправильным.

Мелкий хмурится. Наш разговор приобретает слишком серьезный тон. Изображаю карикатурную улыбку и просовываю язык сквозь щель в зубах.

— А то нарвемся на неприятности.

Он смеется. Смеяться любят все дети.

— Я буду слушаться, — сквозь смех говорит Мелкий.

— А еще пообещай кое-что.

— Что?

— Ты должен будешь дойти, даже если придется меня оставить.

Улыбка пропадает с его лица. Знаю, вести подобные разговоры с ребенком жестоко. Но сейчас не до сантиментов. У нас нет выхода, нет времени, нет выбора.

— Как это — оставить?

Мелкий верит мне. Значит, я должен солгать.

— Н-ну... вдруг я упаду или поранюсь. Тебе придется бежать за помощью. Всякое может случиться. Хочу знать, что на тебя можно положиться.

— А-а-а... — Ложь срывает. — Я смогу. Приведу помощь. Я не боюсь. У меня баллончик есть.

— Вот и молодец. Без тебя я не справлюсь.

Еще некоторое время я раздаю Мелкому инструкции. Они не слишком четкие, местами даже путаные. Мысли в голове тяжело выстраивать в нечто цельное. Но я стараюсь, чтобы Мелкий все понял. Он вроде бы понимает. Он умный. И честный. Я тоже с ним

честен. Всегда. Сейчас мне приходится лгать, но это не в счет. Пусть думает, что идет за помощью. Главное, чтобы он дошел. Я тоже постараюсь, но шансы невелики. Мелкий смеется над моей щелью в зубах. Он не знает, что левый глаз у меня больше не видит, а на ногах выпали почти все ногти. Да и не нужно ему это знать. Волосы тоже выпадают, и все тело в целом ощущается как нечто чужеродное, мне уже не принадлежащее. Боюсь представить, что творится с внутренними органами. Да и плевать. Это не имеет значения. Мне нужно всего лишь немного времени... Ну и везения.

Лес мертв. Верхушки деревьев еще сохраняют зеленоватую видимость жизни, но зона тумана совершенно точно гниет. Мы стараемся не прикасаться к покрытым слизью стволам. Частенько попадаются трупы животных. Они выглядят как лужицы. Часте невозможно понять, кто это был. И лишь иголки ежей выдают своих безвременно погибших хозяев.

План у нас есть. Последний раз взобравшись на нашу сосну, мы прикинули примерный маршрут. Он прост донельзя. Все время вверх до гребня, затем направо, к обсерватории. Главное — остерегаться тумана.

У меня есть некое представление о том, с какой периодичностью он появляется. Это не автобус, и точного расписания быть не может, однако логика прослеживается. Десять часов сфера работает, десять — отдыхает. Плюс-минус два часа. Я оставляю в запасе три часа до и после тумана. До — мы ищем достаточно высокие деревья. После — ждем, пока туман рассеется окончательно. Есть несколько моментов, которые я стараюсь постоянно держать в голове.

Не на каждое дерево можно взобраться. Но чем выше мы поднимаемся, тем круче склон. Чем круче склон — тем быстрее ползет туман. Но здесь он поднимается не так высоко, как у нашей уютной хибарки. Все это напоминает безумную компьютерную игру, где с усложнением уровней тебе дают некие преимущества, чтобы с этими сложностями справляться. Только есть одно отличие. Если мы проиграем, то не сможем начать уровень с начала.

Я совсем плох. В ботинках хлюпает кровавое месиво, но я стараюсь не обращать на это внимания. Кашель достал. Он тоже с кровью. Приходится часто отдыхать. После десяти минут интенсивного подъема ноги начинают болеть так, что хочется кричать и

выйти на весь этот проклятый мертвый лес. Но мы идем еще, пока от боли не затуманится мой единственный зрячий глаз. Затем отдышаем минут пять. А после идем снова.

Мелкий держится молодцом. Не будь его, я давно бы сдался. Нет и не было во мне никогда такой воли, чтобы терпеть и бороться ради себя. Вот ради него — да.

Сфера над нами впечатляет. Она действительно огромна. На этой высоте уже можно разглядеть и другие. Куда ни кинь взгляд — везде они. Висят неподвижно. Просто делают свою работу. Наша, как ни странно, не пугает своей близостью. Я почти уверен, что это автомат. И нет там внутри злобно посмеивающихся зеленых человечков. Сейчас уже я не рассуждаю о том, кто и зачем прислал сферы. Думаю, им тоже нет дела до нас, задышающихся и разлагающихся в тумане. Даже для меня весь мир теперь — одна большая декорация. Еще, может быть, сутки. А потом долгожданная развязка. Покор и умиротворение.

Мы почти дошли до гребня. Мелкий выдохся. Все время молчит. Но не плачет. Мертвый лес редееет. Сквозь деревья маячит косяк луг с пожелтевшей травой. Я с трудом стою на ногах, но близость цели придает силы. Мы проделали чертовски большой путь. Утомительный, изнуряющий, но без приключений. Сколько раз мы с тоской вспоминали нашу уютную лежанку на дереве, враскорячку переживая туман на какой-нибудь сосне. Все это позади.

Зрение заметно ухудшилось. Слепой я уже точно буду как балласт. На очередном привале я без особых эмоций вдруг осознаю, что время на исходе. Пора. Нетвердой рукой пишу короткую записку. Мелкий должен передать ее людям в обсерватории. Черт, надеюсь, там кто-то есть. Люди, смысл жизни которых заключен в наблюдении за звездами, не откажут в помощи маленькому мальчику. Мне очень хочется в это верить. Все же в записке я умоляю их приютить Мелкого. В конце пишу о том, что буду мертв уже через несколько часов. И прошу их придумать для Мелкого какую-нибудь ложь обо мне. Моего воображения на это уже не хватает.

Теперь надо решить, как отправить Мелкого. Метров через двести будет гребень. По нему направо до самой обсерватории без отдыха и остановки. Без оглядки. Но решать ничего не приходится.

У нас на пути, на самой границе леса и луга, препятствие. Каменный уступ высотой метра в два. С обеих сторон эта ступенька

упирается в скалы. Будь я здоров, легко бы мог взобраться на нее. Сейчас для меня это все равно что китайская стена. Времени мало. Совсем скоро пойдет туман. Если забраться метров на пятьдесят выше, он уже не достанет. Но здесь под уступом его территория. Об этом говорит пожелтевшая мертвая трава у нас под ногами.

Я почти ослеп, но Мелкий говорит, что обсерватория недалеко. И маячок все так же загорается каждые десять минут. Слава богу, Мелкий не понимает, что жизнь меня покидает. По пути я скрывал свое состояние как мог. Он устал сам и думает, что я тоже просто уставший. Под уступом мы устраиваем наш последний привал.

— У нас получилось, старичок! — Я прижимаюсь затылком к холодному камню. Мелкий садится рядом. — Осталось чуть-чуть. Вот, держи записку. Отдашь людям в обсерватории. Я тебя тут подожду. Ноги болят, наверх не залезу. Но тебя закинуть смогу. Беги так быстро, как только сможешь. И рюкзаки прихвати.

Он серьезно смотрит на меня большими доверчивыми глазами. Потом кивает:

— Я быстро бегаю. Ты даже отдохнуть не успеешь. Давай воды тебе оставлю. Попьешь.

— Давай, хорошая идея.

Пару минут мы лежим на мокрой траве, глядя в небо. Красивое оно все-таки, это фиолетовое небо. Говорят, перед смертью у человека вся жизнь пролетает перед глазами. Вранье. У меня в голове пусто. Я ощущаю лишь безграничную усталость. Мелкий рядом усиленно вытряхивает грязь и камни из своих ботинок. Готовится к забегу. Он все воспринимает серьезно. Сейчас это как никогда кстати.

Время. С трудом поднявшись, я подхожу к уступу. Сжимаю зубы, чтобы не закричать от боли, поднимая Мелкого. Зацепившись за камень, он ловко, как маленькая обезьянка, взбирается наверх. Закидываю следом рюкзаки. Мелкий выглядывает и коротко машет рукой. Улыбаюсь и машу в ответ. Я сказал ему, чтобы не тратил время зря. Он и не тратит. Не прощается, не болтает. В полной тишине хорошо слышен удаляющийся топот. Побежал. Делаю глубокий вдох. Затем не спеша выдыхаю. Миссия выполнена.

Спускаюсь чуть ниже и сажусь на траву. Отсюда вижу, как размытая фигурка на фиолетовом фоне стремительно несется по гребню. Хотя «вижу» громко сказано. Перепрыгивая через камни и огибая кусты, маленькая тень постепенно растворяется в су-

мерках. Мелкий молодец. Он добежит, я точно знаю. Всегда в него верил и сейчас верю.

Все чувства постепенно отключаются. Откидываюсь на спину. Земля такая мягкая. И боль ушла. Господи, как хорошо и приятно. Человеческое тело такая неудобная, хрупкая и недолговечная штука. Как же мне надоело таскать весь этот груз с собой.

Я устал. Мы проделали долгий путь. Теперь можно перевести дух. Единственное, чего я сейчас хочу, — это спать. Уснуть и видеть дом. Пусть не такой, как в реальности, пусть искаженный и пульсирующий, но дом. Слишком затянулся наш поход. Пора возвращаться. Веки наливаются свинцом. По телу расплзается приятная теплота. В тускнеющем сознании вдруг всплывает неизвестно кем и когда написанный короткий детский стишок:

*Притихли улицы, дворы,
Не слышно криков детворы.
Туман спускается с горы.*

Руслан БЕТРОЗТИ

ПОСЛЕДНИЙ ГАЗЫРЬ

МИНИАТЮРА

Ахсав — одна из многих колоний дальнего космоса. Не самая изобильная, тем не менее она кажется богатой по сравнению с тем, что осталось на Земле. Долгая ночь сменила короткий день, но небольшой участок планеты продолжал сиять: бары, клубы и прочие злачные заведения освещали заселенную часть поверхности.

В одном из таких мест разгоралась очередная попойка. Бар был полон аферистов разных мастей, что неудивительно: Ахсав — излюбленный уголок вселенной у маргиналов.

В пьяном угаре никто не обратил внимания на человека в черкеске. Он спокойно вошел и молча сел за барную стойку. Незнакомец достал фотографию и уставился на изображение женщины с подростком.

— Твои? — спросил сидевший справа щуплый мужчина лет шестидесяти.

Повернув голову, горец ответил:

— Были.

По прохладному ответу вопрошавший понял, что на диалог странник не настроен.

Горец вернулся к фотографии, но его снова отвлек шум справа: на этот раз любопытного мужчину держал за грудки бородатый амбал.

— Срок истек, Герман! — прорычал громила так громко, что присутствующие умолкли.

— Я все верну, клянусь!

— О, не утруждайся: сам заберу.

Здоровяк принялся обшаривать своего должника.

— И проценты, — продолжал он, — и жизнь, в назидание!

Молодчик схватил нож, но, не успев поднести клинок к жертве, боковым зрением заметил дуло обреза.

— Ты взял, что хотел, уходи, — сказал горец, целясь прямо в голову.

— Ты не знаешь, с кем имеешь дело! — огрызнулся ростовщик.

— Плевать.

Глаза под приспущенными веками выражали абсолютное безразличие. Обескураженный безжизненным взглядом незнакомца, амбал отпустил должника и медленно удалился. В кабаке вновь воцарился гул. Горец развернулся обратно к стойке.

— Герман, — представился спасенный.

— Батраз, — ответил странник, не отрываясь от фотографии.

— Спасибо тебе! Не знаю, почему ты меня спас, но спасибо.

После недолгого молчания Герман вновь заговорил:

— Я бы угостил тебя, но ты, наверное, заметил, что я без денег.

— Есть челнок?

— Да, — протяжно ответил Герман.

— Тогда сочтемся.

Батраз убрал фотографию.

— Куда подбросить?

— Я покажу.

Странник встал, и новоиспеченные приятели двинулись к выходу.

— Много задолжал? — спросил горец.

— Ты про бугая? Ему немного. Остальным побольше.

— У тебя же свой корабль. Так почему ты в долгах?

— Сразу видно, что не местный, — усмехнулся Герман. — Сейчас почти у каждого бомжа есть шлюпка. Обычными перевозками не зарабатываешь.

— Но ты как-то зарабатывал, — заключил Батраз.

— Да, было дело. Возил охотников на Землю, пока были лазейки. Но не так давно какой-то абориген устроил переполох, и лавочку прикрыли. Надеюсь, скоро снова откроют, иначе коллекторы спустят с меня три шкуры.

— На что охотились?

— Ты из какой колонии? Такие вопросы задаешь, — подняв бровь, ответил пилот. — На туземцев, конечно. Дело грешное, но зато платят будь здоров. Любимая забава охотников с деньгами.

— А ты охотился?

— Было дело, но мне не зашло. Слишком опасно.

Они обошли бар. Впереди расстилалась парковка, забитая самолетами.

— Интересный костюм, — заметил Герман. — А что это на груди? — Он указал на кусочек металла на черкеске Батраза.

— Газырь, — ответил горец, показывая патрон в стволе своего кустарного ружья.

— Так это огнестрел? — искренне удивился Герман. — Давно я такого не видел.

Они подошли к старенькому космическому судну.

— И никакого электричества, — продолжал Герман, разглядывая обрез. — Удивительно! Удивительное старье!

— Твое корыто выглядит еще более старым, — парировал Батраз.

— Моя старушка, — довольно выдохнул пилот.

Расположившись в салоне, горец попросил:

— Расскажи про переполох, что учинил землянин.

— Какая-то мутная история: якобы он выбрался с планеты и порешил охотников, убивших его семью.

— Действительно, мутная история, — заметил Батраз, разместив фотографию на приборной панели.

Лицо Германа тотчас потеряло былую живость.

— Каждый газырь с моей черкески нашел своего адресата, — произнес горец. — Кроме двух.

Пилот вжался в кресло, мокрое от пота.

— Прошу, я всего лишь перевозчик.

Получив в ответ молчание, Герман попытался выскочить из салона, но не успел: раздался выстрел. Кровь окрасила рулевую панель.

Батраз не отрывал глаз от фотографии. За ней едва виднелись звезды, перебиваемые светом фонарей. Скупая мужская слеза упала на последний газырь в руке горца.

Артур ОМАРОВ

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОПОВЕДЬ АНАРХА ХАОСА

РАССКАЗ

Акамар родился незадолго до Третьей мировой войны в уединенной ячейке Сизигии Высот, притулившейся у подножия затянутых плотным туманом гор. Он с ранних лет учился не тратить время на вопросы. Все в мире ответы были плотно вплетены в путеводную нить на тропе Провидца, и любые попытки разделить ее волокна неизбежно вели к утрате единственно верного пути.

Во всяком случае, именно так говорил на вечерних проповедях анарх Хаос.

Однако вопросы не уходили. Днем на занятиях они прятались среди квантовых уравнений Теплова. Дожидались вечера и шептали в ухо беззвучными голосами, заставляя ворочаться на узкой койке в спальном модуле своего класса.

Есть ли среди адептов Сизигии Высот люди с одинаковыми именами?

Кто его родители?

Почему воспоминания о будущем приходят только после того, как получишь иерархическое имя?

Акамар вновь и вновь повторял в мыслях заученные логи бортовых систем Провидца, чтобы их заткнуть. Когда даже это не помогало, он осторожно, чтобы не разбудить спящий класс, выбирался во двор и крался по узкой гравийной дорожке между темными громадами лабораторных модулей. Внутри этих черных сфер, наполовину погруженных в землю, в полной изоляции трудились ученые и инженеры ячейки, закладывая основы тропы Провидца. Иногда на дорожку выползали гигантские горные жабы, подозрительно косились на Акамара и неуклюжими прыжками скрывались в густой траве.

После вечерней проповеди алтарный модуль всегда пустовал. По его каменному полу стелился фрактальный дым фимиама из электронных курильниц, а высоко в густой черноте мерцали разноцветные огоньки мозаичных систем. В гулкой тишине Акамар

шел к алтарю, над которым парил ритуальный макет Провидца. Массивные контуры рубки закрывали искусственное звездное небо, и шепот вопросов в ушах наконец замолкал. Обтекатели антиматерии матово поблескивали в полумраке.

Когда Акамар пересекал двор ячейки, торопясь обратно в койку, звезды над головой казались менее реальными, чем незнакомые созвездия огоньков под куполом алтарного модуля.

Учеба давалась Акамару легко. Экзамен по точным наукам был обязателен для получения иерархического имени, которое определит его место среди ученых и инженеров, мостящих тропу Провидца. Но когда Акамару исполнилось двенадцать и до экзамена оставалось еще четыре года обучения, незваные вопросы все чаще толкали его на обочину. Теперь он проводил намного больше времени в компьютерном модуле, чем в алтарном. Несколько терминалов без установленных хронодвижков не использовались в ежедневных ритуалах и потому имели доступ к всемирной сети. Его притягивали старые довоенные вестерны и странный мир за высокими стенами ячейки. Многому, о чем Акамар знал как о свершившемся факте, еще только предстояло произойти.

Теплов еще не применил классическое дифференциальное уравнение волновой функции к состояниям антиматерии.

Миссия «Марс-7» еще не запущена, и нога человека еще ни разу не ступала на Красную планету.

Провидцу еще только предстоит проложить тропу среди звезд, чтобы привести все человечество к лучшей судьбе.

Мир, разрушенный долгой войной и изувеченный ядерными ударами, манил возможностью выбирать самому, на какие вопросы искать ответы.

В год, когда ему должно было исполниться шестнадцать, Акамар решил сбежать. Дождавшись, когда класс заснет и спальный модуль погрузится в тишину, он оделся и вышел в опустевший двор. Створки главных ворот были широко распахнуты, и за ними шелестела дождем неизвестность.

Акамар развернулся и пошел к алтарному модулю, чувствуя непреодолимое желание в последний раз увидеть ритуальный макет Провидца. Жабы на гравийной дорожке следили за ним большими желтыми глазами.

Полумрак за автоматической дверью встретил его привычным запахом синтетического фимиама. Акамар шагнул внутрь, под купол мерцающих мозаичных систем, и от плотного мрака под ритуальным макетом Провидца отделился высокий силуэт на неестественно длинных, утончающихся книзу ногах.

Акамар вздрогнул.

Прежде он видел анарха Хаоса только на проповедях из заднего ряда своего класса. Замерев, Акамар смотрел, как он приближается, переступая остриями ног по фрактальной пелене, словно циркуль по бумаге. Дым фимиама тек стремительной рекой, и анарх Хаос погружался в нее, становясь ниже с каждым шагом.

Ладони вспотели, и Акамар непроизвольно отступил на шаг.

Сильный запах пыли и жженого пластика ударил в ноздри.

Вблизи серая роба из фрактальной органики, которую выращивали в теплицах ячейки, почти не искажала пропорции тела, и Акамар с удивлением понял, что анарх Хаос одного с ним роста.

Он поспешно опустил взгляд, чтобы не всматриваться в черноту под бесформенным капюшоном. Фрактальная вязь дыма фимиама сплелась с узорами на серой ткани робы; моргнув, Акамар уже не мог различить, где заканчивается одно и начинается другое.

Неожиданно тяжелая рука легла на его плечо и увлекла за собой. Анарх Хаос не делал пауз между словами, когда говорил. Каждое начиналось со звука, коим кончилось предыдущее, и это расставляло тональные ударения, которые позволяли Акамару уследить за смыслом. Он не отрывал взгляда от причудливой вязи узоров в дыму, потревоженном его шагами, и вслушивался в голос, напоминающий шелест дождя в пустом дворе ячейки.

Ему казалось, что прошло много часов, прежде чем анарх Хаос остановился. Но, когда Акамар осмелился поднять взгляд, оказалось: они сделали лишь дюжину шагов к алтарю.

Ритуальный макет Провидца проступал из полумрака над их головами.

Анарх Хаос молчал, и Акамар больше не чувствовал тяжесть его руки на плече. Он попятился, затем развернулся и быстрым шагом пошел прочь от алтаря. Ударил себя раскрытой ладонью по щеке, жалея, что не направился к главным воротам сразу.

Все, что ему оставалось теперь, — убедить себя самого, что в этот вечер он стоял в одиночестве у алтаря, как сотни раз до того, и слушал шелест дождя снаружи.

Автоматическая дверь бесшумно скользнула в сторону при его приближении, но Акамар успел увидеть отражение на ее вогнутой полированной поверхности.

Анарх Хаос стоял у алтаря, склонив голову в капюшоне над ритуальным макетом Провидца. Системы дальней связи тянулись к нему, будто многопалые руки с длинными тонкими пальцами, зовущие за собой в пустоту.

Дождь прекратился. Из-за туч вывалилась огромная желтая луна, и при ее зыбком свете Акамар спустился на равнину, петляя между расколотых валунов и трещин в каменистой земле. В глубине широких разломов что-то шевелилось и шумно дышало, и он спешил к редким огонькам, что вспыхивали цепочками вдали. К рассвету Акамар добрался до трассы, наугад выбрал направление и побрел вдоль обочины.

Старый дизельный грузовик подбросил его до Владикавказа, оставляя за собой шлейф черного дыма и липкой серой пыли. Акамар побродил по пустынным улицам, пока температура воздуха не поднялась до трехсот двадцати градусов Кельвина, и скрылся от полуденного солнца в заброшенном одноэтажном доме возле старого железнодорожного вокзала.

Вечером Акамар послонялся по вокзалу, спер в ларьке у входа фрукт, похожий на волосатое яблоко, и запрыгнул в грузовой вагон магнитной фуры. За двенадцать часов она домчалась по монорельсу до сияющей неонем Новомосквы, исполинской восточной столицы Федеративного Альянса.

Следующий год Акамар перебивался утилизацией мусора, ночуя на перерабатывающей станции. Платили гроши, но это была работа, на которой не требовалась учетка. Порой среди лома и органических отходов ему попадались старые разбитые терминалы. Акамар просиживал долгие часы в своем закутке между утилизационных котлов, выдирая еще работающие платы и контроллеры из обугленных корпусов, и подгонял их друг к другу не всегда законными способами.

Получившийся уродец-терминал позволял Акамару кодить пиратские прошивки для дешевых хроноблендеров, которые завозили контрабандой из Китая. Он врезал нелегальное подключение в служебный инфопоток перерабатывающей станции и продавал их через форумы теневой сети, выручая за одну прошивку больше, чем за месяц утилизационных смен.

После полуночи на заброшенном заводе рядом со станцией обычно тусили крепкие ребята с пряжками Южного Сепаратистского Сектора на поясах, и Акамар старался не попадаться им на глаза, возвращаясь ночью со смены. Не всегда получалось; тогда он просто закрывал голову руками и вспоминал тусклый блеск обтекателей антиматерии в полумраке алтарного модуля, пока подкованные титаном ботинки вбивали в его кожу контуры сепаратистского мечехвоста, выгравированного на подошвах.

В конце концов кто-то нашел его терминал-уродец, спрятанный в воздуховоде, и размазал его по всему утилизационному залу. Акамар спустился по пожарной лестнице, за пару часов дошел до ближайшего компьютерного клуба и все-таки купил чистую учетку на том же теневом форуме, через который продавал пиратские прошивки. Пароли от всех своих теневых кошельков он всегда держал в памяти.

После войны в базах данных, разоренных кибератаками, царил бардак, и не требующие верификации учетки, чьи хозяева числились пропавшими без вести и не имели родственников, найти было так же просто, как дозу реда. Разница была только в цене.

Акамар устроился в космопорт оператором восьминогого погрузчика. Ночевал в общих комнатах дешевых хостелов, собрал себе компактный портативный терминал, глушил шум города битами «Сансет трип» из самодельных наушников и спускал все свободные деньги на ред.

Вокруг реда легко складывались стихийные тусовки, и Акамар регулярно блуждал от одной к другой, обязательно затевая напоследок прощальную драку. Его отношения с девушками редко длились дольше одной ночи. Акамар никогда не запоминал их имен и всегда доверял финальное решение подброшенной монетке.

Акамар встретил Мелиссу в свой девятнадцатый день рождения на крыше старого небоскреба. Она села рядом на парапет, свесив ноги над неоновой рекой улицы далеко вниз, и попросила закурить. Вой полицейских сирен сплетался с ритмичной пульсацией вечеринки из разбитых окон этажом ниже.

Акамар протянул ей зажигалку и позвал на свидание.

Холодный ночной ветер разметал длинные черничные волосы Мелиссы и норовил погасить крохотный огонек в ее сомкнутых домиком ладонях.

— С чего ты взял, что я не одна? — она выдохнула дым в низкое неоновое небо.

— У тебя есть монетка?

Она подняла бровь, но пошарила в клатче и протянула Акамару маленький серебристый кружок. Он вспыхнул красным и синим в отсветах неоновой реки вниз. Акамар покачал головой.

— Подбрось сама. Если выпадет решка, то свалим с этой тусовки вместе.

— И что будем делать? — спросила она, по-прежнему держа монетку на раскрытой ладони.

Юбилейная десятка. Выпущена к первой годовщине высадки миссии «Марс-7».

— Бросай, — сказал он. — А там разберемся.

Порыв ветра снес монетку в сторону от края крыши, и Акамар дернулся за ней вслед, чуть не свалившись с парапета. Мелисса вцепилась в него обеими руками. Сигарета выпала из ее губ, рассыпавшись яркими искрами, которые поглотила река неона внизу.

Пару секунд они вдвоем балансировали на самом краю и затем повалились назад на еще не остывший от дневной жары рубероид. Акамар победно поднял крепко сжатый кулак.

— Поймал, — сказал он.

Мелисса рассмеялась и накрыла его руку своей.

— Забей, — сказала она. — Не хочу знать, если рисковала жизнью ради свидания, которому даже не суждено было случиться.

Мелисса была на два года старше и училась на втором курсе Федеративного Университета Альянса на факультете квантовых гомеостатических систем. После занятий она дожидалась у ворот космопорта, когда Акамар закончит смену, и они ехали на городском монорельсе в центр. В сетевой забегаловке у выхода со станции брали один на двоих большой сандвич с тыквенной ветчиной и бродили по старым улицам, ныряя в глубину полуосвещенных дворов-колодцев и забираясь на вершины заброшенных высот. Мелисса была родом из Сигнальска. Ее родители и старший брат погибли в ядерном огне бомбы, сброшенной на город в самом начале войны.

— Я должна была вернуться из летнего научного лагеря на следующий день, — сказала она, приподнявшись на локте, чтобы подкурить сигарету, и откинулась обратно на ветхий диван, который они выволокли на крышу из подсобки у лифта. — Ты еще должен был успеть застать такие. «Альянс и наука, нам неведома скука», ну?

Акамар покачал головой. Он никогда не рассказывал ей о годах, проведенных в ячейке Сизигии Высот.

Пока они тащили диван на крышу, он развалился на части. Акамар составил их вместе и кое-как обмотал пленкой, рулон которой Мелисса нашла в той же подсобке. Диван теперь напоминал грудку мертвых тел, замотанных в черный пластик, но они оба были в восторге. Акамар жил в общей комнате хостела на двадцать человек, а Мелисса — в университетском общежитии вместе с подругой. Подруга училась на факультете генной инженерии и выращивала для дипломного проекта сорт хищных орхидей, который гордо именовала «эндьюранс». Их ростки регулярно сбегали из террариумов и падали на Мелиссу из кухонных шкафчиков и с душевой занавески, возмущенно щелкая хелицерами.

Юго-восточный ветер принес вой полицейских сирен, протасил его через огромные дыры в старом билборде, обещавшем скорую колонизацию Марса, и унес в дым чадящих труб промзоны на горизонте.

— Говорят, от Сигнальска остался лишь кратер глубиной двести метров, — сказала Мелисса. — Сама я так и не видела ни одного фото.

Она вздрогнула, и Акамар прижал ее к себе крепче.

— Ну типа зачем, — сказала Мелисса. Неоновые облака заливали их лица оттенками красного и оранжевого. — И так все понятно.

Обнявшись, они смотрели, как рассвет на востоке делает небо аргоновым, на короткий миг возвращая ему давно утраченную синеву, а затем — ксеноновым, заливая довоенные небоскребы ослепительной белизной.

Порывы ветра охладили их обнаженную кожу, оставляя на ней микроскопические частицы радиоактивной пыли.

3

К следующей весне Мелисса убедила его завязать с редом и поступить в Федеративный Университет.

Годы обучения в классах Сизигии Высот сыграли с ним дурную шутку. Закон о контроле межвременного оборота информации запрещал применение научных знаний, которые еще не были открыты естественным путем; Акамару в учебе приходилось постоянно балансировать на тонкой грани между тем, что он знал, и тем, что мог законно объяснить.

Несмотря на возражения Мелиссы, он по-прежнему работал в космопорте, теперь в ночные смены. Этих денег вместе с повышенной стипендией Мелиссы хватило, чтобы снять крохотную квартирку в одном из старых небоскребов. Акамар и Мелисса наконец съехались.

Когда он заканчивал второй курс, ожила заброшенная федеративная программа колонизации Марса, которую выкупила «Мантиморфа». Корпорация сделала себе имя еще до войны на первых примитивных хронодвижках, и ее неожиданный разворот в сторону марсианской программы казался прихотью совета директоров.

В то жаркое лето на их крохотной лоджии громоздились банки с молодыми ростками хищных орхидей. Алина, подруга Мелиссы с факультета генной инженерии, ждала окончания ремонта в

квартире, куда перебралась после того, как Акамар и Мелисса съехались, и распихала всем знакомым на передержку столько своих орхидей, сколько те согласились взять. Потом жара сменилась ливнями, и бывали дни, когда они с Мелиссой вовсе не вылезали из постели, слушая, как дождевые капли стучат по мутным стеклам, а в банках щелкают хелицерами ростки орхидей, ловя прохладные брызги.

Хотя Акамар пришел в «Мантиморфу» студентом третьего курса, он уже обладал знаниями, которые не будут легально доступны его новым коллегам по программе «Марс-8» еще долгие годы. Ему пришлось изрядно выкрутить законы физики ей за спину в испытательном задании, чтобы получить эту работу и при этом не вызвать вопросов у научной полиции.

Мелисса забеременела, и осенью они с Акамаром поженились. На маленькую домашнюю вечеринку Мелисса позвала Алину, и та пришла с другом-поэтом, который составлял мэшапы из довоенной классики и логов квантовых компьютеров. Алина с упоением рассказывала про механизм работы хелицер генно-дизайнерских растений, а поэт — про трудности поиска контрабандных логов на теневом рынке. Акамар не позвал никого.

Он с отличием окончил факультет квантовой инженерии, сдав выпускные экзамены досрочно, бросил работу в космопорте, и программа «Марс-8» жадно заполнила образовавшиеся в его жизни пустоты. Акамар возглавил конструкторский отдел за месяц до рождения Эды и почти не видел ее и Мелиссу, корректируя сборку орбитальных платформ — будущего плацдарма для колонизации Марса. Программа «Марс-8» разогналась, как потерявшая управление магнитная фура, и Акамар надеялся, что коллеги спишут слишком смелые решения на его гениальность и никто не настучит в научпол.

В какой-то момент он и вправду поверил, что сможет выиграть эту гонку со временем.

4

— Забавно, как изобретение хронодвижков окончательно отсеяло любую вариативность в жизни, — сказал Карнов. — Вместо того чтобы самому выбирать свою судьбу, ты просто позволяешь ей случаться с тобой.

Офис технического директора отдела разработок располагался на самом кончике черной иглы высотки «Мантиморфы». Тяжелые ставни бесшумно скользнули вверх за панорамным окном, и

отражение Акамара затерялось в океане неоновых огней ночной Новомосквы.

— Технически это открытие, не изобретение, — сказал Акамар, ища взглядом полутемные небоскребы старого центра. — Событие, которое утратило причину, оставив только цепочку следствий.

Он вернулся к столу технического директора и опустился в кресло из умной пены. Огромный белый офис пустовал, потолочное освещение было приглушено. Карнов подошел к мини-бару и достал запотевшую зеленую бутылку довоенного виски.

Акамар не сдвинулся с места, чтобы взять предложенный стакан, и Карнов запустил его по гладкой столешнице. Акамар перехватил стакан на самом краю. Немного янтарной жидкости выплеснулось на белый пол, и робот-уборщик недовольно загудел, выползая из своей ниши.

— Совет Альянса обеспокоен, что распространение технологии хронодвижков сделает бесполезными любые оборонные программы, — сказал Карнов. — И мы можем предложить им решение этой проблемы.

Акамар провел пальцами по краю стакана.

— Давайте к делу, — сказал он. — При чем тут я?

— Да бросьте, — Карнов откатился на кресле к панорамному окну за его спиной и отпил виски. — Я прекрасно понимаю, что успехом программа «Марс-8» обязана далеко не легальным разработкам. Я бы выпер вас на мороз давным-давно, если бы не оценил, как филигранно вы обходите барьеры, которые понаставил нам научпол.

Акамар подумал о том, что удержать стакан в шатком равновесии на краю стола оказалось сложнее, чем ему представлялось.

— Не знаю, где вы берете информацию, вытаскиваете ее из будущего хроноблендером сами или покупаете на теневом рынке, — сказал Карнов, так и не дождавшись от него никакой реакции. — И не особо хочу знать на самом деле. Мне важно, где вы можете применить свои таланты с еще большим толком.

— Проект «Арес», — сказал Акамар.

Карнов удовлетворенно кивнул.

— Я предлагаю вам должность ведущего инженера. Если сможете реализовать поставленную задачу раньше, чем за два года, возглавите отдел оборонных разработок «Мантиморфы».

— Что будет с программой колонизации?

— Согласно условиям контракта с Советом Альянса, мы замораживаем программу «Марс-8» и модифицируем орбитальные платформы...

— Чтобы оснастить их ядерными зарядами, — закончил за него Акамар.

— Поражающая способность в симуляциях на сорок пять процентов выше, чем у аэроэминцев в Третью мировую, — сказал Карнов. — В сумме это дает почти полных девяносто семь процентов площади поражения. Совет Альянса в восторге.

Акамар отпустил стакан, и он с грохотом разлетелся об пол. Робот-уборщик, только затихший в своей нише, возмущенно зажужжал.

— Вариативности и правда никакой, — сказал Акамар. — Но хронодвижки тут ни при чем. Ее и так никогда особо не было.

Он встал, стараясь не наступить на робота-уборщика.

— Я подам прошение о переводе в Зону Перепада утром. Так вы будете спокойны, что я не перейду в «Альстру» или «НидлСан».

— Мы в любом случае не дали бы вам перейти к ним, — равнодушно ответил Карнов. — Но Зона Перепада... Серьезно? Добровольная ссылка вместо миллионного контракта и директорского кресла?

Акамар развернулся к двери.

— Вы приняли это решение только за себя или за всю свою семью? — бросил ему в спину Карнов.

— Если с ними что-нибудь случится, детальные отчеты обо всех нелегальных разработках, использованных в программе «Марс-8», уйдут в научпол автоматической рассылкой, — сказал Акамар, не оборачиваясь. — Поверьте, местами я даже приукрасил реальную картину.

Он перешагнул через робота-уборщика, устало ползущего обратно в свою нишу, и вышел из офиса Карнова.

5

Шторм закончился, и закат высосал из мира все цвета, кроме красного. Эда наконец заснула в жилом модуле. Акамар прихватил из криокамеры гусеничного вездехода две холодные бутылки синтетического пива и протянул одну Мелиссе. Влажная жара душила. Они сидели на раскладных стульях из армированного картона перед жилым модулем, потягивая безвкусное пиво, и смотрели, как темно-красное солнце тонет в ноосельве.

— Тебе надо было уйти сразу, как только я отказался работать на «Арес», — сказал Акамар.

По шоссе растянулась вереница дизельных машин беженцев из Южного Сепаратистского Сектора, оставив два опрокинутых

штормом грузовика на обочине. Разбросанные вокруг них тела казались маленькими, будто трупки божьих коровок.

— Я ушла бы, согласишься ты работать на «Арес», — ответила Мелисса тихо.

Ее голос потонул в низком гудении турбин станции терраформирования, нависавшей над жилым модулем рукотворным вулканом, на вершине которого курились сопла преобразователей атмосферы. Вдали ходячие грейдеры вгрызались в рыжие холмы, перемалывая ржавые конструкции старой промзоны, а еще дальше, в багровой тьме у подножия гор, загорались тусклые, как индикаторы севших батарей, огни Владикавказа.

Жилой модуль вмещал спальную капсулу, туалет с системой переработки и рабочий отсек с терминалом. Рев турбин станции терраформирования пробивался сквозь плотные шумофильтры. Эда и Мелисса заняли спальную капсулу, предназначенную для двоих. Акамар, когда ночевал в модуле, устраивался в рабочем отсеке, слишком тесном, чтобы лечь в полный рост. Засыпая, он порой чувствовал, как лица касаются усики гигантских чешуйниц, пробирающихся внутрь, несмотря на систему герметизации.

В конце концов Мелисса нашла спасение от сводящего с ума гула снаружи в обучении Эды, пока Акамар на гусеничном вездеходе пропадал в ноосельве. Системы терраформирования работали бесконтрольно, обучая сами себя, и он методично производил замеры, чтобы скорректировать их работу. Плотные заросли перемежались лакунами голой растрескавшейся земли и болотами, пахнувшими бракованной органикой. «Мантиморфа» держала на плаву программу восстановления территорий, разоренных ядерными взрывами и чередой климатических катастроф, чтобы не потерять федеративные контракты, но ее мало волновало, что там на самом деле происходило.

Два раза в месяц Акамар прицеплял к вездеходу самодельную гусеничную платформу и ездил в город за полуфабрикатами и свежими фруктами, которые можно было достать на рынке рядом со старым вокзалом. На первом этаже здания, в котором Акамар когда-то скрывался от полуденного солнца, открылся маленький бар, освещенный тусклыми неоновыми трубками над стойкой и огромным довоенным моноэкраном на стене. Акамар заходил туда перед обратной дорогой выпить кружку синтетического пива и перекусить початком ползучей кукурузы, запеченным с какой-то душистой приправой. Это была единственная закуска, которую подавали в баре.

На моноэкрane боевые боты с логотипом серого игольчатого солнца на закопченной броне расстреливали из крупнокалиберных пулеметов толпу на узких каменных улицах. Голос за кадром рассказывал об усилении напряжения на Ближнем Востоке после заключения контракта между Советом Альянса и «Мантиморфой» о реализации проекта «Арес».

После десятка поездок он не удержался и сделал крюк на обратной дороге, свернув к подножию гор. Ноосельва, расплывшаяся от станции терраформирования, сюда еще не добралась, а память сохранила путь, который он проделал единожды более пятнадцати лет назад, удивительно четко.

Ворота без створок были занесены липким песком, и ему пришлось расчищать дорогу силовым полем вездехода. Там, где когда-то были лабораторные модули, зияли огромные кратеры. Он вышел из вездехода, заглянул в окна компьютерного модуля. В разбитых терминалах росли папоротники.

Ритуальный макет Провидца лежал на алтаре. Уцелевшие антенны дальней связи тянулись к огромным дырам в крыше алтарного модуля, а покореженная рубка была наполовину занесена песком. Кто-то вывел на ней «КОНЕЦ ВРЕМЕН» токсичной военной краской, светившейся в полумраке ядовито-бирюзовым.

6

Они заложили фундамент модульного дома на склоне горы, по которому сбежал узкий, но бурный ручей. Акамар снова уселся в кресло восьминогого погрузчика и за месяц собрал небольшую гидроэлектростанцию, затем прицепил жилой модуль к вездеходу и отбуксировал его к склону горы, подальше от гула турбин станции терраформирования и влажной жары преобразователей атмосферы.

Материалы для сборки Акамар находил на отвалах промышленной зоны, которую расчищали равнодушные ко всему происходящему ходячие автоматические грейдеры. Мелисса сутками корпела над написанием софта для автономных систем, которые займутся сборкой модульного дома.

— Когда я мечтала о собственном доме, — говорила она, поглядывая на суетящихся строительных ботов, — то и вообразить не могла, что это будет ранчо, честно.

Акамар так и не сказал Мелиссе, что она путает ранчо с бунгало, и название прилипло.

Когда боты закончили сборку первого этажа, они сразу перебрались внутрь, оставив тесный жилой модуль на заплетение ноосельве.

Зимой удушливая жара сменялась ледяным ветром, который приносил ливни и огромные стаи саранчи из Южного Сепаратистского Сектора. Акамар купил на базаре в городе старый обрез двустволки и не расставался с ним, покидая ранчо, — иной раз от крыльца до вездехода было не добраться из-за кишаших в воздухе крупных, с ладонь, насекомых, покрытых серым клочковатым мехом. С моноэкрана в баре говорили о полуденной болезни, занесенной через хронотрафик.

Преобразователи атмосферы в конце концов справились со стабилизацией климата, и в Зону Перепада хлынули туристы. Акамар пристроил сбоку от ранчо приземистый ангар, и вместе с Мелиссой они почти две недели не выходили из него, настраивая автоматическую систему для сборки гиппоидов.

Четырехногие механические боты притягивали туристов на ранчо, и Акамар каждый день водил верховые экскурсии в ноосельву. В движении гиппоиды вели себя почти как настоящие лошади, и восторгам туристов не было предела.

Когда родился Рами, Акамар мотался между городской больницей и верховыми экскурсиями, оставив ранчо на Эду. Благодаря туристическому потоку и инвестициям «Мантиморфы» город стряхнул липкую пыль со старых кварталов и стремительно обростал новыми.

Работа станции терраформирования теперь почти не требовала вмешательства со стороны Акамара, кроме редких корректировок кода, с которыми не справлялись гомеостатические системы. Акамар обычно брал в эти поездки Эду и Рами — как только тот подрос достаточно, чтобы самому удержаться на гиппоиде. Однако, в отличие от сестры, строки кода и схемы энергосистем мало занимали его.

На ранчо они обычно возвращались уже в сумерках, проезжая часть пути по старой дороге, и делали привал у одинокого торгового модуля на обочине дороги в город. Акамар покупал на троих большое картонное ведро кокорочков гигантской водной многоножки. Китайцы, которые их продавали, уверяли, что по виду, размеру и вкусу они похожи на жареные в панировке куриные крылышки.

Они устраивались с ведром на обочине, привалившись спинами к гиппоиду, и Акамар рассказывал про программу «Марс-8», для которой изначально создавалась система терраформирования.

— Так сейчас мог бы выглядеть Марс, — добавлял он, глядя в живую темноту ноосельвы, пока Эда высматривала на ночном небе треугольник Марс-Юпитер-Альдебаран, а Рами провожал взглядом одиноких путников на дороге.

Они явно привлекали его внимание больше, чем тусклая Красная планета в десятках миллионов километров от Земли.

7

На оживленном перроне нового вокзала Эда отвела Рами в сторону и что-то сказала ему на ухо, вытирая слезы с его щек. Рами кивнул, крепко обнял сестру и побрел к гиппоиду, тихо гудевшему в режиме ожидания у ворот вокзала.

— Что ты ему сказала? — спросил Акамар.

— Чтобы не забывал верить в мечту, — ответила Эда, отцепляя хищную орхидею от плеча и сажая ее на толстенький саговник в декоративной кадке у здания вокзала. — И что тогда он сможет сдать экзамены досрочно, как я, и мы будем учиться вместе.

— Ну да, — согласился Акамар.

Эда улыбнулась и обняла его.

— Если ты больше не веришь в свою мечту, это не значит, что мы не можем сделать ее явью, — крикнула она из дверей вагона за секунду до того, как створки захлопнулись и пассажирский состав исчез, оставив над монорельсом клубящуюся пыль.

Однако Рами было мало верить в мечту — он жаждал взять ее воплощение в свои руки и осенью сбежал, прибившись к паломникам Адвентистов Пророчицы в Алом. Эда позвонила через месяц по спутнику, чтобы сообщить, что Рами объявился у нее в университетском общежитии, грязный и голодный, но полный идей, как изменить мир к лучшему.

На моноэкрane в баре полыхали демплас-башни, на фоне которых позировали люди в алых тагельмустах, сжимающие в руках вакуумные винтовки, а голос за кадром рассказывал о терактах в крупных городах Альянса и скором завершении проекта «Арес».

— Гиппоидам, на которых ездят туристы, нужно чутка поправить опорно-двигательную систему, — сказал Акамар, передавая Мелиссе кружку с дымящимся кофе.

Настоящие зерна — контрабандные, разумеется, — иногда можно было купить на базаре у старого вокзала.

— Поправь, — сказала Мелисса, убрав с лица пряди седеющих волос, и откинулась в плетеном кресле, отложив портативный терминал.

На веранде ранчо было свежо. До восхода солнца оставалось еще больше часа, но ярко-алые ручейки уже сбегали по горным склонам на востоке. Пахло лавандой и влажной землей. По металлическим перилам ползли две хищные орхидеи.

— Там больше дизайнерская правка, а не техническая, — сказал Акамар, отхлебнув кофе. — С этим у тебя получается ловчее. Гиппоиды с одинаковой уверенностью двигаются и вперед, и назад. Туристов это сбивает с толку — им-то нравится представлять себя на настоящих лошадях, пусть и стальных.

— Это непрактично, — отозвалась Мелисса, наблюдая за орхидеями. Вторая наконец догнала первую, оплела ее пушистыми псевдоподиями и пыталась притянуть к себе. — Рано или поздно кто-нибудь увязнет в болоте, и привет, без обратного хода. Тебе оно надо?

— А ты не отключай его совсем, — ответил Акамар. — Просто сделай движения больше похожими на движения настоящих лошадей. Хорошо?

Мелисса фыркнула в ответ. Они помолчали, потягивая кофе и наблюдая за возней орхидей на перилах.

— Программу марсианской колонизации возобновляют, — сказала Мелисса.

Хищных орхидей не было в программах терраформирования, и Акамар подозревал, что их ростки прятались в немногочисленных вещах, которые они с Мелиссой привезли с собой из крохотной квартирке в старой высотке.

— Наверное, все же не стоит делать гиппоидов слишком похожими на лошадей, — сказал Акамар. — Не думаю, что туристам будет сильно весело, если они начнут сбрасывать их на землю при виде змей.

Орхидеи в ходе потасовки запутались в псевдоподиях, сорвались с перил и упали вниз, в шумевшую на ветру ноосельву.

— Эда звонила вчера, — сказала Мелисса.

Акамар покрутил в руках старый широкополый стетсон. Эда прислала его в подарок на прошлый День Альянса. «Как в любимых отцовских вестернах», — сказала она Мелиссе. Акамар в шутку надел стетсон, когда повел группу на гиппоидах в горы, и с тех пор не расставался с ним — как и со старым обрезом в самодельной кобуре на поясе. Туристам нравилось.

— Ее приняли бортовым инженером в экипаж миссии «Марс-9», — закончила Мелисса. — Корабль стартует через полгода.

Акамар допил кофе, надел стетсон, нахлобучил его на глаза и поднялся.

— Или чего там боялись настоящие лошади, пока не вымерли, — сказал он и пошел к ангару, где заряжались гиппоиды.

8

Симптомы полуденной болезни появились у Мелиссы следующей зимой. Она не сразу заметила, что не может отличить одни символы от других в строчках кода. Дрожащими пальцами набирала команду очистки экрана и начинала снова. В редкие периоды, когда болезнь отступала, она вновь могла сложить символы в осмысленные слова. Иногда успевала написать короткий кусок кода, прежде чем ее разум вновь затягивало в сумрак искаженных знаков и ломаных смыслов.

Порой символы складывались в слова, которые ее пугали, и тогда Мелисса отбрасывала терминал в сторону и подолгу сидела на веранде в плетеном кресле, прислушиваясь к шепотам, которые доносились со стороны реки.

В баре у вокзала перестали готовить ползучую кукурузу, заменив ее на синтетические гренки, популярные в новомосковских барах. Туристы заняли все столики и облепили стойку. На моноэкране сменяли друг друга черно-белые фотографии. Лицо Эды вспыхнуло на секунду и затерялось в сотне других. Голос за кадром рассказывал о взрыве бортового реактора, приведшего к гибели экипажа миссии «Марс-9» на тридцатый день полета.

— Ты ведь знал, что все будет именно так? — спросила Мелисса, когда он принес кофе ей на веранду.

В ангаре негромко гудели, заряжаясь, гиппоиды. Док-станция сбоила, и мерный электрический звук изредка прерывался громким металлическим лязгом, когда боты на секунду переходили в активный режим. Мелисса отложила в сторону портативный терминал с тысячами строк бессвязного кода.

— Он не говорил о деталях, — сказал Акамар, осторожно поставив чашку на столик и не глядя ей в глаза.

— Кто не говорил? — спросила Мелисса. — Я ведь ничего не знаю о тебе, ты понимаешь? Даже твоего настоящего имени.

Акамар положил руку ей на плечо, но Мелисса сбросила ее, опрокинув чашку с кофе.

— Можешь не бояться что-то мне рассказать, наконец, — ее голос дрогнул. — Я и в памяти это удержу не дольше, чем...

Она вдохнула воздух, чтобы продолжить, и так и замерла с открытым ртом, отчаянно пытаясь поймать ускользающие слова.

Он обнял ее, но ничего не сказал.

От Рами вестей не было.

Акамар так и не узнал, пыталась ли Мелисса в редкий миг ясности внести поправки в терминал док-станции и болезнь застала ее врасплох, или же целенаправленно закоротила центральные процессоры гиппоидов и шагнула в их содрогавшиеся от перегрузки ряды.

Не знать это оказалось намного хуже, чем много лет ждать, когда он увидит пустое плетеное кресло на веранде.

Акамар положил руку на верньер, сдерживая порыв сорвать пломбу и выкрутить его в красную зону, намертво выжигая нервные цепи гиппоидов в ангаре. Он перевел центральные процессоры в спящий режим и тяжело привалился к стене, не в силах оторвать взгляда от заляпанных кровью металлических копты.

Акамар похоронил то, что осталось от тела, на склоне горы над ранчо. Сровнял с землей старый ангар и выстроил на его месте новый, деревянный — как в старых вестернах. Несмотря на то что внутри по-прежнему пахло озоном и машинным маслом, а не живыми лошадьми, туристы были в восторге.

9

Акамар просыпается до рассвета и выходит из жилого модуля, заплетенного лианами. Пока варится кофе, он сидит у костра — седой старик с неаккуратно подстриженной бородой и длинными волосами, рассыпавшимися по плечам, — и растирает больную ногу, изувеченную при демонтаже станции терраформирования. Небо над ноосельвой переливается оттенками бирюзового. Акамар надевает потрепанный стетсон, седлает гиппоида и едет в город.

Улицы пустынные. Поток туристов иссяк после того, как Южный Сепаратистский Сектор был уничтожен прямым ядерным ударом с орбиты. Им на смену пришли молодые парни и девушки, жившие одним днем. Они рисковали импульсивно и беспорядочно, забираясь в ноосельву одни, без проводника и с минимумом технического снаряжения.

Барахолка на дальних рядах базара бурлит каждое утро, но выкипает к полудню. Акамар внимательно осматривает каждую грудку хлама, сваленного прямо на растрескавшемся асфальте. Наконец находит потрепанный кофр с полустертым логотипом «Мантиморфы». Внутри — коммуникатор дальней связи времен программы «Марс-8».

Акамар заходит в бар рядом с вокзалом. Пока он ждет свое пиво и порцию синтетических гренок, бармен передает ему листок бумаги с координатами.

— Приехали вчера, — говорит он. — Разбили лагерь вот здесь. Ждут после заката три бумажные карты и одну электронную.

Акамар кивает, и бармен уходит во тьму пустого зала. На моноэкране мужчина в алом тагельмусте говорит о скором конце времён. Видны лишь глаза, окруженные сеткой морщин и шрамов, а голос намного ниже, чем ему помнилось, — но Акамар знает, что это Рами.

Починка коммуникатора занимает несколько часов. Акамар сидит у костра перед жилым модулем и сканирует скрытые и дальние частоты, слушая тональное шифрование орбитальных оружейных платформ.

На закате он заходит в жилой модуль, достает из тайника в рабочем отсеке марку памяти и три стопки желтой бумаги. Из них выпадает монетка, которую Акамар ловит на лету и, не глядя, опускает в карман.

Путь к голому каркасу станции терраформирования пролегает мимо ранчо. В свете луны низкие облака отбрасывают тени, бегущие по ноосельве, и модульного дома почти не видно под зеленым покровом. На веранде охотятся хищные орхидеи. Плетеное кресло давно сгнило и развалилось.

Акамар чуть замедляет гиппоида, прислушиваясь к шепотам, которые ночной ветер приносит со стороны реки.

Он без труда находит лагерь. Трое парней и две девушки разбили палатки и жгут костры прямо на зятанутом лианами фундаменте станции терраформирования. Крепкие, мускулистые тела блестят в свете костра, как стальные корпуса их вездеходов-многonoжек. Акамар отдает им марку памяти и три бумажные карты, тщательно нарисованные от руки, и возвращается к гиппоиду, подволакивая правую ногу.

Забираясь в седло, он оглядывается на девушку лет двадцати с косо подстриженной челкой, в обрезанных джинсах, камуфляжной майке и стертymi в кровь локтями и коленями. Ее кожа покрыта росчерками контактов биоинтерфейсов, будто вязью племенных татуировок. Она смеется над чем-то в отблесках костра, дергает головой и встречает его взгляд.

Ее глаза — точь-в-точь как у Мелиссы, и Акамар выкручивает гашетку до упора, пустив гиппоида галопом, и сносит ветхую рабицу, ограждающую фундамент станции, вызвав взрыв одобрительных возгласов за спиной. Сервомоторы гиппоида натужно воют, один за другим вспыхивают огоньки на приборной панели, предупреждая о критическом перегреве. Ветер срывает с головы стетсон, и система безопасности протестующе сигналиит, но Ака-

мар жмет на гашетку до тех пор, пока перегрев не достигает критической отметки, заставив гиппоида щелчком сложить задние ноги и аккуратно сбросить Акамара на землю в шаге от пропасти.

Протокол безопасности, который Мелисса прописала в коде много лет назад.

В трех сотнях метров внизу грохочет река, пробивая себе тропу между древних скал.

Той ночью Акамар до рассвета сканирует каналы дальней связи, пока наконец не слышит сквозь статику помех слабый, исчезающий голос. Преодолев десятки миллионов километров, он повторяет позывные первой марсианской колонии, которые программа «Марс-9» унаследовала от своей предшественницы.

Бирюзовое свечение неба не исчезает с рассветом — наоборот, оно становится отчетливее и тянется вниз, превращаясь в стену жидкого пламени до самого горизонта.

Со стороны города слышны взрывы. В бирюзовое небо поднимаются столбы черного дыма.

Акамар седлает гиппоида в последний раз и направляется к ранчо. Подъем начинается сразу за ним, но за долгие годы носельва поглотила узкую тропку. Акамар отключает питание гиппоида, слушая, как затихает гудение сервомоторов под потертым гнедым кожухом, и начинает восхождение, хватаясь за стволы пальм и подволакивая больную ногу.

Колено разрывает от боли, на середине подъема нога перестает его слушаться, и остаток пути Акамар проделывает ползком. Тяжело дыша, он приваливается спиной к расколотому черному камню на могиле Мелиссы и поднимает взгляд к горизонту.

Гигантские черно-огненные грибы, вырастающие из жидкого бирюзового пламени, которым залит город, потрясают его своей красотой.

Акамар достает из кармана монетку, выпущенную к юбилею высадки миссии «Марс-7». Жидкое пламя жадно поглощает носельву, стремительно подбираясь к ранчо. Он сжимает монетку в кулаке и думает о том, что история его жизни, услышанная от анарха Хаоса больше полувека назад, была напутствием, а не проклятием.

Далеко внизу, в затопленной огнем долине, на обгорелом острове саговой пальмы жмутся друг к другу хищные орхидеи, и их стебли идут мелкой дрожью, когда пламя охватывает пушистые псевдоподии.

Маргарита АРДАШЕВА

УВЕДОМЛЕНИЕ: ОТЧЕТ О ЗДОРОВЬЕ

МИНИАТЮРА

Торнике чистил зубы, потому сразу не понял, что вибрация идет по руке не от электрической щетки, а от смарт-часов. Следующим подал сигнал тревоги телефон. На экране красным загорелось уведомление:

«Пользователь: Lara.

ХГЧ: 25 мМЕ/мл.

Необходима срочная консультация специалиста».

Еженедельными отчетами о здоровье уже никого не удивишь, но прежде они были настолько идеально одинаковыми, что воспринимались практически спамом. Лучшее в ленте новостей. Акции и распродажи месяца. Куда сходить на выходных? Выбор редакции. Давление, пульс, сатурация, глюкоза — в норме. Смахнуть, не глядя.

Лара стояла у кровати и следила за автоматически заправляющейся постелью.

— Знаешь, в детстве бабушка била меня по рукам, если на простыне появлялась складка. И здесь железка оказалась полезнее меня.

— Ты до сих пор оцениваешь себя предрассудками девятнадцатого века! — с горечью заметил Торнике.

Он не знал, как начать этот разговор. Лара никогда не читает отчеты о здоровье, но значит ли это, что она сама пока не догадывается? Они легли. Освещение перешло в режим «звездная ночь», температура в комнате начала постепенно опускаться.

— Лара! — Торнике сам удивился, что назвал жену по имени, и тут же осекся. — Цветочек мой, скорее всего, ты беременна. Нужно в ближайшее время обратиться к врачу. Давай я договорюсь с тетей Жанной?

Лара не отвечала, но дыхание выдавало, что она не спит, а пытается не заплакать.

— Ты знала?

— Нет.

Она отвернулась. Сегодня разговора не будет.

Утром, как и всегда, Лара варила кофе с халвой в почерневшей от огня медной джезве. Роботы научились делать все, даже идеальные «лодочки» с янтарным желтком. Но разве можно им доверить кофе?

Торнике наблюдал за этим процессом с новой, незнакомой прежде нежностью. Всю ночь он читал свежие научные статьи об опасности естественного вынашивания, и каждая заканчивалась словами: «Единственный способ сохранить здоровье женщины и предотвратить материнскую смертность — инкубационные технологии планирования семьи».

— Цветочек, мы можем поехать в Ставрополь. В их перинатальном центре научились переносить эмбрионы в инкубатор, рисков никаких.

— Ты хочешь, чтобы и здесь машина заменила меня? Думаешь, я не справлюсь?

Лара посмотрела на мужа глазами лишенного последней надежды.

— Ну что же ты все упрекаешь себя? — он обнял ее, поцеловал стриженую макушку и стал аккуратнее подбирать слова. — Я за тебя боюсь.

— Да чего здесь бояться? Нас рожали без инкубаторов...

— Вот именно! Ты сама говоришь, что у твоей матери до сих пор болит рубец от кесарева.

Внеочередное уведомление вторглось в и без того беспокойную атмосферу:

«Пользователь: Тог.

Давление: 160/90.

Рекомендован покой, дыхательные упражнения.

При получении повторного уведомления обратитесь к специалисту».

— Ты знаешь, что я здорова. Возраст самый подходящий. Неужели ты хочешь, чтобы наш ребенок рос в микроволновке?

— Ты еще скажи, в пылесосе. Оптимальные условия, питательная среда.

— Вот! — Лара хлопнула себя по животу. — Вот оптимальные условия и питательная среда.

Оба замолчали. Кофе остыл, завтрак от «кухонного помощника — 2050» не лез в горло. Смарт-часы на руке Торнике отчаянно завибрировали.

«Пользователь: Lara.

HGB: 80.

RBC: 2.5.

Подозрение на кровотечение. Нажмите "Ok", чтобы вызвать неотложную помощь».

Спорить больше не о чем.

Марина МАЗУРЕНКО

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ

РАССКАЗ

Над фасадом кинотеатра «Победа» подрагивала гигантская полупрозрачная голограмма, бросающая отсветы в хмурое небо. Иллюзорная копия здания то и дело вспыхивала, когда еще редкие дождевые капли касались ее трехмерных линий. Раз в час цифровые джигит и горянка приходили в движение, сходясь в танце. Туристам нравилось. Старожилы, особенно размороженные, кривились, бурча, что раньше, когда танцующая пара не двигалась, было лучше.

Заур, не до конца отошедший от криокамеры, не решил, чью сторону принять. Неоновые огни Нового Нальчика поначалу ошеломили его, однако теперь это чувство уступило место тоскливой безысходности. Он ощущал себя лишним в этом городе и времени. Синтетическое мясо, стимуляторы со вкусом кофе и чая, люди, больше похожие на киборгов со всеми этими новомодными причючками и наворотами, киборги, больше похожие на людей. А еще редкие пока здесь инопланетяне, с их раздражающе дружеским интересом ко всему и вся. На фоне этого движущаяся танцующая пара казалась меньшей из проблем.

Технология криогенного сна, разработанная сразу несколькими группами ученых в разных концах света в 30-е годы XXI века, подарила множеству неизлечимо больных людей шанс на новую жизнь. Правда, ждать его пришлось больше ста лет. Первые волны участников соглашались на процедуру в порядке эксперимента, не осознавая риска в полной мере.

«Лучше бы просто прожил те полгода, что давали врачи. На фига я согласился на эту долбанную заморозку в 2036-м? Черт бы побрал этих университетских умников с морозилками для людей. Проект они грантовый написали, чтобы жизни спасти. От такого спасения волком выть хочется. Ни родни, ни друзей, только кучка таких же, как я, размороженных, которым, похоже, все нравится. И зачем я маму послушал?»

— Итак, перед вами легендарная «Победа», — бойко вещала миловидная девушка-экскурсовод. Ее звонкий голос усиливался специальным имплантом-громкоговорителем. — Голограмма достаточно точно воссоздает внешний облик здания, восстановленного в годы после Великой Отечественной войны. Для того чтобы загрузить виртуальную экскурсию по интерьерам кинотеатра, спроектированным искусственным интеллектом, сфокусируйте взгляд на коде, расположенном в верхнем левом углу билета, и трижды мигните. В случае отсутствия окулярного импланта, для считывания кода вы можете воспользоваться коммуникатором. Обратите внимание, что эта функция доступна только для моделей аппаратов, выпущенных на этой неделе.

Под колышущейся голограммой прятался законсервированный остов кинотеатра — после пожара в десятые годы XXI века здание так и не восстановили. В этом виде «Победа» и дотянула до нового столетия — с пучками травы, пробивающимися сквозь швы плитки, осыпающимся косметическим ремонтом фасада и пустым нутром со следами копоти. Заур вместе с еще одним размороженным, Санычем, несколько раз забирались внутрь из щемящего чувства ностальгии. Они чудом умудрялись покинуть здание до того, как на место прибывала служба охраны памятников. А Саныч неизменно уносил с собой несколько камней, которые потом внаглую продавал туристам.

— Парень, не тормози, — Саныч, легок на помине, хлопнул Заура по плечу. — Жанетта увидит, что ты опять завис, взбесится.

Криогенезация, несмотря на все опасения ученых, не повлияла ни на когнитивные способности, ни на характер. Вот Заур, допустим, как был, по своему собственному мнению, нытиком, так им и остался. Пожилой оптимист Павел Саныч, в прошлом веке чуть не загнувшийся от цирроза, за неимением в новом мире выпивки возвел в абсолют другую свою страсть. Он упоенно, со знанием дела травил байки, восхищая как наивных туристов, так и историков, охочих до бытовых деталей славного прошлого. В его виртуальной трудовой книжке значилось: «Хранитель знания. Сказитель», а официальным костюмом стали мятые костюмные брюки и коллекция поблекших от времени рубашек — в клетку, в полоску и даже с турецкими огурцами.

У Заура же по-прежнему мигала строка «В процессе интеграции», поэтому одевался он в стандартную одежду только-только размороженного — ослепительно белые майки, рубашки и брюки. Джинсы, стоптанные кроссовки и футболка с надписью «Калифорния», из которых он когда-то не вылезал, вспоминались почти с нежностью.

Заур не был бездельником. Он честно и методично выполнял указания работников комитета по адаптации, стажирюясь везде, где только можно. Однако работник XXII века должен был быть не только усердным, а еще и счастливым, ментально здоровым, с проработанными травмами. Ни сотрудники комитета, ни улыбочивые работодатели не понимали, что главные триггеры для бедняги Заура — слова «психолог» и «терапия».

— Уважаемые гости и жители Нового Нальчика! — имитируя воодушевление, завопил Заур. — Предлагаю вашему вниманию уникальное развлечение из прошлых веков — мыльные пузыри! Великолепное зрелище и простой принцип действия!

Саныч одобрительно ухмыльнулся и вернулся к своему рабочему месту — антикварному пластиковому стулу под антикварным же зонтом с контурами какого-то рекламного логотипа, выцветшего настолько, что ни один специалист не брался определить, что же это. Ну, кроме Саныча, который каждый раз озвучивал новую версию, хитро щурясь и протирая очки застиранным (и тоже антикварным) платочком в голубую клетку.

Мыльными пузырями заинтересовался пожилой мужчина в черкеске и папахе, за руку которого цеплялась девочка лет шести в стилизованном национальном платье. Такие наряды были не редки среди местных, правда одевали их чаще в выходные и на праздники. Пожалуй, эта мода Зауру нравилась, как и то и дело раздающаяся вокруг родная речь.

— Смотри, Залиночка, — пожилой мужчина ласково улыбнулся, — мне мой дедушка про такое рассказывал, давай попробуем? Девочка заинтересованно кивнула.

Заур вымученно оскалился в ответ и быстро всучил им два стаканчика с раствором и трубочки. Объяснять, как выдувать пузыри, не пришлось — спасибо деду старичка, который подробно описал своему любознательному внуку весь процесс. Спустя пару минут девочка уже успела запустить по Кабардинской целую тучу переливающихся шариков.

— Спасибо, молодой человек. Вы, наверное, недавно были разбужены? — вежливо поинтересовался старик, поднося ладонь с платажным чипом к терминалу. — Не пытались найти родственников?

— Да три месяца как, — ответил Заур. — А родственники... Сложно с ними, я как будто чужой. Я же для них как бы старший, но при этом мне всего тридцать три года. До сих пор голова кругом.

— Понимаю, — добродушно заметил мужчина. — Но знаете, мой дед говорил, что какие-то вещи остаются неизменными, и с каждым годом я убеждаюсь, что он был прав.

Заур снова улыбнулся, в этот раз искренне. Старичок вернул улыбку и вежливо попрощался. Девочка, успевшая отбежать в сторону, вернулась и тоже попрощалась, отчаянно краснея от смущения. Они пошли дальше. А мыльные пузыри плыли по улице, переливаясь разными цветами, и лопались, когда их настигали неожиданные дождевые капли.

— Ну что, отмороженные, как дела? — идиллию прервал зычный голос начальницы Заура Жанетты. — Надо же, Заурик, ты даже с покупателями поговорил. Прогресс!

Шумная и деятельная, до криогенной камеры Жанетта торговала овощами на рынке и никогда не говорила, почему пошла на эксперимент. Предпринимательская жилка помогла ей и в новой реальности — женщина, считай, делала деньги из воздуха, умело сыграв на всеобщем интересе к старине. Когда она разболтала первый флакончик шампуня в воде, на нее все смотрели как на сумасшедшую. Но спустя полгода Жанетта даже получила премию «Лучший разбуженный индивидуальный предприниматель».

— Нельзя называть разбуженных отмороженными или размороженными, — вздохнул Заур. — Сами же знаете, Жанетта Алиевна.

— Я сама отмороженная, как хочу, так и называю, — безапелляционно заявила Жанетта. — Ты себя в зеркале видел? Вечно унылый, смотреть противно. Действительно отмороженный. Нельзя же так, Заурик, надо как-то просыпаться уже, а то всю новую жизнь как лунатик проведешь.

Заур вздохнул. Спорить с ней было бесполезно. Да и бранила Жанетта его не со зла — она, как и Саныч, его понимала. Просто деятельная натура и вечная тяга причинить добро окружающим, независимо от их желания, вынуждали ее пинать парня в сторону его счастья.

Знать бы еще, в чем оно. В той, прошлой жизни он работал на фрилансе, снимал квартиру, поддерживал родителей и думал жениться. А сейчас его любимую работу выполнял искусственный интеллект и Зауру приходилось делать то, что он не любил больше всего — общаться с огромным количеством посторонних людей.

— Услышала бы тебя Лица, — с почти мечтательной интонацией протянул развалившийся в кресле Саныч, улыбаясь Жанетте. — Вот бы из-за отмороженных скандал был. И кстати, почему именно отмороженные, а не отморозки? Так смешнее!

— Ну, это уже как-то совсем обидно, — развела руками Жанетта. — Так, не отвлекай меня, Паша, мне надо бизнес спасать! Заурик, иди погуляй пока, а то с таким лицом тебе никто денег не даст.

Заур с тяжелым вздохом повиновался. Гулять по пешеходной улице было для него мучением, но, согласно методичке комитета по адаптации, подобные прогулки помогают социализироваться и укрепляют ментальное, чтоб его, здоровье.

На самом деле Кабардинская со всеми ее туристами, гидами и торговцами была одной из самых тихих частей Нового Нальчика, тише было только в парках, скверах и на кладбищах. Над улицей не летали аэротакси и гравискутеры. Здесь не было рекламных голограмм с навязчивым звуковым сопровождением, которые загораживали деревья и дома, как, например, на проспекте Ленина. Только реконструкции.

Заур даже немного завидовал любителям киберпримочек — за ежемесячную плату можно было встроить в мозг блокировщик рекламы, чтобы не видеть и не слышать весь спам. Увы, сделать это мог только полностью интегрировавшийся в общество человек. Да и цена подписки была высокой. Поэтому те, кому не хватило денег, либо нагло врали, что им нравится «голос города», либо шли к умельцам, продающим самопальные чипы со взломанной программой. Последний вариант хоть и был опасен, навевал ностальгические воспоминания о временах, когда в интернете можно было спиратить что угодно.

Жаль, что по Ленина нормально не погулять. Раньше Заур любил эту улицу. Особенно в мае, когда на липах распускались листья, поначалу почти прозрачные. А сейчас непонятно, растут ли там по-прежнему липы.

Знакомые здания точно еще сохранились, хоть и оказались зажаты между невообразимо высокими новостройками и спрятаны под светящимися проекциями. Да и площадь Марии осталась такой же, как прежде. А вот кинотеатр «Восток» преобразился до неузнаваемости — теперь он был похож на гибрид новейшего космопорта и концертного зала эпохи ар-нуво. Даже странно вспоминать, что когда-то их водили туда в кино всем классом.

— Что, Жанетта опять тебя отпустила? — вырвал его из размышлений знакомый женский голос. — Удобно устроился.

— И тебе приве-ет, — протянул Заур. — Я тоже рад тебя видеть.

Лица. Вот уж кто словно родился для этого века, так это она. Заур еще в прошлом шараялся от таких девушек — просветленных, осознанных, повернутых на всяких там апсайклингах и кофе на молоке, не имеющем ничего общего с молоком.

Если в родном времени Лица в 27 лет жила с родителями, не могла найти постоянную работу и благополучно использовала диплом как подставку под горячее, то сейчас она стала гуру

эко-дизайна. Она считалась не просто достаточно адаптированной, а очень успешной — вот даже на заветный чип, блокирующий рекламу, уже заработала. А разбудили их в одно время.

На Заура и Павла Саныча она смотрела свысока, с Жанеттой чаще всего была натянуто вежлива (утверждала, что это из женской солидарности, но Заур был уверен, что из чувства самосохранения).

Правда, с кругом общения у нее по-прежнему было туго — выносить девушку вне работы могла только отморозенная троица. А учитывая, что жили они все в одном доме и даже на одной лестничной клетке (чудесная идея комитета по адаптации), регулярных встреч было не избежать.

— Ага, конечно, рад он, — фыркнула девушка. — Ну не смотри так на меня, день был тяжелый. Ладно, извини. Я не должна была срывать на тебе. Ну вот что ты молчишь? Знаешь, твоя бесконфликтность и хандра здорово бесят.

— Догадываюсь, — фыркнул Заур. — Я пойду, пока еще чем-нибудь тебя не взбесил.

Лица явно хотела выдать ему вслед что-то ядовитое, но он уже не слушал. Уходить было особо некуда — мир сжался для парня до туристического отрезка улицы. За его пределами была бесконечная реклама, шум аэромобилей, неестественные цвета проекций и бешеное, ни на секунду не затихающее движение.

— Молодой человек, — механический голос автопереводчика настиг его, когда он собирался разворачиваться и идти обратно. — Не подскажите, как пройти на улицу Пушкина?

Перед ним определенно остановился инопланетянин. Гуманоид с сероватой кожей, покрытой угольно-черными разводами, и с огромными прозрачно-зелеными глазами. Судя по голосу, доносившемуся из динамика портативного устройства автоперевода, это был мужчина.

— Поверните направо, на Ногмова, потом пересечете Шогенцукова, а затем как раз выйдете на Пушкина.

— Благодарю, землянин, — гуманоид поднял восьмипалую верхнюю конечность. — Да пребудет с тобой... — окончание фразы потонуло в булькающих помехах барахлящего автопереводчика.

Заур на всякий случай вежливо кивнул, мужественно сдержав приступ хохота. «Надеюсь, он сказал что-то про силу. Да, он не был зеленым коротышкой, но он же с другой планеты. Он, блин, должен был это сказать!»

Случайная встреча его немного встряхнула. Весь обратный путь Заур размышлял о космических кораблях, далеких планетах

и загадочных существах, их населяющих. Может, в этом его предназначение? Исследовать новые миры, устанавливать контакты?

Имелась, правда, одна маленькая проблема. Разбуженные могли отправиться в космос только после полной адаптации в новой для них реальности. Попасть на исследовательский корабль в качестве волонтера мог практически любой, главное — собрать нужный набор справок (от психолога, к огромному сожалению Заура, тоже).

— Вернулся наш рыцарь печального образа! — громко провозгласил Саныч. — Ну как, полегче тебе стало после променада?

— Немного. — Очередная дождевая капля (они продолжали падать, не желая превращаться в полноценный дождь) приземлилась аккурат на кончик длинного Заурова носа. — Да когда уже это дождь пойдет, а?

— Кажется, кто-то очень хочет забраться в свою конуру, — медленно вступила в разговор Лика. — Ну вот что ты там будешь делать?

Заур снова смолчал. Скорее всего, будет серфить в сети, пока не кончится бесплатный трафик, и заснет у мерцающей виртуальной панели, думая то о звездах и инопланетянах, то об оставшейся в прошлом любящей семье.

Он мог позвать в гости Саныча и Жанетту, или даже Лику, они бы пили заменитель чая и заедали его заменителем конфет. И Заур снова бы услышал о том, что ему надо собраться, завести хобби, решить, кем быть, и благодарить судьбу за шанс прожить новую жизнь в новом мире. Он и сам это понимал. Но принять пока не мог.

— Гляньте, опять завис! — Лика недовольно скривила губы. — Как ты раньше-то жил, до заморозки? Тоже постоянно тормозил, ни с кем нормально не общался и не мог удержаться ни на одном рабочем месте?

В этот раз ей удалось его по-настоящему зацепить. Внутри поднялось яркое, сильное и подзабытое чувство. Гнев.

— Хорошо я жил! — Заур слегка повысил голос, что в его случае было почти равносильно крику. — У меня была большая семья, друзья, любимая работа и девушка, на которой я хотел жениться! А теперь я один. Все, что я умел в прошлой жизни, здесь бесполезно. Те, кто был мне дорог, давно мертвы, и я не могу к этому привыкнуть. И не помогают мне здешние психологи с их хваленой терапией. Я жалею о том, что согласился на заморозку!

Он замолчал и, тяжело дыша, обвел взглядом тройку размороженных. Саныч смотрел спокойно — он уже похожее слышал.

Жанетта сочувственно вздохнула. Хорошо, обниматься не полезла. Лица напряженно молчала и явно подбирала слова — сейчас он наверняка услышит очередную отповедь. Она скажет, что он не единственный, кто проходит через подобное. Скажет, что он ведет себя эгоистично и не ценит выпавший шанс.

— Прости меня, пожалуйста. — Зауру показалось, что он ослышался. — Я не хотела тебя задеть и сказала все это не подумав. Мне правда стыдно.

— Да нормально все, — ответил он неловко, мечтая провалиться сквозь землю. — Я тоже не должен был так реагировать. Это мои проблемы.

Лица явно хотела возразить, но разговор прервал раскат грома. Что было странно — в прогнозе не было ни слова о грозе, обещали самый обычный дождь.

— Так, по душам вы поговорите потом! — рявкнула Жанетта, сноровисто собирая вещи. — Ну-ка, живо помогите мне все убрать, пока не ливануло!

Разумеется, все ее послушались и быстро занесли прилавок и товар в дом.

Жили четверо замороженных тоже здесь: комитет по адаптации старался селить разбуженных в историческом центре города. Считалось, что так им будет проще. Заур подозревал, что их просто сделали еще одной достопримечательностью для туристов. Вот вам аутентичные здания, аутентичные мыльные пузыри и аутентичный нытик образца прошлого века. Наслаждайтесь, дорогие туристы, и не забудьте купить еще парочку виртуальных экскурсий.

— А пойдем погуляем? — неожиданно предложил Саныч, уже пристроивший свое кресло в подъезде, но еще не выпустивший из рук зонт.

— Тебя долбануло молнией, пока свои пожитки таскал? — скептически поинтересовалась Жанетта. — Под дождем гулять?

Ливень забарабанил в окно подъезда, словно отзываясь. Сно-ва громыкнуло.

— Почему бы и нет, — многозначительно ухмыльнулся мужчина. — Сейчас дышится легче. И туристов на улице не будет, разбежались все.

Заур потом долго не мог понять, как он на это согласился, как они все на это согласились, — и побежали по улице, вчетвером безуспешно прячась от стихии под куполом старого зонта. И кто первым начал смеяться? Саныч, Жанетта, Лица или все-таки он сам?

Вода бежала по плитке ручьями, собиралась в лужи, игнорируя ливневые траншеи, заливалась в обувь, утратившую кристальную белизну. Голограмма над «Победой» дрожала, и с новым раскатом грома просто лопнула, распадаясь на сияющие пиксели, которые таяли, так и не достигнув земли. Стал виден облупившийся фасад, на котором вырос какой-то куст, и по-прежнему замерли в танце две статуи.

— Ага, так я и думал, — Саныч довольно потер руки. — В прошлый раз тоже отрубились!

— Вы о чем? — Лица непонимающе нахмурилась.

— До меня, кажется, дошло, — хмыкнул Заур. — Гроза каким-то образом влияет на голограммы, возможно из-за электрических разрядов, и они отключаются, верно?

— В самую точку, парень! Причем тухнет эта гадость по всему городу.

— Так значит, на других улицах рекламы сейчас тоже нет? — воодушевленно вклинулась Жанетта. — А чего мы тут стоим тогда?

Без неона, зарево которого перекрывало все на свете, и настырных голограмм город выглядел удивительно обычным. Дождем смыло футуристический налет. О том, что на дворе XXII век, намекали только новостройки, подпирающие грузное, темное от туч небо. Когда четверка разбуженных выбралась на проспект, там уже практически никого не было. Разбегались редкие пешеходы, спешили юркнуть на многоуровневую парковку аэромобили.

А липы были на месте. Прилично вымахавшие за сотню лет, с толстыми стволами и густой, блестящей от воды листвой, которая выглядела невероятно яркой на фоне серого неба. Дождь уже сходил на нет, и за его шумом можно было различить еще один звук. Пели птицы. Заура всегда удивляла эта их привычка звонкими трелями приветствовать как солнце, так и непогоду. И на мгновение показалось, что все как прежде.

Четверо замерли под старым зонтом, и ни один специалист из комитета по адаптации не объяснил бы любопытному инопланетному туристу, почему они так благоговейно смотрят на деревья.

Диана ЦОГОЕВА

А-ЛОЛ-ЛАЙ

МИНИАТЮРА

Женщина, огромная женщина. Слишком уж шустро она растет! Железная матрешка с лязгом разворачивается ко мне. Загорела темным телом солнце. Двигается прямо; шатается и гудит. Шатана — пожалуй, самый продвинутый из роботизированных монстров типа NE.

Я окружен в и без того тесном боевом поле. Как я вообще сюда угодил? Времени на раздумья нет: иначе заклюют металлические птицы. С напрягом справлюсь. Не впервой. Надо отстреливаться. Но чем? Что в ладони? Теплая рукоять лазерного меча. Я бы принял его за джедайский, не будь на нем витиеватых узоров. Вспомнил: это орнамент! Раздумывать некогда. Меч тоже подойдет. Размахиваюсь, со всей дури бью по здоровенному голубю. Его глазки сверкнули красным. Жуть: смотришь в них, и появляется желание наскорьяк закапаться ***ином. Клюв распахнулся, из него проскрипело неразборчивое «д-ззз-р-ссс», и... произошло отключение. С уничтожением главного остальные грохнулись вниз. Отлично! Но рано отдыхать: Шатана стремительно приближается. Объект ее гнева вполне очевиден.

Проклятье, оружие здесь не спасет. Ох! Кто-то жестко подхватывает меня и поднимает в воздух. Ну и борода! Модель ZX-ter, старые горячие провода шипят узнаваемо. Тоже громадина, легко не отпустит. Жаль, что я выронил меч. После приземления осознаю: теперь я в новой ловушке. Ржавый дед держит крепко. Он жаждет выдавить из меня энергию сопротивления. Знаю, машины его настроек часто душат новобранцев вроде меня. Программа *Modus vivendi*. Боюсь, даже мне не взломать. Соображай! Начинается обратный отсчет до взрыва. Из корпуса гиганта выделяются фрагменты и по заданным скриптам превращаются в фандыр.

— Мы — надорванные жилы Сырдона. Сыграешь?

Сыграю! Луплю пальцами: они-то приучены. Гремит мелодия. Аппарат запущен. Ясно, это музыкальный код. Я был прав: проще, чем с клавиатурой.

После сигнала звуковая волна наполняется формой. Через секунду в ней угадывается фигура Батраза. Значит, с дешифровкой порядок? Погодите-ка, мне наконец удалось разглядеть: синими искрами поблескивает сталь. Не похоже на киберкостюм. Значит, не оболочка... Свечение оборачивается пламенем; становится сложнее удерживать взгляд, будто перегорают зрачки. Кажись, Батраз и есть взрывной механизм.

Батраз... Батраз... Бат-раз... два... три...

— Батрадз, æггъæд у хуыссын, магуса!¹

Первый и единственный импульс:

— Мам, отстань!

Ругается на осетинском. Ведь прекрасно знает, что не понимаю ни черта.

«История Осетии» на столе закрыта. Школьная занудная муть перепрошлет меня в нейросетку? Недовольно цокает... Металл в предплечье устал, пружина лопнула. Резким бесконтрольным движением сбрасываю книженцию на пол.

— Что-о-о это опять в компьютере? Что за ужасы?

На экране незакрытая вкладка с ММОРПГ. Не успел позаботиться о защите фланга. Забыл выключить штуку в глазу. Вот блин.

— Лучше бы уроки учил. Ты своей ерундой мозги плавить.

Мои хобби, по сути, любой мой вздох — ерунда. Перекидывание бестолковыми картинками в Вотсе — не ерунда, ма?

— Ни разу за сегодня учебник не открыл, я в твоём чипе видела.

Видела... Такое ощущение, что с пристрастием она наблюдает только за теми записями, где есть монитор. Зачем вообще согласился на протезирование...

— Тебе какая разница, чем я занимаюсь?

— Да ничем ты не занимаешься. Что-о-о ты сегодня полезное делал?

Терпеть не могу акцент, с которым она протягивает слова. Так не разговаривают люди, прочитавшие хоть на букву больше, чем в предложении «Добрый день, Аза Иналовна, ваш сын...».

Ничего не хочу объяснять. Я — не робот... Я — бластерный выстрел! Лечу из комнаты. Стоит перезарядить и выпалить парой фраз в духе «ты во мне ошибаешься».

— Нихренанеделанье.

¹ Батраз, хватит спать, лентяй! (осет.)

Быстрее, быстрее натянуть обувь.

— Не груби мне! И какая польза тебе от твоего... как ты выразился?..

Постарался изобразить язвительную ухмылку. Пусть знает, какой я ядовитый, если в меня тыкают без спроса. Да здоровствует моя животная хитрость.

— Наслаждаюсь.

Коридор позади. Свобода. Швыряю вполголоса:

— Как же мне надоело это все.

В дверях мать, запыхавшаяся, с надрывом вопит:

— А мне не на-а-а-до-о-ое-е-ело-о-о?!

Столько лет одно и то же. Она считает, что может разжалобить меня заунывными отыгрышами. Кое-кто слишком часто пересматривал «Фатиму».

На бегу срываю протез. За мной не нужно следить. Похожу и одноглазым.

✱ — *Не лезь в то, что я читаю. Не лезь в то, во что я играю. Не лезь ко мне. Не лезь в МЕНЯ!*

— Ты капли свои не взял!

Я не хотел стучать калиткой, но уловил момент, когда рукой ее уже было не подхватить. Ру-кой... Человек... киборг — существо страшно забавное.

Зараза. Пацаны стоят. Ржут. Услышали. Азамат, наш старший, дымит — медленно, словно у него в кармане ключи от «Алании Молл», «Александровского» и фычинной «на тюрьме» в одной связке. Ничего, скоро и моя эпоха придет. Каждому смогу доказать: я умею обращаться со взрослыми вещами.

Идиоты! Не утихают, продолжают подтрунивать:

— Кошмар, Батразик-баламут, лол. Тæргайгоп².

По Чапаева бредем до проспекта. Я вне бесед на «родном языке». В подобные моменты чувствую: чужой. Как ни крути, не скажу ничего путного. В голове спиралью завертелось «лол». Лол-лол... А-лол-лай³.

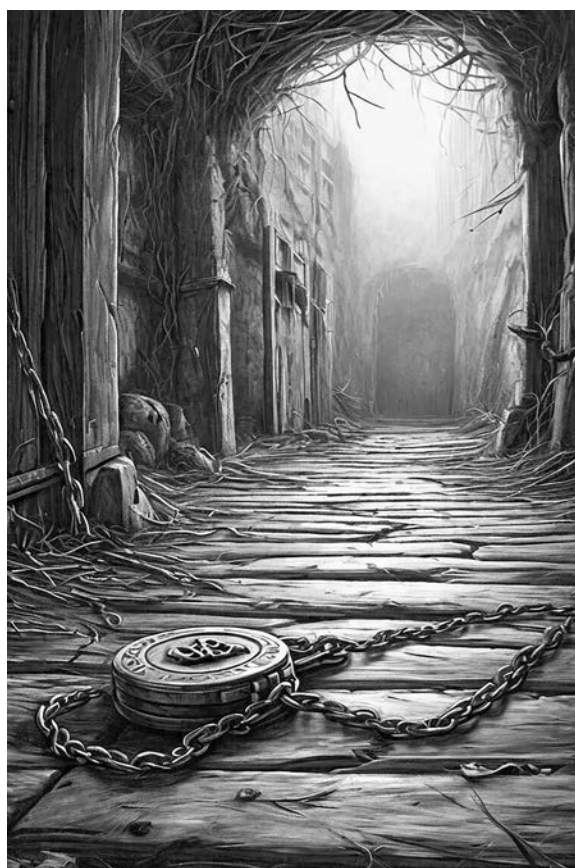
² Обиженка (осет.).

³ Баю-баюшки-баю (осет.).

Алексей ЛЯЛЮЛИН

ПАДЕНИЕ ДАГОМА

РАССКАЗ

«И нв. № 153157-14. Медальон, без вставки. Материал — серебро. Проба — 84 в квадрате. Клеймо города «Олень Св. Губерта с оградой». Гродно? Состояние удовлетворительное. Коллекция 31257 — «Осетины». Собрана Е. Н. Студенецкой в 1929 году. Селение Дагом Унальского сельсовета Алагирского района СОАССР. Деревянная и металлическая посуда, утварь, газыри и женские серебряные украшения».

«Куда же он запропастился?» — Ольга еще раз пробежала взглядом по полке и наконец заметила небольшую пыльную коробочку. Она чуть брезгливо взяла ее правой рукой, левой прижимая к груди тяжелую опись. «Ага, вот...» — Ольга отложила папку в сторону и достала медальон, поднеся его поближе к глазам. «Гродно... Да, вот клеймо. Странно, почему Дагом, Осетия... Хотя кто разберет этот Кавказ...»

Она задумчиво повертела в руках небольшой кусок серебра, потом положила его на место и, вздохнув, пошла к следующему стеллажу.

Инвентаризация Кавказской коллекции Государственного музея этнографии шла полным ходом.

Петровский медленно шел к воротам крепости по грязной разбитой дороге. Он проходил мимо казарм, мимо пакгауза, мимо недавно отстроенной, взамен деревянной, каменной церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Путем, которым он ходил уже, наверное, тысячи раз. В маленькой крепостце с громким названием «Владикавказ» не было места для длинных променадов. Он вышел из своего каземата слишком рано. Теперь, даже умышленно за-

медля шаг, он все равно оказался около духана за полчаса до назначенного времени. Прогуливаться около заведения означало привлекать лишнее внимание, поэтому после небольших раздумий Петровский зашел внутрь.

Здесь на него сразу обрушилась лавина удушливых запахов, свойственная подобным заведениям. Подскочивший к нему армянин-духанщик сразу проводил его из общего зала в «кабинет для господ» — более-менее чистую и не такую душную часть заведения. Так называемых туземцев туда не пускали, только господ офицеров. И хотя Петровский был в гражданском платье, его офицерство чувствовалось за версту. Даже смертный приговор, шесть месяцев заточения, три года солдатчины в Ширванском пехотном полку, через которые ему пришлось пройти как участнику выступления Литовского пионерского батальона, не смогли вытравить из него его *honor*¹. Впрочем, старый-новый чин подпоручика, теперь уже в 9-м линейном батальоне, снова давал Петровскому право быть «господином». Право не только заслуженное, но и выстраданное. Кровью.

Эдуард Адамович устроился за большим, темным от времени, но довольно чистым столом. Заказал бутылку кахетинского и погрузился в собственные мысли. Терпкое, чуть кисловатое вино приятно обволакивало нёбо. Алкоголь на мгновение притупил острую боль, терзавшую его уже больше года. Петровский вынул из кармана часы Moreton корпуса стерлингового серебра. Убедился, что ждать еще минут двадцать, и подлил себе вина. Он столько раз вспоминал тот страшный день, что почти уже позабыл, как все удачно складывалось в самом начале. Перевод из Грузии во Владикавказскую крепость. Путешествие по дикой, опасной, но такой красивой дороге через Дарьял. Новые товарищи. Ощущение того, что все наконец наладится. Предчувствие новой жизни... Неожиданный, но такой желанный приезд жены Ядвиги. Радость воссоединения. Весть о будущем отцовстве. Полное ощущение приближающегося счастья...

А потом эти слухи о Гази-Магомеде, тревога за супругу, за еще не родившегося ребенка и та страшная, злополучная оказия в Тифлис. Не желая подвергать лишней опасности беременную супругу, Петровский испросил разрешения отправить ее в более спокойную и безопасную Грузию. От этих воспоминаний на него снова нахлынула боль. Глухая и тянущая, как будто и не минул уже год с того злополучного момента... Он вспомнил, как, разгоря-

¹Примечания к словам, выделенным курсивом, см. в конце рассказа на с. 106–107.

ченный скачкой, влетел на пыльный плац перед крепостной церковью на своем пегом жеребце. Лихо соскочил с седла. С удивлением заметил, что вышедшие навстречу сослуживцы прячут от него взор. Ординарец подхватил лошадь.

Ничего не понимающего Петровского проводили к полковнику Скворцову, коменданту крепости. Уже по тому, как тот обнял подпоручика, которого недолюбливал (как, впрочем, и всех участников декабрьских волнений), Эдуард Адамович понял, что стоит приготовиться к недобрым вестям.

Но то, что он услышал, вырвало у него душу:

— Не доходя до Ларса, конвой был атакован хищнической партией из *джейраховцев* и немирных осетин. Нападение, хоть и с потерями, было отбито, но оставшийся за командира хорунжий Харланов решил, что спокойнее будет отправить женщин и раненых обратно в крепость в сопровождении нескольких казаков. Однако в крепость они так и не вернулись. Вначале мы не знали о нападении, но когда наутро от них прибыл посыльный, немедленно начали поиски. Кроме убитых казаков и брошенных повозок мы ничего обнаружили, поэтому были уверены, что Ядвига Станиславовна пленена. Но три дня тому назад осетины из *форштадта* нашли на берегу Терека женский труп в европейской одежде...

Скворцов на секунду умолк и, увидев лицо Петровского, как будто вырубленное из белого мрамора, быстро приказал:

— Врача, живо!

* * *

Погруженный в тягостные мысли Петровский не заметил, как в кабинет зашли двое — поручик Александр Семенович Гангеблов и капитан Дасо Дайудович Гайтов. Поручик был в форме, в то время как капитан был одет по-туземному. Оба они были кавказцы — не по месту службы, а по природному происхождению. Хотя сохранившего гвардейский шик Александра Семеновича можно было принять не за грузина, а, скорее, за какого-нибудь француза или итальянца. Дасо Дайудович представлял собой полную противоположность товарищу. Вид он имел совершенно горский. Коренастый бородатый мужчина с тяжелым взглядом — он ничем не выдавал русского воспитания и своего капитанского звания. Взятый в шесть лет в аманаты, он прекрасно говорил по-русски, назывался гораздо чаще Петром, нежели Дасо. При этом не порывал связи со своими родичами и патриархальной жизнью. Собственно,

именно эта связь с осетинами-горцами и помогла Петровскому узнать все страшные обстоятельства последней поездки его жены.

Прошло уже почти полгода, как Гангеблов свел Петровского с Гайтовым. Дасо Дайудович был не только офицером и переводчиком, но еще и приставом. Именно поэтому посевший от горя в двадцать шесть лет подпоручик просил осетина выяснить, кто был в той разбойничьей банде. И хотя это могли быть и джейраховцы, и назрановцы, да и просто заблудившийся отряд мюридов, была все же вероятность, что совершили это тагаурцы или куртаинцы.

Капитан сделал, казалось бы, невозможное — уже через месяц он указал на убийц. Это были Дагиевы из Дагома. Родственник Гайтова купил у одного из Дагиевых медальон на серебряной цепочке. Когда-то Петровский носил этот медальон с профилем Ядвиги на своей шее, рядом с крестом. После ареста, уже из каземата, он смог передать его жене, чтобы драгоценная для него вещь не попала в грязные руки солдатни. Несмотря на все трудности и беды, Яся сохранила украшение и вернула мужу немедленно при первой же встрече. Три года заветная вещица была у самого сердца Петровского. Но перед тем самым злополучным отъездом супруги, поддавшись неожиданному порыву, Эдуард Адамович снял украшение с шеи. Поцеловал и передал его в руки удивленной Ядвиги Станиславовны с наказом, чтобы она всенепрременно отдала его будущему сыну. Да, именно сыну. Подпоручик был уверен, что у него родится мальчик, а портрет матери будет с рождения хранить его, как сохранил когда-то самого Петровского.

И вот медальон вновь оказался в руках Эдуарда Адамовича.

Несмотря на то что внутренний портрет был безжалостно выломан кинжалом, сомнений никаких не было. Именно его Эдуард Адамович купил в лавке у старого еврея в Гродно незадолго до выступления 24 декабря 1825 года и без малейших колебаний узнал бы из тысячи других.

Семь братьев Дагиевых были известны в Осетии не как удальцы, пользующиеся любовью и уважением окружающих, а как отчаянные разбойники и грабители, люди без чести и совести. Изгоями они не стали, потому как относились к одной из сильных фамилий Дагома. В свою очередь само Дагомское общество имело огромное влияние не только на аулы Урсдонской котловины, но и фактически на все Алагирское ущелье. *Застава Чъыр-*

амад, которую держали дагомцы, запирала единственную дорогу с гор на равнину, и никто не мог пройти через нее без их разрешения. Кроме того, в Дагоме заседал суд, решавший все самые важные и запутанные дела почти всех осетинских обществ. Было совершенно ясно, что эти Дагиевы практически неприкосновенны.

Но все это не остановило бы отчаявшегося Петровского, если бы не общая ситуация вокруг крепости и в Осетии. Недовольство, зревшее в горных обществах много лет, готово было вот-вот прорваться. С русской стороны в крепость прибыл генерал Абхазов с двумя батальонами Севастопольского пехотного полка, двумя ротами из Кавказских линейных батальонов и двумя сотнями конных казаков при восьми орудиях. К нему на подмогу из Тифлиса в ближайшее время должна была выдвинуться бригада генерала Бихмана. Всем было понятно, что страшная буря уже на подходе, хотя и до этого никакого затишья не было.

Не желая ставить свою месть в зависимость от военной фортуны, Петровский решил действовать наверняка. Он просил Гайтова найти надежных людей среди осетин, которые так яростно ненавидят Дагиевых, что готовы пожертвовать своей жизнью ради успешной мести. Так же, как и он.

Вначале Петр Дайудович отказал Петровскому в этом безумном плане. Правда, потом, видя безысходное отчаяние молодого вдовца и холодную, непоколебимую жажду мести, согласился помочь.

И вот, почти через месяц, они снова собрались вместе. Напряженный, как сжатая пружина, Петровский, чуть растерянный Гангеблов и мрачный, погруженный в себя Гайтов. Он первым и начал:

— Как я понимаю, отговорить вас, Эдуард Адамович, у меня не получится? — Он спросил это с искренним участием, заранее понимая бесполезность своего вопроса.

Петровский качнул головой и сказал с нажимом:

— К делу, Петр Дайудович, к делу!

— Ну, раз так, извольте слушать внимательно. В пятницу Александр Семенович так устроит, что вы поедете в Ардонское укрепление...

Гангеблов кивнул, подтверждая эти слова.

— Ко мне, — продолжал Гайтов, немного смущенно опустив глаза, — прошу вас не заходить, надеюсь, вы понимаете почему. У крепостцы вас встретит мой родственник Кудзи Кулаев. Он вас

знает, да и вы должны его помнить, он довольно часто сопровождает меня в крепость. Кудзи немного говорит по-русски, и вы можете полностью ему доверять. Он отведет вас в Ардонский аул, там вы переоденетесь в туземное платье и смените лошадь. После этого вы с ним поедете на встречу с человеком, которого вы просили меня найти. За него поручиться я не могу, но ваши цели в части Дагиевых полностью совпадают. Он обещал помочь удовлетворить вашу месть, так как сам жаждет того же. Кудзи после встречи уедет, и вы должны полностью довериться Габо Сарагову.

Неожиданно наклонившись ближе к Петровскому и почти перейдя на шепот, Гайтов продолжил:

— Эдуард Адамович, это страшный человек. Кабы не ваша безумная просьба, я ни в коем случае даже имя этого человека не хотел бы произносить! Он настоящий *хинганаг*, о нем рассказывают ужаснейшие вещи...

При этих словах Гангеблов заметно побледнел. Видимо, и имя, и значение слова были ему знакомы. Зато Петровский был настолько бесстрастен и невозмутим, что Гайтов, будто устыдившись своего порыва, резко отпрянул и направился к выходу.

У дверей он обернулся:

— Чуть не забыл. Перед поездкой обреете голову налысо, на кабардинский манер. Не знаю уж зачем, но об этом просил Сарагов. Сказал, что вы не должны привлекать лишнее внимание. Будьте внимательны с ним, он вам не друг. Хотя... Прощайте, Эдуард Адамович. Боюсь, мы с вами больше не свидимся. Прощайте.

* * *

Туман повсюду проникал холодными, белесыми, полупрозрачными щупальцами. Он залезал под бурку и за ворот бешмета, составлял поближе придвинуться к небольшому костерку, который бросал неяркие отблески, выхватывая из темноты искривленные стволы невысоких деревьев. Хорошо, что не было ветра.

Лагерь был разбит у самого подножия горы, в небольшой полупещере. Место было удачно закрыто как от природных нападений, так и от посторонних взглядов. Настоящее разбойничье лежбище. Даже тропинка, которая вела к нему, была совершенно незаметна непосвященному человеку.

Петровский еще раз запахнул полы бурки, стараясь найти положение поудобнее. Он с благодарностью принял какой-то отвар,

поданный ему Сараговым; правда, не самим, а через спутника. Приятное тепло разлилось по всему телу, и, чуть расслабившись, Эдуард Адамович невольно вернулся мыслями к событиям последних дней и часов.

Два дня тому назад, как и обещал Гангеблов, Эдуард Адамович получил приказ проследовать в Ардонское укрепление. Получив с вечера все необходимые документы, подпоручик рано утром выехал из крепости. На подъезде к Ардону, как и было оговорено, его встретил Кудзи. Окольными путями, чтобы не привлекать чье-либо внимания, они подъехали к небольшому равнинному аулу, состоявшему всего из нескольких саманных домиков. Пару лет назад этот аул основал сам Гайтов со своими соплеменниками. Здесь Петровский переоделся в *бешмет*, черкеску и чувяки. Шашка, кинжал и пистолет у него и так были кавказские, поэтому в мохнатой бурке и папахе подпоручик стал выглядеть как совершенный горец.

Как только начало темнеть, они с Кулаевым незаметно покинули аул и двинулись в сторону гор. Петровский впервые ехал по степи в полной темноте. Новая лошадь, непривычное кабардинское седло, полумрак, окружающий всадников со всех сторон, нервировали его и заставляли судорожно сжимать поводья. Вполне обычная ночь была полна совершенно иных ощущений. Привычные ему огни на крепости и теплый уютный свет в окнах домиков в форштадтах сменились серым небом, освещенным почти полной луной, серебристой травой, воздухом, полным сильных, душистых и пряных ароматов. Вместо переключек часовых он теперь слышал фырканье лошадей, приглушенный постук копыт и редкие крики невидимых ночных птиц.

Перед рассветом они остановились в небольшой рощице у самых предгорий. Там они скоротали целый день до наступления новых сумерек. Как только стало темнеть, снова выдвинулись. На этот раз они отъехали совсем недалеко. В условленном месте, на небольшом холме, четко выделяясь на фоне закатного неба, их ждали два всадника. Солнце садилось за их спинами, бросая последние отблески по краю горизонта. Стояла полная тишина. Дневная жизнь уже замерла, а ночная только-только просыпалась. Два черных силуэта, безмолвно и неподвижно застывшие в кровавых отблесках заходящего светила, выглядели зловещим символом грядущих событий.

По каким-то одному ему ведомым приметам Кудзи опознал в одной из застывших фигур Сарагова, спешился и уверенно

подошел к нему. До Петровского долетали обрывки фраз на незнакомом языке. Даже если бы он был среди говоривших, то все равно ничего бы не понял, потому как на обычную человеческую речь в понимании Эдуарда Адамовича этот набор гортанных звуков походил очень мало.

Через пару минут проводник подпоручика вернулся. Коротко попрощавшись, растворился в темноте. Под цоканье копыт удаляющейся лошади Кудзи Петровский даже не заметил, как Сарагов оказался рядом с ним. Он вздрогнул от неожиданности, когда над ухом проскрежетал надтреснутый голос:

— Едэм!

* * *

Остаток поездки прошел в полном молчании.

Габо Сарагов держался чуть позади, и разглядеть его в темноте было невозможно. Третий участник молчаливой кавалькады, чья спина маячила перед офицером, был юноша, скорее, даже мальчик. Несмотря на молодость, наездником он был отличным. Петровский не переставал удивляться, как тому удается находить дорогу в полнейшей темноте, среди густых зарослей кустарника и небольших деревьев. Удивление только возросло, когда тропинка стала каменистой и всадники с лесистой равнины перешли в предгорья. Камни с глухим стуком летели вниз в невидимые ущелья, откуда доносился монотонный рокот бегущей воды. Пару раз лошади оступались, и Петровский судорожно хватался за поводья. К счастью, вояж в прямом смысле по краю пропасти был непродолжительным — вскоре они подъехали к пещере и разбили лагерь.

* * *

Петровский поплотнее запахнул бурку. Его сознание замерло на границе между сном и явью. Он давно уже заснул бы, если б не Сарагов. Вернее, не он, а его лицо.

Когда Эдуард Адамович впервые увидел это лицо уже здесь, в лагере, то с огромным трудом удержался от возгласа. Ему показалось, что Габо считал его реакцию, и от этого подпоручику сделалось вдвойне не по себе.

Лицо Сарагова пересекал ужасный шрам. Верхний конец рубца уходил под старую вытертую папаху, нижний терялся в густой

седой бороде. Правый глаз был полузакрыт и непонятно как оставался зрячим. Нос был разрублен страшным ударом, его кончик свисал, придавая носу загнутый вид, как у каноничного колдуна из жуткой восточной сказки. Удар задел и край губ, удлинив таким образом линию рта, которая будто застыла в вечной зловещей ухмылке.

И теперь, когда на эту воистину дьявольскую маску падали отблески угасающего пламени, сон то и дело слетал с Эдуарда Адамовича. Мечь Дагиевым, к которой он так стремился, такая понятная и желанная, при каждом взгляде на Сарагова приобретала вдруг какие-то страшные, хотя и неведомые штрихи. Как те отсветы костра, которые обагряли лицо хинганага...

Колдуна!

Это слово, так явно прозвучавшее в голове у Петровского, было последним, что он запомнил перед тем, как провалиться в темную пучину сна.

* * *

Пробуждение оказалось страшным. Собственно, это и пробуждением не назовешь. Скорее, Петровский очнулся от забытья. Положение, в котором он оказался, было просто отчаянным. Подпоручик сидел в седле, притороченный к задней луке и связанный по рукам. Лошадь под ним шла спокойно, поводья ее держал юноша, ехавший чуть впереди. Рот Петровского был заткнут кляпом в виде какой-то вонючей тряпки. Голова нещадно болела, и каждый шаг лошади отдавался тупой ноющей болью. «Сволочь, предатель, Иу-у-уда-а-а!» — мысли в голове Петровского мешались и насакивали одна на другую. Они крутились в диком танце злобы, ненависти, разочарования, разбитых надежд и мести. «Вырваться, убить, разорвать, убить... Предатель, скотина, *psia krew!*...» Эдуард Адамович вился ужом в путах, рычал и хрипел, и даже удары плетью из-за спины не останавливали его. Только слезы — от боли.

А потом пришла молитва. «Ойче наш...»

«Ojcie nasz, ktorys jest w niebie, swiec sie imie Twoje, przyjdź Królestwo Twoje, bądź woła Twoja, jako w niebie, tak i na ziemi. Chleba naszego powszedniego daj nam dzisiaj i odpusc nam nasze winy, jako i my odpuszczamy naszym winowajcom. I nie wodz nas na pokuszenie, ale nas zbaw od zlego. Amen».

Она как будто вырвала Эдуарда Адамовича из страшной реальности. Молитва переместила в далекое счастливое детство.

В те времена, когда с ее помощью разрешались все еще мгновение назад казавшиеся неразрешимыми «великие» детские напасти. Он уже давно перестал не то что говорить, но даже думать по-польски. Теперь же позабытые родные слова помогали ему сохранить остатки разума. Подпоручик закрыл глаза. Действительность сменилась если не трансом, то забытьем. «Ойче наш...» — он истово, раз за разом повторял молитву и постепенно смог взять себя в руки. «Ойче наш...» Но если ярость отступила, то темнота отчаянья, наоборот, стала еще гуще. Казалось, ничто теперь ее не развеет. Молитвенный экстаз растворился бесследно в черном вязком океане безнадежности.

Петровский все еще продолжал внутреннюю борьбу. Лошади между тем выехали с чуть заметной тропинки на довольно широкую, по горским меркам, дорогу. Через некоторое время из-за очередного поворота совершенно неожиданно показалось небольшое укрепление, полностью перекрывавшее дальнейший путь.

Небольшая крепостца была построена в совершенно нетипичной для Осетии, да и вообще для Кавказа, европейской манере. Генуэзские ворота, или Чъырамад, стояли на пути. Не обойти не объехать. Слева — отвесная стена, справа — глубокая пропасть.

Завидев всадников, из-за стены показался молодой горец в мохнатой папахе, вооруженный длинным кремневым ружьем кавказского образца. Он настороженно вглядывался в пришельцев. Правда, как только молодой спутник Габо подъехал ближе, лицо стражника потеряло серьезный вид. Он протиснулся между рядом натянутых цепей, висящих в арке. Широко улыбаясь, подошел к всаднику. Тот в свою очередь легко и быстро спрыгнул с лошади и бросился стражнику навстречу.

— *Шалам-шалам.*

Молодые люди обнялись, но тут дагомец бросил взгляд на Эдуарда Адамовича и Сарагова. Он будто вспомнил о своих обязанностях и принял ответственный вид. Цепким взглядом таможенника юноша оглядел их. Потом снова заговорил с товарищем. На этот раз уже деловито и сосредоточенно. После краткого разговора спутник Габо подошел к Сарагову и стал что-то негромко ему объяснять.

— *Хорж,* — коротко проронил угрюмый старик, достав из-за пазухи то ли сверток, то ли кошель. Порылся в нем и передал юноше несколько монет.

Тот вместе с охранником легко проскользнул под цепи. Через минуту уже вернулся назад.

Из полупещеры, которая была за аркой, показалось еще несколько стражников, дурно одетых, но хорошо вооруженных. Они споро стали снимать цепи, гремя огромными ключами на связке и лязгая плохо смазанными замками. Довольно быстро дорога стала свободной. Копыта коней зацокали под стрельчатыми воротами.

Удивляясь себе, Эдуард Адамович с неподдельным интересом рассматривал необычное для здешних мест сооружение. Из-за формы арки оно было больше похоже на средневековую европейскую заставу, чем на ворота Цахилта, названные так по фамилии, которая их охраняла. Только звон цепей, загремевших за его спиной, вернул его к тяжелой реальности.казалось, будто эти цепи окончательно закрыли ему путь назад, к обычной жизни, отрезая его от прошлого, от всего, что было так дорого и любимо.

* * *

Они ехали правым берегом Ардона, который басовито бился в своем русле сажнях в тридцати под ними. Со стороны гор весь склон покрывал невысокий, но очень густой смешанный лес. Правда, где-то через версту он неожиданно закончился, и дорога вышла на открытое пространство. Если бы не заткнутый рот и другие обстоятельства, Эдуард Адамович вряд ли удержался бы от возгласа восхищения. Такой захватывающий дух картины он не видел за все время пребывания в Кавказской армии.

В этом месте горы расступались, освобождая место людям, лугам и сосновым лесам. При этом сами они замерли в стороне, окружая котловину с трех сторон высокой и неприступной стеной. С четвертой стороны ее защищал глубокий каньон, на дне которого стремительно нес свои воды буйный Ардон.

Эта удивительная красота, заставившая затрепетать сердце связанного пленника, совершенно не тронула его охранников. Они даже не подняли головы, когда выехали из сумрака лесной дороги на залитый солнцем горный простор. Зато когда впереди показались башни селения, Сарагов резко выскочил из-за спины

Петровского. Он отодвинул молодого наездника в сторону и увлек путников с дороги. Они спустились в заросший густой высокой травой лог и медленно двинулись вперед по его руслу. Теперь колдун ехал впереди, а юноша с Петровским замыкали строй. Потом лошади выбрались из лога и некоторое время ехали вдоль небольшой скалистой гряды. Затем снова нырнули в очередную низину. Было очевидно, что вожак небольшой *партии* не хочет привлекать лишнего внимания и для этого объезжает аулы, густо разбросанные по котловине.

Они сделали остановку только раз. Поднявшись на очередную горку, Сарагов, вместо того чтобы направить лошадь вниз, выехал на самый гребень и замер неподвижно. Он махнул рукой, и оба его спутника через мгновение встали рядом с ним. Прямо под ними, на расстоянии примерно одной версты, широко раскинулся по окрестным холмам аул. Десятки боевых башен, воткнутых на скалистых вершинах, взметнулись на пять, шесть и даже семь ярусов вверх. Плоские крыши *галуанов*, расположившихся на более пологих склонах, занимали огромные пространства. Местами они были связаны между собой перекидными мостиками, и от этого аул выглядел настоящим городом. Справа от поселка находился сосновый лес с необычно прямыми для гор деревьями, а на большой поляне у самой его кромки был выложен каменный круг, около которого толпилось несколько групп людей. Над всем этим, охватывая котловину руками отрогов, закрыв ее от врагов и невзгод, блестела в лучах солнца полукруглая горная гряда. Настоящий рай в сердце диких и жестоких гор.

В молчании они простояли некоторое время. Наваждение рассеялось, когда Сарагов, обернувшись к Эдуарду Адамовичу, выдавил:

— Даго-ом.

Это было произнесено с таким чувством, с такой ненавистью, что Петровскому в очередной раз стало жутко от присутствия этого человека.

Не говоря больше ни слова, Габо стеганул коня, и они спустились в очередной лог.

Долго красться не пришлось. Вскоре они выехали на новую дорогу. Недалеко от Дагома был другой аул, который и оказался конечной целью путешествия. Он был гораздо меньше Дагома и по размеру, и по количеству башен. Только огромный *машиг* на высокой скале мог хоть как-то соперничать с дагомским. Остальные строения были значительно ниже и в очень запущенном состоянии.

Проехав по краю аула, Сарагов подвел их к огороженному невысоким каменным забором отселку. Не успел он остановиться, как из-за калитки выскочил мальчик и, придерживая повод и стремя, помог ему сойти с коня. Стражник Петровского тоже спешился и завел лошадей во двор. Габо там уже не было, зато около широкой стены низкой башни стояла группа мужчин, которая с любопытством смотрела на Петровского. Они довольно грубо стащили Эдуарда Петровича с лошади. Развязали ему путы и повели мимо хлева, который занимал первый этаж жилища, мимо ветхой кунацкой в дальний угол участка. Эдуарда Петровича столкнули в неглубокую тесную яму, опустили над ним крышку из толстых жердей и придавили сверху тяжелым камнем, им же задавив и последние надежды пленника.

«Вот и все... — единственное, что пришло в голову Петровскому. — Конец всему». С этой мыслью подпоручик опустил грязную солому, и слеза отчаянья покатила по его щеке.

Остаток дня прошел в мучительных переживаниях. Только *кумган* с холодной водой, черствый чурек да вонючий козий сыр, спущенный кем-то невидимым, ненадолго отвлекли Эдуарда Адамовича от мрачных мыслей. Под вечер стало довольно холодно, но измученный бесконечным днем пленник впал в томительную полудрему. Он очнулся в первых сумерках от шума. Темнело, и тем необычайней для столь позднего часа были звуки негромких разговоров, каких-то сборов, приглушенное позвякивание сбруи и глухой топот копыт по голой земле.

Потом все стихло. Удивленный Петровский еще некоторое время прислушивался и, когда уже совсем отчаялся уловить хоть какие-нибудь звуки, вдруг понял, что кто-то отодвигает камень над крышкой. Следом отползла и сама крышка, а на фоне сумеречного неба появился черный контур фигуры Сарагова.

Он молча опустил в яму длинное бревно с вырубленными на нем ступеньками и, выдержав паузу, сказал:

— Пошли давай.

Петровский не пошевелился.

— Давай пошли! — повторил Сарагов уже раздраженно и отошел от ямы, чтобы дать понять пленнику, что тому нечего опасаться.

Подпоручик нерешительно поднялся по ступенькам и остановился у края ямы.

Кругом было пусто и безлюдно. Скотина стояла в хлеву, где-то брехала собака, но людей совсем не было. Разбросанные тут и там

вещи, обрывки тряпок, втопанных копытами лошадей в землю, брошенная посуда, перевернутая кадка — сразу было видно, что хозяева собирались второпях. Холодная луна и надвигающиеся сумерки усугубляли и без того тоскливое зрелище.

— Пошли! — в третий раз велел Сарагов и двинулся к распахнутой настежь калитке.

— Подожди! Что все это значит? Куда мы? Что здесь вообще происходит? — Слова, скованные двухдневным молчанием, выплеснулись наконец из Эдуарда Адамовича. Все его душевные терзания, муки и молитвы требовали ответа. Немедленно! Сейчас же! — Я никуда не пойду, пока ты не ответишь!

Сарагов смерил его тяжелым взглядом и негромко спросил:

— Хочэш смэрт Дагиатты? Хочэш?

Эдуард Адамович обмер. Несмотря на то что он неотступно думал об этом почти каждую минуту, прямой вопрос, прозвучавший из уст этого страшного человека, ввел подпоручика в ступор.

Но Сарагов, по-своему расценив это молчание, отвернулся и двинулся прочь. Уже удалившись, он бросил через плечо:

— Иди. По дороге говорим. Пора. Поздно будет!

Повинуясь его голосу, Эдуард Адамович как замороженный пошел следом.

* * *

Ганах стоял на самом краю аула. Они спокойно, не привлекая внимания людей и, главное, многочисленных сторожевых псов, вышли на дорогу. Вскороности путники оказались на окраине соснового леса, который поднимался дальше вверх по склону горы. Старик быстро нашел небольшую тропку, и они вместе вошли под сень деревьев. Идти по лесу стало труднее, но Сарагов ступал уверенно и довольно быстро. Эдуарду Адамовичу оставалось только внимательно смотреть под ноги и беречь дыхание. Даже мысли, роившиеся в его голове, немного отступили. Ослабленный пленом и переживаниями последних дней, подпоручик еле успевал за равномерно и уверенно шагающим горцем. Дыхание давалось ему все труднее, воздух с хрипом вырывался из горящих огнем легких, пот застилал глаза.

Он чуть не налетел на широкую спину Сарагова, когда тот неожиданно остановился. Лес кончился. Они застыли на крутом отроге. В небе висела высокая луна, освещающая окрестности бледным неживым светом. Эдуард Адамович и его спутник стояли на небольшой раз-

вилке. Тропинка уходила правее, куда-то дальше вдоль леса. Небольшая, чуть заметная стежка тянулась выше в горы и терялась вдали. В том месте, где тропки расходились, лежала груда камней, выложенных в виде подобия столика и скамеек. Чуть поодаль, из небольшой каменной кучи, торчал высокий, чуть наклоненный шест с надетым на навершие козлиным черепом. Сарагов подошел к нему. Посмотрел куда-то вверх, в сторону заросшей пожухлой травой давно нехоженой тропинки. Затем вернулся, тяжело и неуклюже присел на неудобную каменную скамью и сказал:

— Садыс, нужно ждат. Тэпэр ест врэмья. Слюшай.

* * *

— Я родился Дагом. Мой фамилия был нэ сильный, но отэц был сильный! Всэ эво уважай. Он был большой джигит. Урус, кабарда, дыгурон — всэ эво боятсся. Но болшэ всэх боятсся Дагиатты. Они злой, хитрый был. Сильный фамилия, большой, но мой отэц боятсся. Отэц, сказали, шакал, прэдатэл, враг. Дэнэг сунули, урус рубл. Дагом продал, сказал. Суд был. Отэц смэрт. Собачия смэрт. Бросил собачия скала. Мать, братя, сестры — всэх из Дагома. Дом ломат. Нас гнат. Но Дагиатты мало было отэц позор и убит. Он нас засада дэлат. Взят всэх, убил. Мэня убил, мат убил. Сэстёр к сэбэ взял. *Номылу*с дэлат. Позор дэлат. Я умэр уже почти. Но Калайты шел охота. Увидэл — мертвый всэ, но я живой был чут-чут. Пожалэл и взял домой. Я плохо был, но нэ умэр. Потом здоровый был. Калайты спас, но Дагиатты боялся силно. Отвез меня Рух. За пэрэвал. Жит стал, тяжэло жит. Много ходил, много был. Был в Моздок, в Грозный, даже Тифлис был. Урус язык знал. Много знал. Трав искал, старых слюшал. Хинганаг стал. Старый *дзуарлаг* меня учйт. Я много дэл дэлат. Людэй лэчил, людэй убивал. Много убивал. Думал Дагиатты убит. Дагом мстит. Всэх, кто судил отца, убил, что молчал. А потом ты узнал. Дасо говорил, Дагиатты искал, ты мстит. Тэпэр скоро. Отомстим. Всэм! Дагиатты, Дагом всэм! Страшный смерт. Колдун дэлат будэм. Всэ Дагом говорит, всэ боятсся! Как умэр всэ!..

Эдуард Адамович слушал, затаив дыхание.

Эти рубленные фразы, этот жуткий скрежещущий голос. Это страшное лицо, поистине дьявольски оттененное неверным лунным светом. Эти слова, падающие тяжелыми свинцовыми каплями из ужасных разрубленных шашкой губ. Эти проклятия, обещающие смерть десяткам, если не сотням людей. Слышать и видеть все это было выше человеческих сил...

Не отдавая себе отчета, подпоручик резко встал с каменного сиденья. Из его рта уже готовы были вырваться слова, останавливающие этого безумца и человеконенавистника...

Когда неожиданно под грубым сукном бешмета звякнула цепочка.

Медальон.

Эдуард Адамович разорвал ворот рубахи и вытащил на свет луны такой же серебристый, как она сама, овал. Судорожно сжимая медальон, он вперил невидящий взгляд в несуществующий портрет. И хотя вместо образа прекрасной Ядвиги здесь были только грубые царапины, она как живая встала перед его глазами. Яся, Ясенька... И он, такой родной, но так и не родившийся. Его сын! Его, Эдуарда Адамовича Петровского. Сын, которого он так хотел, но которого так и не увидел.

Черная волна нахлынула, окатила Петровского и потащила за собой. В жуткое безумие Сарагова.

* * *

Они медленно продвигались практически по гребню склона. По тропе давно не ходили. Часто из-под ног падали мелкие камни, а подошвы чукчак скользили в сторону пропасти. Далеко внизу мерцали редкие огоньки разбросанных по долине аулов. Эдуард Адамович уже знал, что ближайшая, самая большая россыпь и есть Дагом. Несколько минут ранее Сарагов на мгновение застыл на тропе и с ненавистью снова выплюнул вниз это слово.

Долгое время Петровский не понимал, куда и зачем они идут. Потом вдалеке забелела в неверном лунном свете небольшая постройка. Она прилепилась на вершине горы, на самом краю обрыва. Крытая «черепицей» из плоских сланцевых плит, сложенная из рваного дикого камня, кое-где скрепленного между собой глиной. Эдуард Адамович никогда не видел в горах похожих строений. Когда они подошли к домику ближе, увиденное удивило его еще больше. С тыльной стороны, под небольшим навесом, лежали груды бараньих, оленьих и турьих черепов, смотря сотнями пустых глазниц на незваных пришельцев.

Среди офицеров было много разговоров о местах поклонения местных горцев, но мало кто мог похвастаться тем, что видел их вживую. Все обитавшие неподалеку от крепости племена — тагаурцы, уалагирцы, джейраховцы — тщательно оберегали свои свя-

тыни от чужаков. И вот теперь Эдуард Адамович стоял на пороге одной из них.

Немного придя в себя после изнурительного подъема, Петровский огляделся с неожиданным для самого себя интересом. Только сейчас он обратил внимание, что это место было давно заброшено. Всюду были не замеченные им ранее следы запустения. Глубокие трещины черными ранами зияли на замшелых стенах. Навес давно покосился и кое-где протекал. Несколько черепов вывалились из общей кучи и лежали в самых разных местах, то и дело попадая под ноги. Древние кости ломались с неприятным хрустом, крошась на мелкие кусочки. Как ни старался Эдуард Адамович смотреть под ноги, не наступать на них, все тщетно.

А вот Сарагову, казалось, не было никакого дела до костей и черепов. Он зажег небольшую масляную лампу, которую принес с собой. При ее тусклом свете попытался открыть старую заклинившую дверь. Не сразу, но ему это удалось. Дверное полотно со скрежетом отошло в сторону. На мгновение Петровскому показалось, что его накрыла волна тяжелого, затхлого, какого-то могильного воздуха. Он ясно вспомнил, что именно так пахло в старом склепе на фарном кладбище в Гродно, куда он залез как-то раз в далеком детстве. И хотя это событие произошло в его собственной жизни, теперь казалось, что оно было с кем угодно, только не с ним.

Сарагов подпер дверь небольшим камнем и замер на пороге. Стоял долго. Наконец резким движением сорвал с себя папаху и сделал шаг вперед. Могильная темнота поглотила его, наступила тишина. Эдуард Адамович стоял, не решаясь сделать ни единого шага.

За дверями святилища загорелся маленький огонек, потом еще один, и раздалось то ли монотонное пение, то ли молитва, то ли заклинание. Ритм речитатива то нарастал, то замедлялся, но постоянно рефреном звучало:

— *Рыныбардуаг... Рыныбардуаг... Рыныбардуаг...*

Петровскому начало казаться, что тьма собирается изо всех самых потаенных мест. Она сгущалась возле святилища. Стало холодно и жутко. Эдуарду Адамовичу, боевому офицеру, пережившему не одно дело — казематы, смертный приговор, каторгу, — впервые стало по-настоящему страшно. Так страшно, что, казалось, кровь застыла в жилах. Страшно от одного этого проникающего в самую душу имени — Рыныбардуаг.

Петровского вдруг потянуло внутрь святилища, к огонькам, к свету, прочь от этой тьмы и ее ужаса. И он сам пошел туда, где под низкими сводами гремело и перекатывалось:

— Рыныбардуаг... Рыныбардуаг... Рыныбардуаг... *Рын уа адавад*, Дагиатта, рын да адавад, Дагом... Рыныбардуаг... Рыныбардуаг... Рыныбардуаг...

Петровский сделал шаг через порог и замер. На какое-то мгновение ему показалось, что в небольшой комнатке никого нет. Огонь двух светильников, коптя и помигивая, чуть-чуть разгонял тьму, которая царила здесь так же, как и снаружи. «Рыныбардуаг» ревело отовсюду, отражаясь от древних закопченных стен. И только когда пламя вдруг нервно качнулось, подпоручик почувствовал движение за своей спиной. Он даже не успел среагировать, когда стальные клешни сжали его. Одна «струбцина» крепко прижала к телу обе руки офицера. Вторая, давя мощными мышцами и царапая грубым сукном бешмета, перехватила горло. Подпоручик буквально забился в жестких объятиях, а его сердце затрепетало в груди пойманной в силки птичкой.

Подавленный и замороженный предыдущими песнопениями, он никак не мог прийти в себя, только чувствовал, как недостаток воздуха начинает туманить голову. Он почти оставил попытки сопротивления, и даже мысли о несовершенной мести, о милой и бесконечно далекой Ядвиге не смогли вызвать новую вспышку борьбы. Ощущение реальности стало пропадать, и ему даже показалось, что он шепчет ее имя, хотя из его накрепко пережатого горла вырывалось только хриплое и уже ослабевающее дыхание. Мир вокруг стал черно-белым, и неровные, грубо отесанные камни, которые до этого плясали перед глазами Эдуарда Адамовича, стали расплываться и терять очертания. В ушах появился свист, в котором вначале совсем тихо и неуловимо, но потом все громче и отчетливее зазвучало:

— Рыныбардуаг!.. Рыныбардуаг!.. Рыныбардуаг!..

Рефрен нарастал, звучал все громче и громче, грозным рыком ударяя прямо в голову, взламывая изнутри черепную коробку несчастного поляка. Но, видимо, просто задушить жертву не входило в планы коварного колдуна. Находясь уже где-то на пороге потери сознания, Эдуард Адамович вдруг почувствовал, что стальная хватка Сарагова ослабла.

Сарагов резко развернул Петровского. Тот отпрянул. Согнулся, пытаясь восстановить дыхание. Колдун подхватил его за плечи, сильно встряхнул и поставил прямо перед собой. Глаза в глаза.

Огни светильников отражались в зрачках горца. Петровскому показалось, что в них ярким пламенем горело настоящее безумие.

Рука Сарагова метнулась к поясу. Он резко рванул висевший там кинжал. Но большой, похожий на меч *хъама*, никак не желал выходить из простых, ничем не украшенных черных ножен. Эдуард Адамович в ужасе отпрянул от колдуна, но тот успел ухватить его за ворот бешмета. Стальной клинок с легким шипением вышел наружу. Как ядовитая змея, готовая нанести смертельный удар. Петровский приготовился к смерти.

— Давай... бэй... — Сарагов развернул кинжал и протянул его рукоятью к Петровскому.

От неожиданности Эдуард Адамович не сразу сообразил, что от него хочет колдун. Он инстинктивно оттолкнул оружие от себя.

— Бэй... — повторил Сарагов. — Убэй меня...

— Ты что, ополоумел?!

— Жертва. Я молитва дэла. Рыныбардуаг ждат! Чума бэри Дагом. Я... я умэрэт. Дагом тоже умэрэт... Убэй!

— Как это... как?

— Нэлзя ждат. Давай бэй!

— Нет, нет... так не должно быть... — Петровский заморгал растерянно. Бред, розыгрыш, какой-то безумный дикий водевиль.

Но когда он заглянул в огненные колодцы, пылавшие в темных зрачках стоявшего перед ним осетина, то понял, что Сарагов не шутит. И тогда ему стало по-настоящему страшно. Да, ему приходилось убивать людей. На войне и один раз на дуэли, еще безусым юношей в школе прапорщиков. Но вот так... как жертву... зарезать... в каком-то ужасном ритуале. Нет. Нет!..

Петровский рванулся изо всех сил. Ткань бешмета затрещала. Не ожидавший такой прыти Сарагов чуть ослабил руку, и Петровский сумел освободиться. Он бросился к двери, проскользнул в открытой проем и вывалился наружу. Где-то далеко внизу горел редкими огнями Дагом. На секунду Петровский замер на небольшой скальной площадке, соображая, что делать. Этой заминки оказалось достаточно, чтобы Сарагов настиг его.

— Люди-и! — только и успел крикнуть Петровский.

Крик эхом отскочил от невидимых в темноте вершин. Сарагов схватил его со спины. Дыхания не стало, зажатый в груди воздух закипал. Поляк отчаянно забился, пытаясь вырваться. В какой-то момент хватка ослабла. Глоток морозного воздуха ворвался в раскаленные от нестерпимого жара легкие офицера. Тяжелый надсадный кашель попытался вырваться из них наружу, но застрял

в горле, перехваченный рукой горца. Но сил одной руки было недостаточно, чтобы продолжать безжалостно душить подпоручика.

— Лю-ю-ю... ди-и-и-и...

Петровский хрипел. Сарагову не удавалось сбить его с ног. Он душил подпоручика одной рукой, сжимая в другой смертоносное оружие. Петровский уже не кричал, а только хрипел. Но неожиданно внутри себя он ощутил какой-то злой, дерзкий задор. А может, заработали древние, чуть припудренные цивилизацией первобытные инстинкты выживания. Подпоручик резко присел, вернулся из медвежьих объятий и упал на каменистую, перемешанную с землей и остатками костей почву. Стал подниматься с колен, и тут его тело пронзила адская боль, молнией ударившая сзади. Кинжал Сарагова прочертил кровавую полосу по спине офицера.

Стараясь не обращать внимания на рану, ни секунды не медля, Эдуард Адамович вскочил на ноги и бросился к колдуну. Его рывок был для противника полной неожиданностью. Сарагов изогнулся в попытке зацепить офицера кинжалом, но не сумел удержать равновесие. Отчаянное стремление достать врага развернуло его на месте, ноги переплелись, и, падая, он даже не успел прикрыть свободной рукой голову. Именно поэтому удар головой о стену святилища был ошеломляюще силен. Кровь из рваной раны на лбу мгновенно залила изгнаннику глаза. Когда он смахнул ее рукавом и попытался подняться, прямо перед ним оказалось обескровленное, мертвецки бледное лицо *уырыссага*. Не успел Сарагов опомниться, как Петровский схватил его голову обеими руками и со всей оставшейся у него силы ударил о стену. И еще раз. И еще. Раздался глухой звук ломающейся кости, но это не остановило раненого поляка — он продолжал вбивать голову врага в камень, вцепившись в нее окровавленными пальцами.

* * *

Тяжело дышащий Петровский стоял, опершись рукой о стену святилища. Рядом, прислонившись спиной к залитой кровью стене, лежал его неудачливый убийца. Или жертва, кто теперь разберет...

Сарагов все-таки успел еще раз ударить подпоручика кинжалом, правда, нетвердой, слабеющей рукой. Странное дело — боли

не было вовсе. Петровский ощущал только, как понемногу холодеют конечности, несмотря на теплоту, разливающуюся по спине и боку. Он не мог оценить тяжесть ранения, да и не захотел этого делать, когда увидел, как быстро темнеет бешмет спереди. Злая радость борьбы покинула его. Апатия уже набросила на плечи свое плотное безрадостное покрывало.

Он с трудом заставил себя оторваться от стены. Сделал пару шагов по направлению к тропе, по которой совсем недавно поднимался с колдуном.

Внизу, как и прежде, светились слабенькие огоньки Дагома. Но если пару часов назад они как будто замерли в ожидании грядущих событий, то теперь большая их часть хаотично перемещалась. Они кружились, сталкивались, расходились в разные стороны, как искры от ярко горевшего в ночи костра. Или, скорее, как светлячки, радостно кружащие около смертельного для них пламени.

«Факелы... люди... Дагом... Яся...»

Мысли, подобно отяжелевшей от крови одежде, давили на Петровского. Он осел на землю, качнулся назад, чуть не упав на спину, с трудом удерживая равновесие. Часть огоньков внизу вытянулась в цепочку и заскользила в темноте, изгибаясь огненной змейкой. Потом огоньки застыли, будто змейка свернулась в клубок и затаилась в нерешительности.

«Услышали. Чертовы дагомцы, услышали...» — мысленная ушмешка тронула неподвижные посеревшие губы Петровского.

Он явственно представил, как на рассвете, в утреннем тумане — отчего-то казалось, что будет именно туман — змейка снова оживет и неслышно заскользит вверх по склону.

«А я... Буду ли я жив к этому времени?..» — мысль о смерти совершенно не тронула Эдуарда Адамовича. Вернее, сначала не тронула. Он совершенно равнодушно прошел мимо факта своего грядущего небытия. Потом задумался, размышляя об одном из непрременных атрибутов переправы в лучший из миров. Особенно здесь, в горах Кавказа. Мысль подпоручика, как человека военного, была об оружии. Вернее, о его отсутствии. Кинжал Сарагова остался лежать перед святилищем, там, где выпал из ослабевшей руки. Еще раз глянув на количество огней внизу, бывалый офицер, конечно, не тешил себя иллюзиями о будущем, но холодная сталь, зажатая в руке, сразу перевела бы его из разряда беззащитной жертвы в ранг противника.

«Если доживу...» — с каким-то равнодушным спокойствием подумал Петровский, будто речь шла совсем не о нем. А потом

даже не мысль, а горькое и острое осознание пришло к нему: «Какая разница! Да я и не живу уже! Я ведь умер тогда, когда переступил порог кабинета Скворцова. Я мертвый давно...»

Он попытался подняться, но вдруг, словно что-то вспомнив, остановился. Нервно сунул руку за ворот одежды и аккуратно извлек поврежденный медальон. Ему безудержно захотелось еще раз взглянуть в любимые глаза, прикоснуться к гладким щекам, провести пальцем по нежным губам, вдохнуть аромат духов, зарыться лицом в щекочущие кудрявые локоны. Он медленно, точно в ожидании чуда, приоткрыл металлическую крышечку и...

Чуда не произошло.

Пустую, не успевшую потемнеть поверхность пересекали царапины от ножа или кинжала. Портрета, естественно, не было. Петровский с неожиданной злостью резко и решительно захлопнул крышку. Он чуть помедлил, собираясь с силами, и подтянул под себя ноги. Попытался встать, но не смог. Горлом пошла кровь. Теплым ручейком она побежала по груди Петровского, пропитывая ткань рубахи и бешмета. С каждым ее толчком силы покидали его, и последнее, что он смог сделать, это стиснуть в руке твердый металлический овал.

Петровский уже не видел, как за его спиной похожий на демона преисподней с трудом поднялся Сарагов.

Хинганг стоял, залитый своей и чужой кровью, сжимая в руке окровавленный кинжал. Пошатываясь, он подошел к Петровскому. Поддавшись неясному порыву, Сарагов нагнулся и с трудом разжал стиснутые пальцы мертвого. Вытащил окровавленный медальон. Развернулся. Не выпуская из рук еще теплый металл, спотыкаясь, заковылял к святилищу. Уже внутри он открыл тугие створки непослушными пальцами и поднес медальон к глазам. Колдун пристально посмотрел в пустые овалы, как будто пытаясь что-то разглядеть в них, несмотря на крошечную темноту, царящую под каменными сводами. Он даже протер поверхность заскорузлыми пальцами, размазывая по ним кровь, придавая ей очертания причудливых узоров.

Никто не знает, что творилось в этот момент в черной душе Сарагова. Лелеянная годами месть — цель всей его жизни так и не свершилась. Мертвый поляк лежал снаружи и не мог помочь колдуну принести жертву. Внизу суетились предупрежденные им дагомцы... А нужна ли она вообще, его жертва? Сомнение, давным-давно загнанное железной волей глубоко, в самые потаенные уголки его естества, вдруг зашевелилось. Оно стало раз-

растаться, шириться, пока волной холодного отрезвления не хлынуло в его сознание. В этом потоке замелькало все то хорошее, светлое и радостное, что случилось в его жизни. Память о давно забытых ласковых и мягких руках матери... Полный гордости взгляд отца, когда тот вернулся с первого успешного *балца*... Его первое любовное волнение, когда под веселое журчание реки он, будучи еще безусым юнцом, высматривал понравившуюся ему девушку из соседнего Урсдона... Даже сладкий аромат кизяка, который он так любил вдохнуть полной грудью, входя с морозного зимнего воздуха под низкий, закопченный свод родного дома...

Все человеческое, что осталось в нем, ужаснулось тому невообразимому святотатству, которое он собирался совершить. И тут же появился страх. А что, если тот, кому он предназначил жертву, тот, чье имя еще мгновение назад грозным рокотом грохотало под старыми стенами, тот, чей гнев безжалостно выкашивал целые аулы, заставляя заболевших идти в обитель мертвых, заживо погребая себя в *заппадах*... что, если великий Рыныбардуаг, повелитель моров и поветрий, уже услышал его?!

И тут в душе крепкого, точно вырубленного из камня старика пробежала трещинка. Как он мог в своем диком ослеплении зайти так далеко?

Замыслить такое в святилище, под своды которого его предки осмеливались входить только босыми ногами, боясь осквернить священное место? В святилище, в сторону которого он в детстве даже боялся лишний раз посмотреть из трепетного уважения, почтения и страха к той могущественной и грозной силе, которая таилась там... Все, к чему он шел столько лет, вдруг стало неважным. Пелена, закрывавшая глаза его души, начала спадать. Все еще сжимая медальон Петровского, он, как неожиданно обретший зрение, бродил потерянными глазами по камням святилища.

И тут он почувствовал, что некто ужасный даже для него, хинганага, возник где-то совсем рядом с ним. Вернее, не рядом, а как будто в нем самом, внутри. Он даже почувствовал, как это нечто вползло в него — откуда-то из чернильной темноты *дзуара*. Сопротивляться было невозможно, и это чужое вселилось в голову несчастной жертвы дикой нестерпимой болью, выжигая адским пламенем все мысли, воспоминания, желания и чувства.

Ужас охватил Сарагова. Как он мог из мести задумать такое?! Нужно было что-то делать. Как-то исправить, если еще возможно. Избегнуть непоправимого.

Кинжал выпал из ослабевших рук, его голова кружилась, накатывала тошнота, сознание путалось. Неясный шум в ушах стал принимать очертания, нарастать от тихого, чуть уловимого звука до гремящего барабанного грохота:

— Рыныбардуаг... Рыныбардуаг... Рыныбардуаг... РЫНЫБАРДУАГ... РЫНЫ-Ы-ЫБАРДУА-А-АГ...

Его губы зашептали чужие, непонятные слова, больше похожие на вороний клекот, чем на человеческую речь. Кто-то, заползший в голову колдуна, чуждый или, скорее, чужой всему живому, двигал холодные посиневшие губы.

Потом шепот смолк.

Чужая воля, двигая рукой Сарагова, накинула цепочку на покрытые толстым слоем пыли бычьи рога. Как символ жертвы. Резко, со звонким щелчком закрыла медальон. Это звук выстрелом громыхнул в голове хинганага — Рыныбардуаг все-таки пришел на его зов.

Он здесь.

Его нужно остановить!

Задобрить!

Искупить вину...

Сделав над собой невероятное усилие, Сарагов поднял валявшийся под ногами кинжал. Быстрым взглядом заприметил небольшую щель в полу, сунул туда рукоять. Примерился. Собрал остатки сил — и навалился всем телом на торчащий клинок. Холодное острие кольнуло сердце, и полный боли и отчаяния вопль «Рыныбардуа-а-а-аг!..» замер у Сарагова на губах.

Невидимая рука качнула медальон, и он маятником мотнулся на серебряной нити. В ночной тишине о стены святилища тонко и негромко отбилась первое «динь-динь-динь...»

* * *

В ту ночь в Дагоме мало кто спал. Никто из молодежи и старших, за исключением только самых глубоких стариков, не помнил, чтобы к святилищу Рыныбардуаг ходили люди. И хотя оно было построено предками дагомцев недалеко от Цамада сотни лет назад, жертвы грозному повелителю чумы не приносились уже давно. Времена опустошающих эпидемий ушли в прошлое, и люди перестали молиться страшному покровителю болезней.

А нынче там целую ночь горел свет.

Рано утром три самых уважаемых дагомца с непокрытой головой и на босу ногу отправились вверх по почти забытой тропе к дзуару. На плечах они несли жертвенного барана. Весь аул с нетерпением и страхом ждал их возвращения. Но они принесли новости, не оставляющие ни малейшей надежды. Ночью кто-то побывал в святом месте. И не просто побывал, а принес там страшную жертву. С ужасом рассказывали гонцы о трупах святотатцев, совершивших немыслимый грех и теперь лежащих на залитой кровью священной земле. Никогда прежде на всей осетинской земле, от Джейраха до Джау, от Ганиса до Джауджикау, никто не осмеливался на такое невероятное и казавшееся невозможным кощунство. Смелчаки, поднимавшиеся к святилищу, опознали в мертвецах двух всадников, приехавших днем раньше к Калаевым в Цамад. Заплетающимися языками поведали они сельчанам, что один мертвец страшен лицом как *уаиг*, а второй по виду похож на переодетого русского.

Толпа бросилась к Калаевым, но нашла лишь пустой двор. Недоенные коровы мычали в хлеву, собаки грызли цепи, но ни одного человека там не было — ни мужчины, ни женщины, ни старика, ни младенца. Из всей фамилии Калаевых в Цамаде не осталось никого, все скрылись. Как в воду канули, бросив свои дома и хозяйство.

И тогда отчаяние и ужас воцарились в Дагоме.

Но не таковы были дагомцы, чтобы сложа руки ждать гнева великого Рыныбардуага. На *ныхасе* среди молодежи был брошен жребий. Те, на кого он выпал, с песнями и невесть где найденными трещотками пошли по соседним аулам: в Унал, Цамад, Зинцар, доходя даже до Архона и Нузала. Протяжное обращение «О Рыныбардуаг! От тебя наши болезни и здоровье. Сохрани этот аул от твоего гнева, старые и молодые — твои гости...» несло по всем окрестным ущельям. Перед каждым новым аулом дагомская молодежь становилась кругом и затягивала мрачную мелодию. Потом они шли на площадь, становились в круг со всеми жителями селения и кружились в медленном танце под те же слова: «О Рыныбардуаг! От тебя наши болезни и здоровье. Сохрани этот аул от твоего гнева, старые и молодые — твои гости...» И так день и ночь, день и ночь в каждом ауле. Никто не хотел прогневать грозного повелителя болезней. Из каждого аула молодые дагомцы возвращались с целым стадом жертвенных быков, коров, баранов и коз.

После того как посланцы, или Божьи гости, вернулись в Дагом, с помощью жеребьевки выбрали самых лучших животных для

жертвы. Четыре дня пировал Дагом. Десятки новых рогатых голов разместились под поправленным навесом у вновь побеленных стен святилища. Остальной отданный соседями скот ждал своего часа, набирая вес на тучных лугах дагомцев, чтобы в назначенный день быть принесенным в жертву на милость Рыныбардуаг.

И казалось, отмолили страшную жертву, принесенную свято-татцами.

* * *

Медальон даже не заметили в первые грозные дни. Никто не придал значения маленькому кусочку металла, болтающемуся на серебряной цепочке и отбивающему о каменные стены тихое «динь-динь». Слова молитв и возгласы, обращенные к богам, заглушали эти негромкие звуки. Но когда закончились торжества во славу Рыныбардуага, один из Дагиевых, проезжая под святилищем, услышал тихий перезвон. Звук этот, казалось, выплывал из тишины, из шума ветра, из позвякивания сбруи, из громохания медной посуды, долетавшего из села. Отовсюду и из ниоткуда. Разбойник не придал этому значения, но скоро в Дагоме не осталось ни одного человека, который не слышал бы это нежное и чуть печальное «динь-динь». И было в нем нечто такое, что заставляло даже самых смелых и отчаянных спешно идти прочь.

«Динь-динь... динь-динь...» Ветер нежно касался цепочки, и кулон чуть слышно звенел. «Динь-динь...» Убаюкивающе и успокаивающе. Навеки.

«Динь-динь... динь-динь...»

Тонкие женские руки, потонувшие в грубых рабочих перчатках, мягко охватили медальон. Звон смолк. Молоденькая студентка географического факультета Ленинградского университета аккуратно повертела необычную вещицу и уже хотела привлечь внимание кого-то из старших сотрудников экспедиции. Но потом еще раз повернула округлый предмет, посмотрела на него внимательней, увидела чуть заметные петельки и, поддавшись чисто девичьему любопытству, начала осторожно открывать закисную крышечку. С первого раза не получилось, но после очередной попытки створки наконец раскрылись. Странно: в этот момент ей показалось, что она почувствовала на лице какое-то дуновение.

Легкий ветерок коснулся ее, прошел по покрасневшей от весеннего солнца щеке, будто погладил незримой рукой.

— Студенецкая! Жень, ну что там у тебя? — неожиданно раздался требовательный голос.

Девушка резко, с громким щелчком захлопнула медальон и поспешила вниз по лестнице, высоко подняв в руке находку.

«Динь...»

Медальон звякнул о цепочку и замолк. Навсегда.

Легенда записана А. Скачковым со слов жителя селения Дагом, 110-летнего старика Дзуу Цабиева, переведенных ему учителем дагомского сельского училища П. Агнаевым

Избалованные властью и почтением дагомцы жили развращенно и буйно. Средствами к существованию служили грабежи и разбойничество. В погоне за легкой наживой жители Дагома уходили на плоскость в Имеретию и даже в Кабарду. Эти разбои давали им возможность жить роскошно и беззаботно, не думая о завтрашнем дне, но они же и стали причиной падения Дагома.

Однажды семья Дагиевых, состоящая из семи братьев (двое из них славились как наиболее ловкие разбойники), отправились на плоскость в поисках добычи. За рекой Суадагом, около священной рощи Хетаг-кох, братья нашли тяжелый сундук, наглухо окованный железом. Вообразив, что в нем заключаются большие сокровища, братья привезли его домой. С дрожащими от нетерпения руками сломали они крышку сундука и нашли там страшный, обезображенный труп ребенка, умершего от чумы. В ужасе поспешили братья зарыть страшную находку, но было уже поздно — болезнь успела «выскочить из сундука». Сначала она похитила троих из семейства Дагиевых, а затем распространилась по всему аулу. Когда же они узнали причину, то решили принести Дагиевых в очистительную жертву перед Рыныбардуагом (ангелом смерти).

Все селение собралось на нихасе, каждый взял сколько мог соломы, сена и хвороста, затем двинулись они к дому Дагиевых, окружили его, заперли и сожгли всех братьев вместе с их семьями, скотом и хлебом (остатки пепелища указывают до сих пор). Но Рыныбардуаг не принял жертвы, и чума не прекращалась, а, напротив, все усиливалась.

Ужас обуял всех. Люди уходили под камни, рыли себе могилы, ложились в них, так как некому было хоронить, а больные боялись, что их трупы будут осквернены собаками. В это страшное время вымерло три четверти населения Дагома.

И особенно жутко оставшимся в живых было видеть, что чума совершенно не тронула селения, жители которых радовались несчастьям Дагома и старались воспользоваться этим. Дагомцы тогда поняли, что чума была наказанием, посланным свыше, за их развратную, жестокую жизнь, поняли и исправились, но было уже поздно. Вымерший Дагом обессилел и замер. От прежнего величия не осталось ничего. И только старые полуразрушенные башни одиноко чернеют на известковых скалах, как угрюмые памятники на могилах былой славы.

Газета «Терские ведомости».

1905 год. № 233

ПРИМЕЧАНИЯ

Honor (польск.) — достоинство, честь.

Джейраховцы — жители Джейрахского ущелья современной Ингушетии. Этническая принадлежность к осетинам или ингушам является предметом дискуссии.

Форштадт — поселение, находящееся вне крепостных стен.

Застава Чъырамад (*Известковая*) — комплекс укреплений около селения Биз, контролирующей древнюю дорогу Шахнад в Закавказье. Другое название — ворота Цахилта. Сохранилась каменная арка XVII века.

Хинганаг (осет. *хингәнæг*) — колдун.

Бешмет — верхняя одежда у кавказских народов.

Psia krew (польск.) — восклицание, выражающее негодование; досл. собака кровь.

Шалам-шалам (осет. *салам-салам*) — привет-привет.

Хорж (осет. *хорз*) — хоряшо.

Партия (устар.) — отряд.

Галуан (осет.) — укрепленный комплекс, состоящий из жилых и оборонительных построек.

Машиг (осет. *мæсыг*) — башня.

Кумган (осет. *хъуыгъан*) — кувшин для воды с узким горлом.

Ганах (осет. *гæнах*) — жилия башня.

Номылус (осет.) — побочная, неполноправная жена из низшего сословия.

Дзуарлаг (осет. дзуарылæг) — жрец, священнослужитель; *досл.* жрец дзуара (святилища).

Рыныбардуаг (осет.) — в осетинской мифологии повелитель болезней.

Рын уæ адавæд (осет.) — чтоб сгнули вы от болезни.

Хъама (осет.) — кинжал.

Уырыссаг (осет.) — русский.

Балц (осет.) — поход, военная экспедиция.

Заппадз (осет. зæппадз) — фамильный склеп.

Дзуар — божество; святилище.

Уаиз (осет. уæйыз) — великан, циклоп.

Ныхас (осет.) — место собраний; *досл.* речь, разговор.

ПЕРСОНАЛИИ

Петровский Эдуард Адамович — из дворян Гродненской губернии, декабрист, с 1827 года служил на Кавказе.

Гангелов Александр Семенович — из грузинских дворян, декабрист, с 1826 года служил на Кавказе, автор «Воспоминаний декабриста Гангелова».

Гайтов Дасо (Петр) Дайудович (Дудаевич) — из осетин, офицер русской службы, основатель аула около Ардонского укрепления.

Тимур АЛИЕВ

ТРОПАМИ ПРЕДКОВ

РАССКАЗ

Всю ночь на западе грохотало и полыхало так, будто Эльбрус снова решил стать вулканом. Наутро шеф, ГэГэ, вызвал нас с Билом к себе.

— Значит так, бездельники, — грозно сказал он, и мы облегченно выдохнули: если шеф не называет нас по имени, то настроен благодушно. — Берете руки в ноги и дуете на осмотр места происшествия, говорите со свидетелями. Дроны донесли, что эльбрусоиды отбили у сулакцев почти триста туристов от РЖД-тура. Первый большой тур за год, и такое ЧП...

Я присвистнул. Жирный куш! За такой в наше время целые войны развязывают.

Шеф хмуро взглянул на меня и добавил:

— И смотрите мне, без фанатизма, на рожон не лезьте, вы всего лишь полицейские Северо-Кавказской открытой туристической зоны, а не туроператоры, — тут шеф вздохнул. — А закон здоровой конкуренции гласит, что человек с автоматом всегда конкурентоспособнее человека с пистолетом.

Его дополнительное указание догнало нас уже в дверях:

— Что найдете, тащите в отдел и не забывайте, — он показал узловатый кулак Билу, — ценные улики — не мародерка, а ваша прямая обязанность.

* * *

Наша Зона оказалась лишь следствием тех геополитических процессов, что прокатились по всему земному шару во второй четверти двадцать первого века. Глобализация, отказ от концепции строительства национального государства, стирание границ, победа транснациональных корпораций, создание частных армий и все такое. Об этом пишут современные учебники истории, и, как ни странно, я им верю.

Северный Кавказ с трудом нашел свое место в новом международном разделении труда. Нам удалось претендовать лишь на две позиции: экспорт элитного пушечного мяса и туризм. И если по первому пункту кавказцы уподоблялись древним швейцарцам, чем и утешались, то туристический сервис с его политикой «клиент всегда прав» претил грубоватой горской душе. На выручку пришли Первые тур-войны. Туроператоры принялись «делить поляну», с упоением взяв в руки оружие. Естественно, что верх брали самые «жирные» направления в туризме вроде санаторного отдыха на Кавминводах или индустрии развлечений на Эльбрусе, включающей и лыжников со сноубордистами, и альпинистов. Извечные соперники Домбай и Архыз старались не отставать, но их силы истощали распри. Зато мощно шли союзники — поставщики катания на лодках в Сулакском каньоне и пляжного отдыха на Каспии.

Хуже всех пришлось городским экскурсоводам и музейным гидам, их отстреливали поодиночке, на всякий случай.

Война и бизнес слабо коррелируют, если это не торговля оружием. Корпорации, к тому времени окончательно покончившие с принципом деления мира на суверенные государства, решили загнать северокавказский туризм в рамки. Кипящему котлу из туроператоров придумали регламент и правила, а саму территорию окружили стеной. Отныне турпоток шел только через большие корпорации, и не на Северный Кавказ, а в Открытую туристическую зону, и в первом слове учредители заложили явную издевку над всем этим гигантским проектом.

* * *

В оружейке Бил запросил вертолет и боевой лазер. В ответ рыжий Рэмб протянул ему два ключа — один от двери, другой от замка зажигания и пояснил:

— Как увидите на парковке самый ржавый уазик, смело садитесь.

— А лазер? — поинтересовался Бил.

— Заходи лет через двести, — ответил Рэмб, — как раз завезут. На, держи пока пугач от медведей, издалека за пистолет сойдет.

Мы вышли на улицу. Наша колымага оказалась не просто ржавой, она была собрана еще в эпоху существования национальных государств, а значит, задолго до создания Консорциума Корпораций и нашей Зоны.

— Кажется, нам достался реликт Великих войн туроператоров, — заметил я.

— Не благодари, — отмахнулся Бил, — если хочешь получить что-то, проси больше.

И впервые за день я подумал, что он не такой уж и дурак.

* * *

— Ого! — Бил не мог сдержать удивления, сидя на валуне у дороги, откуда открывался прекрасный вид на ущелье внизу. — Так вот какие они, Термопилы...

— Фермопилы, — машинально поправил я, внутренне соглашаясь с его оценкой рельефа.

Зажатое между двух отвесных каменных стен ущелье заканчивалось еще более узким проходом. Некогда полноводная горная речка, оставаясь судоходной, сильно обмелела, освободив пространство для дороги, упирающейся все в тот же выход. Идеальное место для сдерживания целой армии. Или простейшей засады. Что эльбрусоиды и доказали.

Мы спустились по извилистой тропинке пониже. Отсюда все было видно как на ладони, и я попытался восстановить события прошлой ночи.

Сулакцы перехитрили сами себя, скрывив целый состав с туристами даже от привычных союзников вроде каспийцев. Под шумок выбраться из минводского хаба, где Железноводск лежал в руинах после последней Десятой санаторной войны между Кисловодском и Пятигорском, много ума не надо. Но неужели они надеялись в одиночку протащить их почти четыреста километров до своего каньона? Привыкнув безраздельно царствовать в горах Восточного Кавказа, сулакцы были уверены, что темнота и безлюдные ущелья, по которым они повели караван, их спасут. Но Западный Кавказ оказался им не по зубам.

Вконец оголодавшие на своих скалах эльбрусоиды подобного нахальства на своей территории не стерпели. Они умудрились спустить с гор парочку ратраков и наглухо заперли ими ущелье. Парапланеристы обеспечили поддержку с воздуха, рафтингисты дежурили на реке. Из сулакцев не ушел никто. Их обгоревшие бревнуоты и моторные лодки конвоя сбились в кучу близ узкой протоки на выходе из ущелья, тела в оранжевых жилетах в изобилии усеяли скалистые берега.

Впрочем, эльбрусоидов и их союзников тоже полегло немало. Несколько перевернутых катамаранов краснело поодаль, десяток-другой трупов с ледорубами в руках живописно застыли после яростной атаки. Даже с той точки, где стояли мы с Билом, были

видны фиолетовые разводы ожогов на их лицах. На этот бой со скалистых пиков сошли даже альпинисты.

Ни одного трупа в красно-желтой куртке, к счастью, не было видно. Оно и понятно: первый закон гостеприимства еще никто не отменял. Между собой бодайся сколько угодно, хоть напалмом поливай, но туриста тронуть ни-ни. Это в подкорку вгрызлось за время существования Зоны.

Впрочем, и живых туристов заметно не было. Эльбрусоиды утащили-таки их кататься на лыжах и сноубордах. Еще бы! На транш от РЖД за триста туристов можно было выстроить новый кампус в Чегете.

— Мика, Мика! — оторвал меня от раздумий радостный голос Била. — Дрон активность засек. В километре отсюда. Гоу туда?

— Вай нот? — ответил я.

И мы гоунули.

* * *

На скамейке у родника, закрывая лицо руками и скомканным бумажным пакетом, скорчилась красно-желтая фигурка. Вокруг толпились мелкие зазывалы, настойчиво предлагая прокатиться на лошадях к водопадам, или посетить пещеры с подземными озерами, или попить минеральной воды прямо из источника. Самый настырный обещал показать скелет великана в древнем некрополе.

Первый закон гостеприимства запрещал применять силу. Вот они и пытались взять клиента голосом.

— Шакалье, — сказал Бил и почесал голову. — И не подберишься ведь.

— А опрос свидетелей? — напомнил я ему. — А сбор улик?

— О! — отозвался Бил.

Для начала он дернул за капюшон любителя скелетов и пообещал, что закопает его самого в некрополе. Толпа недовольно заворчала. Тогда, зажав в своей лапиче пугач, Бил высадил весь заряд в воздух и заорал что есть сил:

— А ну, разошлись! Работает туристическая полиция! Оставить улику в покое.

Шеф предупреждал не зря. Окажись на месте этих шавок кто-то покрупнее, вроде Ассоциации конного туризма, нас положили бы на месте из арбалетов. А так все обошлось легким спазмом анального сфинктера, пока гиды, недружелюбно бурча, расступались перед Билом.

Держа на согнутом локте дедовский «Вепрь», я страховал напарника, мысленно выстраивая такие траектории полета пуль, чтоб четырьмя выстрелами положить три десятка человек. Больше патронов у меня не было.

Наконец из толпы показался Бил, таща за собой упирающуюся фигурку в куртке не по размеру.

— Вот она, улика, — он втолкнул ее в уазик, и мы дали деру.

* * *

Улика была так себе. Блондинка, да. Зеленоглазая, да. Но в зляпаных грязью классических синих джинсах, копеечных трейлах и с болтающимся на шее бейджем. А еще совсем не напуганная.

Едва оказавшись в машине, она с первого взгляда оценила нас, подергала ручку двери и спросила:

— И куда едем? На экскурсию?

— Полицейские по закону не имеют права оказывать экскурсионные услуги, — заметил Бил. — Едем в отделение, как сказал ГэГэ.

— ГэГэ — это кто? — поинтересовалась она и, посмотрев на большие буквы Т и П на наших куртках, добавила: — Вы че, транспортная полиция?

— Туристическая, — ответил я, вырвав на основную дорогу и включая автопилот.

— Туристская, — поправила она.

— Говорят же тебе: ту-рис-ти-чес-кая, — разозлился Бил, — люди кровь за это слово проливали во время Второй лингвистической, а ты споришь.

— Надо же, — поразилась она. — Думала, у вас только за туристов воюют. И кто победил?

— Сама как мыслишь? — огрызнулся Бил. — Если война называется лингвистическая, а не лингвистская.

— Ладно, — примирительно подняла руки девушка. — Спасибо, что избавили от этих зануд.

Сказала как сглазила. Сзади послышался рев турбин — нас гоняли джиперы из «Дикой дивизии». Совсем оголодали люди, если гоняются даже за одной туристкой.

— Может, уйдем на бездорожье, уазик как-никак? — с надеждой спросил Бил.

— Ты че, у них вездеходы, какое бездорожье? — огрызнулся я, снимая уазик с автопилота и начиная набирать скорость.

Хоть какой-то плюс у этого военного старья, его легко перевести в ручной режим.

— А если догонят, то что? — спросила «улика».

— Тебе — ничего, на джип-тур с ними поедешь. Нам — тоже ничего, если отдадим тебя.

— Вы вроде полиция, — заметила она.

— Вот именно.

Я резко кинул машину вправо, на лесную дорогу. Есть там одна развилка, шансы уйти пятьдесят на пятьдесят. Только надо оторваться...

Не получилось. Джиперы свернули за нами, висели на хвосте. На одном из поворотов, где ручей подмыл дорогу, пришлось затормозить настолько, что я уже видел лица преследователей в зеркале заднего вида.

Ба-бам! Наша задняя дверь распахнулась, и «улика» кубарем вывалилась наружу, с треском проламывая придорожные кусты, и скрылась в лесу.

— Мика, стой! — заорал Бил. — Ты видел, она сама... Ногой дверь выбила и выскочила!

— Спокойно, Маша, я Дубровский.

Уазик, противно визжа перегретыми тормозами, еще не остановился, когда я выскочил на дорогу. Джиперы оказались даже ближе, чем мы думали. Около десятка парней в кожаных куртках медленно обступали нас с трех сторон.

* * *

«Улика» так и сгнула где-то в лесной чаще. Джиперы проявили себя как вполне рациональные ребята. Поняв, что туристка сбегала и от них, и от нас, только посочувствовали нам. Искать ее они не стали.

— Одиннадцатый не наш маршрут, — категорично заявил их главный, глядя на свои щегольские сапоги со вставками из змеиной кожи. — Хотите — ищите, мы тут посидим.

Нам с Билом ходить пешком было не привыкать. Битых два часа мы месили грязь по лесу, пока не вышли к бурной горной реке, на берегу которой алела знакомая куртка.

— Улика, выходи, это свои! — несколько раз прокричал Бил, несильно надеясь на успех.

К машине вернулись, когда непоседливых джиперов уже и след простыл. Дальше ехать по лесной дороге смысла не было, и мы развернулись.

* * *

Она ждала нас у выезда на асфальт. Выскочила из перелеска, одним прыжком вскочила в салон.

— Замерзла вас ждать, — пожаловалась она, дрожа. — Дайте что-нибудь накинуть.

Бил с отвисшей челюстью протянул ей ее же куртку, которую до сих пор держал в руках.

— О-о, — обрадовалась она, — нашли, молодцы. А я спецом ее у реки сбросила, следы заметала.

— Ты ненормальная? — спросил я.

Она помотала головой:

— Я просто в джип-тур не хотела. Мне с вами нравится.

— Уважаю, — сказал Бил и протянул ей ладонь, — Бил. — Затем он кивнул головой в мою сторону и произнес: — Это Мика.

— Лика, — ответила на рукопожатие девушка.

И мы засмеялись. А Бил сказал, что все равно будет звать ее уликой, поскольку уже привык, и не менять же привычку из-за одной буквы. И Лика согласилась.

* * *

Через часа полтора, когда уже начинало темнеть, узик вдруг пару раз брыкнулся и остановился. Мой ремонт, заключавшийся в задумчивом стоянии над поднятым капотом, не помог.

— Будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого пылесоса, — попытался оправдаться я.

— Бензин проверь, — предложила Лика. — Я видела, как джиперы сливали его у вас.

Я подлез под низ и постучал по гулко отозвавшемуся баку.

— Могли и весь слить, — философски заметил Бил, — а так молодцы...

Подняв с земли камень поувесистее, он запустил им в лобовое стекло, сразу же покрывшееся паутиной.

— Ты что творишь, луддитская сволочь? — возмутился я. — Нас же Рэмб убьет.

— Вначале пусть спасет нас, — проворчал Бил. — Щас столкнем узик в кювет, пусть все думают, что он разбит, а потом вернемся и вытащим его.

— А кто такой Рэмб? — снова влезла в разговор Лика.

— Наш коллега.

— Рэмб — это сокращение от Рэмбо, да?

— Почти. — Эта игра в почемучек мне начинала надоедать. — Давайте двигать. Дотемна нужно выйти на одну тропу.

* * *

Мы шли по тропе часа три. Древние умели ходить, маршруты прокладывали рационально, без перепадов высот, чтоб не тратить лишнюю энергию. Это потом силы стали лошадиными, и их перестали беречь, прокладывая дороги как придется.

Но мы шли по старинной тропе, и я даже в темноте получал удовольствие от уникальной геометрии, с которой кривая нашего пути огибала все возвышения, седловины и котловины.

Однако, лишившись нашего Росинанта, мы потеряли его сто семьдесят лошадиных сил и могли рассчитывать только на три человеческие. А из-за того, что мы не ели с утра, даже они были на исходе.

В отличие от нас с Билом, косолапящих по-медвежьи, Лика двигалась как в танце, мелькая в свете наших фонариков, словно мотылек у свечи. Отвык я от таких туристов. Нынешние всё больше толстые и неповоротливые, хотят, чтоб четверо носильщиков доставили их паланкин прямо на вершину Эвереста, пока они вкушают виноград.

— Лика, а кем ты трудишься в РЖД? — не удержался я. — Не проводницей?

— Почти, — Лика явно не забыла мой недавний ответ. — Буфетчица в вагоне-ресторане.

Ладно. Девушка явно не заслужила той отповеди.

— Рэмб — это сокращение от Рембрандт, — сказал я. — Его прадедушка был гидом в художественной галерее и большим экспертом по голландским художникам.

Лика засмеялась:

— Вы тут все помешаны на этом туризме. Даже полиция. Да?

Ответить я не успел. Из темноты показался Бил.

— Пришли, — сказал он.

* * *

— Немного иначе я себе представляла ваше отделение, — усмехнулась Лика.

Она оглядывала высокое сводчатое помещение, в центре которого мы стояли и пыталась фонариком осветить потолок.

— ГэГэ сидит где-то же наверху, да?

Бил пытался оправдаться:

— Вообще-то, я про ночлег говорил. А че, хорошее место, с крышей.

— Ага, и снова это бывший музей. Ваш Рубенс случайно не здесь?.. Руб, ты где? — заорала она в темноту. — Все-таки заманили меня на экскурсию, да?

Пришлось вмешаться мне:

— Не городи ерунды, Лика. Да, музей. Да, разбитый. Но здесь можно переночевать, и нас никто не потревожит, — я перевел дыхание. — А утром поищем и Рубенса, и Рембрандта, и даже Вермеера.

* * *

Меня разбудил «крик петуха». Орал, естественно, Бил. Не открывая глаз, я процитировал:

— Послышался отдаленный крик петуха.

— Вставай, вставай, панночка уже проснулась, — подыграл мне Бил. — Поднять тебе веки?

— Сам, — прохрипел я, с трудом поднимаясь.

Вчерашние приключения отзывались ломотой по всему телу. Потянувшись, я огляделся. Ни один луч солнца пока не проник внутрь здания, но сквозь пролом в крыше виднелся розовеющий краешек горного хребта. Наступал новый день.

— Пора перекидываться, — проследил за моим взглядом Бил. — Давай скорее, пока панночка пудрит носик.

Из-за колонны, испещренной кратерами от пулеметных очередей, выглянула торжествующая «улика».

— А я все подслушала! — она наморщила нос. — Ну и кто же вы после этого? Оборотни в погонах? Я думала, вы по ночам больше...

— У нас свой график: сутки через трое, — засмеялся я, меняя шевроны на кепке и на рукаве.

Вместо эмблемы туристической полиции на них были изображены горы с заснеженными пиками и бодро шагающий турист. Нашивку из больших букв Т и П на куртках мы трогать не стали. Я просто ткнул в них пальцем и сказал:

— Мы снова турфирма «Тропами предков». Пешие туры на любой вкус. Экстремальные маршруты, уникальные локации, затерянные уголки мира.

— То есть сутки — полицейские, трое суток — гиды и экскурсоводы? — догадалась «улика».

- Согласно заветам предков, — включился в разговор Бил.
- Ага, — смекнула «улика». — Дедушки были музейными работниками, и потому вас называли в честь... — Она задумалась. — Та-ак, Мика... Мике... ланджело, да?
- Я кивнул, обратившись к ней:
- Что-то ты слишком хорошо разбираешься в искусстве для заведующей буфетом.
- Она ласково улыбнулась мне и повернулась к Билу:
- А тебя... Бил... так-так-так, может, Веласкес?
- Зря тебя Мика умной назвал, — захохотал Бил. — Мой дед кассиром в музее был. Так что мое полное имя — Билет.
- «Улика» смутилась:
- Ой, прости меня, пожалуйста.
- Бил махнул рукой.
- Да норм, че там, — ответил он, — давай лучше отгадай, как ГЭГэ расшифровывается.
- «Улика» подняла вверх руки и произнесла:
- Сразу сдаюсь. Не знаю.
- Главгид Главгидыч, — сказал я. — Его дед был главным в музее.
- А-а-а, — отозвалась Лика, — и мы к нему щас пойдем?
- Пожав плечами, я проинформировал:
- Только если ты подпишешь договор с нами. На оказание туристических услуг.
- Нам такой договор с РЖД очень бы пригодился, — добавил Бил. — Туристов в последнее время все меньше и меньше.
- Блин! — «Улика», закусив губу, замялась. — Мальчики, я вам должна кое в чем признаться.
- Она расстегнула висящий на шее чехол и вытащила оттуда бейдж. С фотографии на обороте на нас смотрело незнакомое нам усатое лицо.
- Поменяла пол? — спросил Бил. — Или просто сбрила усы?
- «Улика» нервно засмеялась.
- Это не мое удостоверение, — сказала она. — И я не имею никакого отношения ни к РЖД, ни к их туристам. Куртку и бейджик я нашла в том ущелье рано утром. Ночью услышала звуки выстрелов, пошла на шум, опоздала. Куртка там валялась, если не я, то кто-то все равно ее бы взял. Из-за куртки ко мне эти идиоты пристали со своими экскурсиями. Ну а потом вы подъехали, меня выручили, — она всхлипнула. — Я хотела признаться, но вы были такие милые...
- Так ты местная? — поинтересовался я.

— Не-е-ет, — она замотала головой. — Туристка. Только без денег. Путешествую дикарем, автостопом. Полмира прошла, — похвасталась она, — а у вас не была. Ну и вот, нашла людей, они помогли пробраться в Зону.

— То есть денег у тебя нет? — уточнил Бил.

— Могу расплатиться только магнитиками из прошлых путешествий, — призналась она.

Бил обратился ко мне:

— Что скажешь, старший?

— Ну а че, магнитики лучше, чем просроченные батарейки, которыми наш последний клиент рассчитался, — заметил я. — Согласно заветам предков.

И Бил со мной согласился.

Денис ДЫМЧЕНКО

330 КИЛОМЕТРОВ

РАССКАЗ

По дороге, местами раскрошенной от времени, усеянной остовами автомобилей, скрипела телега. Конь, худосочный, кариковый, шел рысью. Ноги его бодро отрывались от подзаросшего травой асфальта, и мускулистая туша поднималась и опускалась при каждом шаге, отчего телега тоже еле заметно качалась.

В телеге ехали трое.

— Не рыгайте на цветы-ы, ведь цветы н-не вин-новаты! Что вы уж-жрались, как скоты-ы, и ваще де-ге-не-раты...¹

В такт стуку копыт подпевал мужик лет тридцати с поводьями в руках. Лицо у него было азиатское, чуть округлое, без бровей и бороды, только на баках щетина, в остальном гладкий весь, как обскубленный петух; волос и тех не было, только родимое пятно на затылке, две кляксы — большая и поменьше. На солнце они рыжими казались, как деревья вокруг. Одет он был в латаную-перелатаную армейскую форму с разгрузками и множеством карманов, пухнувших от содержимого. Справа покачивались бронированный шлем с вмятинами и плотно набитый вещмешок, повешенные на чуть выступающую жердь. За спиной на ремне, впиваясь затвором в позвоночник, болталась «Сайга».

— Рус, не ори, разбудишь! — ткнул в спину вознице второй пассажир.

— Да хай просыпается, пятый час спит, как бы не отошел! — не поворачиваясь и не сбавляя голоса, ответил возница.

По-турецки, опираясь на двуствольное ружье-вертикалку, сидел молодой парнишка, совсем подросток. Джинсы широкие, перевязанные на щиколотках, чтобы не трепыхались, все в рисунках — звездах, листьях, узорах, словах на английском. Что-то так и было на этих штанах, что-то потом дорисовывали. В джинсы заправлена некогда белая, а теперь изрядно пожелтевшая футболка с надписью «FIFA-2018», поверх — портупея с кобурой,

¹ Песня «Нахреноза» группы «Чайф».

сумка через плечо с патронами. На шее у подростка висели наушники, провод от них тянулся к потертому довоенному дисковому плееру, прицепленному к поясу. Волосы у парня были для нынешних тяжелых времен длинные — до шеи, он собирал их в хвост вонючей резинкой для закрутки банок. Под боком лежала в рыжих пятнах косуха, тоже довоенная, — молния заржавела, заклепки поотваливались, так что носить ее можно было только нараспашку. И даже так пришлось снять — жара стояла невыносимая. Вещи его лежали где-то в углу телеги, в потускневшем рюкзаке, на спинке которого с трудом угадывалась мультяшная большеглазая девочка с хвостиками.

В громоздкой, наскоро сколоченной «люльке» прикорнул пожилой мужчина в легкой рубашке, брюках и туфлях. В тени сложно было его разглядеть, да и не смотрел на него никто — спит, и хорошо.

Но телега подпрыгнула на очередной кочке, и старик, всхрипнув, приподнял голову. Шурился, пытался что-то разглядеть — свет от палящего солнца жег глаза. И в этот момент возница продолжил петь:

— У цве-тов тычи-нок мно-ого, у ме-ня только одна-а, им удоб-ней раз-мно-жаться, ну а мне-то-о... на хрена-а-а!

Старик нагнулся, высунулся из-под навеса «люльки». Был он смуглый, весь в морщинах, неумело, с царапинами, выбрит. На макушке волос не было вовсе, а над ушами висело несколько серых ломаных клоков, и то непонятно было, это с затылка идет или из самих ушей. Рот его, почти без зубов, был всегда чуть приоткрыт, и губы как бы вдавались внутрь, отчего казалось, будто он постоянно что-то пожевывает. Взгляд был мутным, то и дело уходил куда-то вверх, и лишь изредка прояснялся, как сейчас. Смотрел зло на спину возницы, густые седые брови хмурил.

Отвислые щеки старика вдруг затряслись.

— Шепель! — крикнул он слабо, но гневно. — Ты что поешь, бестолочь? Ты дитю такое вот безобразие поешь? — и ткнул вздувшейся костяшкой указательного пальца в сторону подростка.

Рус повернулся к старику, улыбнулся примирительно:

— Да ладно вам, Хетаг Асланбекович, Гарик и не такое слушает! Да оно ж ни о чем, все ж лучше, чем в тишине!

— Смысл петь бессмысленные песни, скажи мне, пожалуйста?! Я это до самого Орджоникидзе слушать не намерен! Песни должны быть с идеей, иначе зачем их петь? Душа быть должна, эх, понимаешь? Вот ты как не понимал, так и не... понимал... Руслан...

Хетаг Асланбекович запнулся, взгляд его поднялся к облачному небу. Губы сжались, рука покачалась из стороны в сторону,

опустилась на колено, и сам старик улегся в кресло. Бормотал что-то, засыпая, веки то прикрывались, то поднимались, подрагивая.

— Он как, нормально? — спросил Гарик, пригибаясь, чтобы лучше рассмотреть лицо пассажира.

— Да че с ним будет! — успокоил Руслан. — Жара, он и присыпает. Он уже, походу, такой и есть, Гар. Девяносто три года человеку. У него Владик еще Орджоникидзе! Дай бог приедем, хоть бы детей вспомнил.

Парень поставил ружье на предохранитель, положил на дно телеги, а сам подсел к вознице.

— Начальник, ты уверен, что за эту развалину нам заплатят нормально? — уже тише спросил Гарик.

Руслан вдарил ему локтем в плечо, отчего Гарик чуть не свалился с телеги.

— Ты че, э?! — набычился он, разведя руки в стороны.

— Уважение прояви, мелкий! — сурово отчитывал Руслан. — Этот старикан и меня, и моего отца, и мою бабушку физике учил! И таких, как ты, оболдуев учил, постъядерные дети, на...

Подросток закатил глаза и сполз на прежнее место, бурча:

— Десять лет школ нет, радиация и гарь вокруг, общины без воды и жратвы пухнут, а он — «физика»... — Помолчал и добавил уже громче: — Еще и квадрик наш на эту телегу обменял. А в Осетию еще сутки двигать, триста тридцать километров! Мы таким хреном в жизни не заработаем, так и будем по Кубани челночить за пожарть...

— Дать бы тебе звиздюлину, так, для профилактики... — вздохнул Руслан, но не со злобой, а тоскливо.

Выехали на участок без машин. Потравил Рус коня немного да зажал вожжи под кирзач. Оперся подбородком на кулак, по сторонам стал смотреть. Слева, в степи, серое пепелище. Как солью посыпали после пожаров десятилетней давности — ничего за эти годы не возшло, ни травинки, только чадит тут и там временами — на солнце сгорают остатки былых хуторов и станиц. Справа желтели сухие холмы и виднелись кусочно кавказские взгорки. Недалеко, на водоразделе, он даже приметил несколько всадников. Там, в предгорных степях, черкесский клан Аджиева жил, у водохранилища, они скот разводили, что-то даже пахали. С табунами вполне могли и к трассе подобраться.

С грустью смотрел на скопление зданий вдалеке — то когда-то были кафе и придорожные отели у поворота на Курсавку. Остались только стены. Первые годы после войны здесь даже поселение было на несколько десятков человек, в палатках и машинах жили, только от жажды и голода им пришлось уйти в

междуречье Зеленчука и Кубани, на юг от Невинномысска, там община процветала. С год они с Гариком здесь схрон держали, пока потолки под градом не разнесло.

Руслан обернулся, взглянул на подростка. Парень сидел в наших, качал головой под музыку. У него там один рок на дисках. Десять лет не расставаясь с плеером ходит, слушает тяжелый металл. Рус схватился за сыромятные ремни, прихлестнул коня, вытер рукавом вспотевший под палящим солнцем лоб. Не хотел говорить. И все-таки не выдержал, дернул напарника.

— Обещали нормально заплатить, Гар, не переживай, — мотнул головой Руслан и продолжил, отвернувшись: — Проскочим Минводы, в объезд Нальчика к завтрашнему вечеру уже будем. Привезем Асланбековича в Осетию, сдадим этим джигитам, или родственникам, кто его там, на хрен, встретит, нам заплатят, и мы двинем. Михалыч, красно солнышко наше, фуфло не подсунет. Но до тех пор потерпи, ладно? Прояви уважение. Человек все-таки.

— Ладно, — откликнулся Гарик, ссутулившись. Примирительный тон Руслана его всегда обескураживал и оставлял без слов, так редко что-то похожее случалось.

Телега сползла в кювет, чтобы объехать десятилетнюю пробку на КПП. Колеса поднимали пепельную пыль, пассажиров в повозке шатало. Позади них все меньше и меньше становились обвалившиеся, похожие на заточенные пики красно-белые трубы невинномысских заводов. Солнце сползало к этим пикам, и горизонт разгорался все ярче и ярче.

Старик в «люльке» не просыпался, как бы его ни мотало, только иногда едва различимо бормотал сквозь сон:

— О, маэ хуры хай... азар-ма, чызгай...²

* * *

Закат доалел в пурпур, когда показалось Пятигорье. Лесисто-скалистые Бык и Верблюд, белая змейка над Минводами, пламенный сентябрьский Бештау вершинами цепляли свет и окрашивались малиновым. Подножия же их чернели в тени.

Впереди виделись опаленные руины некогда города — собственно, Минеральных Вод. Слева от трассы лежал разломанный и частично растасканный «Боинг», накрывавший ржавым покореженным крылом кусок дороги. Взлетал, когда бомба упала на аэропорт.

В тени дырявого, щерящегося арматурой крыла и устроились перед тем, как двигать дальше. Руслан уже стоял в ОЗК, держал в

²Ты луч солнца мой... спой, девица, спой... (осет.). Строки из стихотворения К. Хетагурова «Азар/Спой». (Примеч. ред.)

правой руке противогаз, черный, с двумя окулярами, с фильтрами по бокам, а левой гладил по спине коня, приговаривая с неприличной для себя нежностью: «Козлопасик ты тупорылый, эх...» Гарик только-только просунул руку в прорезиненный рукав. Хетаг Асланбекович сидел в «люльке», смотрел на них с недоумением.

— Это еще что? — спросил он.

— Защита от радиации! — резонно ответил Руслан. — Вы в школе таких не видели?

— Так жара такая, на черта оно вам? — не понимал старик.

Он хотел еще что-то сказать, но отвлекся на горы и замолчал, улыбаясь.

Гарик перехватил поудобней ружье и проворчал:

— Чтоб яйца не запеклись, старый маразматик...

За что тут же получил подзатыльник.

— Я те че говорил, язва ты пубертатная? — выдавил Руслан сквозь стиснутые зубы.

— Ладно, ладно, — поднял руки кверху подросток, положил двустволку на плечо. — Не бурчу.

— Смотри у меня! — Руслан погрозил кулаком и, развернувшись, обратился к пассажиру: — Хетаг Асланбекович, вам тоже приодеться надо. Дайте помогу!

Старик по-прежнему глядел на горы, то на Змейку, то на склон Бештау, приговаривая что-то про себя, ритмичное и заунывное.

— Слышите?! — крикнул, чуть притопнув, Руслан.

У него нервы тоже были не железные. Нахмурил лоб, и тот стал похож на недоваренную куриную кожу.

Старик дернулся, вскинул даже руки от испуга.

— Ты чего?

— Нам нужно через зараженное место проехать! — объяснял, повышая голос, Руслан. — Вот, это ОЗК! — Он достал из-под «люльки» аккуратно сложенный комплект с противогазом. — Это надо надеть! За час город проедем, и тогда можно будет снять.

— Я это не надену! — возмутился старик. — Что за клоунада? И так в телеге еду, как косарь, а тут еще... еще...

Он снова отвлекся на горы, и тут Руслан уже не выдержал. Сам влез в телегу, стал криком объяснять, но Хетаг Асланбекович кричал тоже, и кричал невнятно, не слыша, что за слова произносит, да и не слова то были, а набор гласных пополам с мычанием.

Так они провозились минут двадцать, пока не стало темнеть.

От безысходности Руслан, покрасневший от жары и злости, спустился, обошел телегу, из-за «люльки» достал увесистый, размером с чемодан радиоприемник. Взял микрофон, настроил волну.

— Мародер — Зеленчуку, как слышно? — произнес он в трубку.

— Зеленчук слушает, — раздалось из динамика.

— Вызови Михалыча. Проблемы с грузом.

Раздались нечеткие голоса, у одного тон был повелительный.

Вскоре на связь вышел сам Михалыч.

— Ну шо там, Руся, вы как? — голос у него был хриплый, прокуренный, сурово-низкий, что совсем не шло толстому лысому увальню с усами, каким был в жизни Михалыч, завхоз Междуреченской общины.

— Да обосраться и не жить, на! — возмущался Рус. — Уперся, и все, не хочет защиту надевать.

— Не понял... вы че там делаете, э?

— Да итить твою... Тебе сколько лет, или ты там бухой на радостях?! — заорал Руслан так, что старик в «люльке» опять начал возмущаться. — Мы в Минводах, тут фонит, хоть яичницу жарь, а он...

— Ну так езжай его в объезд, я-то че? — открестился от ответственности Михалыч.

— Слышь, трудовик-экономист, ты не омурел там?! Куда переть, в Пятигорск к работорговцам, полями выжженными предлагаешь?! Сам же, сука, просил!

Из трубки ответило бурчанием, через него проскакивал отчетливый мат:

— Русь, вези как хочешь, но завтра чтоб были в Алагире! Знаешь, какие у Елиханова родственники? Знакомо тебе слово «дипломатия»?

— Да, да, шишки шишные, а мне-то что делать?

— Вези, что! — отрезал Михалыч.

Сколько Руслан ни пытался дозваться нанимателя, в ответ слышались только помехи на линии.

Стал снимать ОЗК, кое-как скомкал, затолкал под «люльку», туда же противогаз закинул. Гарик наблюдал за этой сценой чуть поодаль, пинал пучки травы от нечего делать, и когда увидел, что напарник взбирается на телегу, сам пошел следом, расстегивая по пути комбинезон.

— Ну че, Рус? — спросил он, складывая свой комплект.

— Дай подумать...

Долго думал, и с телеги слезал, и из-под крыла выходил, смотрел то на руины Минвод, то на Бештау, прикидывал. Все-таки влез на свое место, махнул Гарику:

— В Пятик двигаем, на крюк. Полями щас в Ессентуки, потом мимо бункеров, не останавливаясь, авось пронесет. Должно пронести. В схроне заночуем.

— Ты че, шпрот вздутых объелся?! — взвился подросток. — Меня в прошлый раз эти пятигорские чуть не угнали под землю динаму крутить!

— А нефиг было лезть в трусы к дочке коменданта...

— Рус!

— Да знаю я! А че делать, а?! У тебя идеи есть?! Давай, я слушаю! Или хочешь, чтобы он хапанул рентген сто и помер, не доехав?

Парень промолчал. Сел в телегу, демонстративно накинул кожанку, надел наушники, отвернулся от возницы. Ссутулился в обнимку с двустволкой.

Руслан плюнул, взял поводья и повернул коня вправо, в поля. Солнце уже совсем скрылось, небо потемнело. Сумерки расплывались по степи.

* * *

Проезжая мимо Кировского парка, они наткнулись на местных. Было уже за полночь, но под луной удалось их хоть сколько-то разглядеть. С юга, поднимаясь к военным санаториям, двигался конвой. Двое мужчин, вооруженных автоматами, вели четверых горцев. Они шагали коленями как-то врозь, видно было, что привыкли передвигаться в седле. Руслан решил, что это кабардинцы. С ними у пятигорцев отношения были не самые лучшие, периодически сталкивались.

— Эу, стой! — махнул рукой один из конвоиров, в пыльнике, с приподнятой сварочной маской на голове. Пятигорские сталкеры носили такие в дневные вылазки — отвыкли за десять лет на искусственном освещении. В одной руке он держал автомат, в другой — трещавший динамо-фонарь с рычагом. — Кто такие?

— Обоз из Междуречья, везем пассажира! — откликнулся Руслан, привстал даже, поднял перед собой керосинку, чтобы его могли разглядеть. Но не остановился. «Сайга» висела под грудью, поводья он держал поближе к прикладу, чтобы сразу выпустить их и схватиться за рукоять. — Проездом в Осетию! Человек в летах семью повидать хочет!

— Не часто тут народ в горы ездит! — заметил, посмеявшись, мужик со сварочной маской.

Вдруг подал голос второй конвоир. Он носил на лице летный шлем с уходившей за спину трубкой, и автомат у него был не простой складской «калаш», а «сотый», с оптическим прицелом. Снял маску с трубкой, обратился:

— Слышь, друг, ты не военный? — первый конвоир случайно навел на него фонарь, показав огромный, в жилах, ожог на нижней части лица. — Или сам форму нашел?

— Военный, родной! Ставрополь, сто шестая часть!

— Ха-ха! — посмеялся непростой конвоир. — А я летчик был! С Буденновска! В день икс за Ессентуками разбился. А сам я с Кочубеевки!

— Гонишь! — неподдельно удивился Руслан, даже искренне обрадовался и остановил коня. — А я с того ж района! С Прогресса, слышал?

— Это на Зеленчуке что?

— Да, оно самое, родимое!

— И как оно жас в Прикубанье? Знаю, Елфинша все в совете, на пенсию никак не выйдет?

— Заседает, пас-скуда! Да че у них, живут люди. Мы-то с пацаном уже больше так, бродячие, работа обязывает, не особо и тамошные.

Пока говорили, телега уже поравнялась с конвоем на перекрестке.

— Эу, вы как, через Нальчик, через Георгиевск? — вклинился в дружескую беседу первый конвоир. — Мы жас к «Провалу» двигаем, если вы по Фабричной к мясокомбинату, то нам до Дзержинского по пути! Или так! Может, у бункера перекантуетесь, а? Ночь так-то!

И так этот конвоир ощерился гнилыми зубами с одной-единственной золотой коронкой, что угол губ у Руса дрогнул.

— Мы торопимся, родной! — улыбнулся Рус и нарочно приблизил свою лампу, чтобы улыбку эту было видно. — Дед у нас нервный, лучше не останавливаться, а то помрет, ха-ха!

Из «люльки» показался Хетаг Асланбекович, возразил:

— Не стыдно при старших так, а, Шепель? И язык же повернулся, скажи мне, пожалуйста! — Он воздел палец к ночному небу и добавил: — Как был бестолочью, так и остался!

— Как скажете, Хетаг Асланбекович! — попробовал отшутиться Руслан.

— Хах, какой бойкий! — посмеялся конвоир со сварочной маской. — Сколько бы Эльбрус за такого отдал, как думаешь, Лех?

— Да ну, такой динаму крутить не смог бы, — заметил тот, что в маске летчика. — Дай бог полтора-два пайка. И то два — сильно жирно. Наши вон помясистее будут, — и ткнул стволом автомата в бок пленного.

Руслану не нравилось, куда движется этот разговор. Он оглянулся, посмотрел на старика, посмотрел на Гарика. Старик ничего будто не понял, а мелкий вцепился в ружье — внимательно слушал, готов был стрелять в любой момент.

«Так, валить надо...» — подумал Руслан.

— Ладно, мужики, двинем тогда вместе. Только вы вперед, а мы следом, дорога такая, что вы шустрее нас продвинетесь.

— Добро! — хохотнул конвоир Леха, вернул «забрало» на место и, не успев повернуться к пленным, получил коленом в грудь.

Все четверо рабов сорвались с места и побежали врассыпную. Руслан и Гарик взяли за оружие, а конвоиры, не думая, начали стрелять. Конь встал было на дыбы, но запряг не дал. Двое пленных упали замертво, еще двое почли за лучшее рухнуть на землю и сдаться.

— Сука, ну кто вас просил?! — злился «сварщик». — А ну встали на ноги! Плечо к плечу, спиной к нам, чтобы я видел, мать вашу! Еще какой план высрете на свет божий, в кишках своих валяться будете, ясно?!

Горцы мелко закивали.

— Ты что творишь?! — воскликнул старик, встав в полный рост. Трясущейся рукой он указывал на пятигорцев. — Ты что творишь, сволочь?!

— Спокойно, пердун, не кипишуй! — попытался унять его Гарик. — Нам же хуже, сядь давай!

— Вы убили человека! — продолжал Хетаг Асланбекович, на глаза навернулись слезы, голос задрожал. — Вы человека жизни лишили!

— Ты угараешь, чи нет? — ответил «сварщик», помахивая автоматом. — Сильно гуманист, епт?

— Бросьте, мужики, в маразме он, — попытался хоть что-то сделать Руслан, а сам бросил поводья и потянулся к «Сайге».

Тут старик подошел к краю телеги, наклонился и жидко, с брызгами плюнул. И умудрился попасть в лицо конвоира. Тот замер на секунду, утерся рукавом и с криком «Ты че, козлина?!» стал поднимать автомат. Гарик вскинул ружье, оба ствола теперь направились на «сварщика». Руслан тоже взялся за оружие, взял на мушку «земляка», стоявшего к телеге полубоком, чтобы не упускать из виду пленных. Повисло молчание. Только ветер едва слышным шуршанием касался травы и деревьев.

— Знаете, ребят, — подал голос Руслан, злой как никогда. — Я бы и сам уже эту развалину пристрелил, но за такой финт ушами мне не заплатят. Сами понимаете. Опустим пушки и пойдем каждый кому куда надо. Вы с рабами, мы — с дедом. И все счастливы. Ферштейн?

— Рабы? Господи, что ж творится! — вскинул руки старик. — Как вы!.. Как вы!..

Он в очередной раз споткнулся о собственную мысль, стал ры-

скать по сторонам тревожно, но никак не мог вспомнить, что говорил и что его, собственно, тревожит.

Леха положил автомат на плечо, свободную руку сунул в карман армейских брюк. Подошел к «сварщику», не отрывавшемуся от вертикальных дул, и сказал:

— Пошли, Жор, хай едут. Нас тоже заказ ждет. И так дел куча, — и, не дожидаясь ответа, повернулся к рабам, гаркнул на них, чтобы шли.

Жора постоял немного, потом сплюнул, убрал «калаш» за спину и пошел за напарником.

Гарик и Руслан опустили оружие.

— И вы так просто их отпустите? — возмущался старик, тормоша за плечо подростка. — Они... они убийцы! И людей крадут! Надо сообщить!

Но его никто не слушал. Оба напряженно провожали взглядом пятигорцев, ждали, когда из виду скроются. А Хетаг Асланбекович все не унимался. Стоило конвою скрыться во дворах, как Гарик соскочил с места, толкнул старика в грудь, отчего тот упал обратно в «люльку», и завопил:

— Ты что творишь, маразматик, жить надоело?!

— Гар!

— Ты хочешь, чтобы мы вместе с тобой гнить под солнцем остались, а?! Мир сдох, понятно?! Сдох! Десять лет, как все в руинах, каждый день люди дохнут от голода, болезней и пуль. И всем насрать, кто кого убивает и кто кем управляет, все жить хотят! — Он поднял ружье и наставил его на старика. — Да я сам тебе мозги снесу, чтобы другим жить не мешал!

По голове подростка прилетело прикладом «Сайги». Парень упал на край телеги, выронил вертикалку, не удержался у низкого борта и свалился на рассыпающуюся бетонную дорогу. Со стоном долго поднимался, держась за голову. С его виска к шее стекала кровь.

Руслан возвышался над ним, на фоне луны казался просто черной фигурой.

— А теперь залез в телегу и заткнул рот. И только попробуй рпнуться... — вкрадчиво, не повышая голос, велел Руслан, а сам сел на свое обычное место.

Парень влез, свернулся калачиком в углу, прикрывая голову руками — не из-за боли в голове, а чтобы никто не видел его слез. Но резкое, обрывистое сопение выдавало его.

Конь, фыркнув, застучал подкованными копытами по дороге, мимо разрушенных зданий. Сидевший в «люльке» Хетаг Асланбекович глядел на парня с ужасом. Но чем дальше ехали, тем спокойнее становился его взгляд. Старику вновь все стало безразлично, он рассеянно глядел по сторонам, что-то вполголоса ронял, мычал мелодии. Потом вдруг опять обратил внимание на хнычащего подростка и с тоскливым выражением сполз на дно телеги. Положил на спину Гарика руку. Стал мягко приговаривать:

— Бедный мальчик... бедный мальчик... кто ж тебя так?..

* * *

До схрона добрались ближе к рассвету. Над степью впереди уже белело, небо над горами верно разбавлялось из синего в голубой. Станица заросла за десять лет. Ездили здесь редко, только по главной дороге сохранялась еще какая-никакая колея посреди кустарника, бурьяна и деревьев, пробивающихся через асфальт то тут, то там. Дома и дворы чернели в тени разросшихся орешников, шиферные крыши пообвалились и зияли дырами, металлические — заржавели и потеряли прежний цвет. Что-то уже заваливалось от времени. Станица была такая глухая и сторонняя для устоявшихся торговых путей, что на лавочках у ворот можно было увидеть ворохи одежды и кости.

Телега проскрипела к навесу с выцветшей вывеской «Автосервис», встала справа от бесколесого «жигуля». Внутри уже проросли клены, почти касаясь потолка. Одно такое деревце согнулось под днищем обоза.

— Сколько нас тут не было, два года? — поинтересовался Гарик, перезавязывая волосы в хвост, аккуратнo, чтобы не трогать лишний раз повязку на лбу. — У нас вообще хоть что-то осталось там?

Руслан, не отвечая, слез с телеги, описал дугу, достал из-под «люльки», как из багажника, мешок с овсом и ведро. Развязал мешок, насыпал, отнес корм коню, но тот не притронулся, только зафыркал, замотал головой. Возница плюнул, помянул черта и снял с коня сбрую и узду.

— Козлопас, на...

Развернулся и пошел из-под навеса к соседнему двухэтажному зданию, по всей видимости служившему некогда конторой. На стенах там висели оборванные баннеры с надписями большими красными буквами: «СУГ», «АВТОЗАПЧАСТИ», «СТРОИТЕЛЬНЫЕ

МАТЕРИАЛЫ». Потирал нервно пятна на макушке, шеей хрустел. Гарик слез с телеги, засунул руки в карманы изрисованных джинс и поковылял следом. В дверях Руслан швырнул к ногам подростка пыльный пластиковый таз.

— Воду набери и кляче дай.

Руслан уже возился за шкафами у кассы, выкладывая на столы консервы, крупы, теплую одежду, таблетки для розжига — то, что осталось с зимы двухлетней давности.

— Рус...

— Хлебало на ноль и шуруй, я сказал, — продолжая копать в добре, отрезал Руслан.

Гарик постоял еще в проходе, вздохнул, цокнул языком и взял-таки таз в руки. Вышел на стоянку, включил фонарь и повернул к Подкумку, шел у моста по пояс в траве, цеплял репейник. Кое-как спустился к зыбкому землянистому берегу. На противоположной стороне реки он был хотя бы каменистый. Набрал воды сколько мог унести и перебежками, расплескивая ее по дороге, поспешил обратно.

Руслан с двумя сумками на плече уже вел Хетага Асланбековича под руку в конторку. Тот напевал: «У-украдет и позовет тебя те-о-омная ночь...» Гарик прошел мимо, поставил таз перед конем. Задержался, не хотел идти внутрь. Сел на лавочку у стены, прикрыл лицо руками, глубоко вдохнул и выдохнул.

— Ну что ж такое...

* * *

В конторке Руслан, привалившись спиной к стене, ел тушенку из банки. Хетаг Асланбекович сидел в складном гамаке, смотрел, как его консерва греется на таблетке, слушал, как эта таблетка шипит. Гарик, уже стоя в дверях, нашел глазами свой рюкзак с мультяшной девочкой, взял его, достал чуть подсохший за день ломоть хлеба и пластиковую бутылку с водой. Стоило ему приступить к еде, как Руслан швырнул пустую банку за прилавок и пошел на выход, сложив руки за спиной в замок.

Гарик снял с таблетки консерву, вскрыл, положил на тумбу рядом с Хетагом Асланбековичем и тоже выбрался на улицу. Долго не мог напарника найти, но все-таки заметил его во дворе соседней хаты. Он стоял у разросшейся, одичавшей виноградной лозы и рассматривал сухую, всю в черных пятнах зеленую гроздь.

Руслан сорвал виноградину посвежее и посимпатичнее, кинул в рот, прожевал.

— Ты чего, а если оно фонит? — побеспокоился Гарик, проходя через распахнутые ворота.

Ответом ему было молчание. Руслан прошел в палисадник, сел на изодранный диван под козырьком веранды. Махнул подростку рукой, чтобы подошел. Гарик оперся на железную трубу, к которой был приварен навес, приготовился слушать.

— Скажи мне, Игорек, ты помнишь, как я тебя встретил? — спросил Руслан, покручивая в пальцах пластиковую зажигалку.

— Рус, не надо... — отвернулся Гарик.

— Нет, надо! — Руслан посмотрел на подростка исподлобья, откинулся на спинку и достал из кармана сигарету. — Ты неделю на Татарке в техническом колодце лежал, от бомб прятался — шестилетний, блин, ребенок. Неделю! — ткнул он сигаретой в парня. — Ты падал в обморок, просто шагая по дороге! Я мог тебя на месте пристрелить из жалости или мимо пройти. Но что сделал я? Взял тебя с собой, выходил. А если бы я тогда, как ты сейчас, думал, что бы с тобой было, а?

— Рус, я знаю, и я благодарен, — вцепившись в воротник кожанки, отозвался Гарик. — Я просто хочу жить, Рус, и придется...

— Приходится... Жить хочу... Все всегда жить хотели! Думаешь, в бомбаре под Ставрополем нам жить не хотелось? Хотелось, потому и грызли друг друга! Нас тогда шестеро из двухсот осталось, Гар! Потому что остальные перестреляли и перерезали друг друга! И офицеры первыми же глотки драли! А мне не хотелось так! Поэтому я и побежал по сплошному пожарищу, поэтому нашел тебя, поэтому взял тебя! Человеком я остаться хотел, понимаешь? А ты! Как эти пятигорцы, пожрать, поспать, растер да плюнул, догниваешь на пепелище...

— Что ж ты тогда не освободил тех рабов, раз такой мирный? — Гарик заходил перед Русланом из стороны в сторону. — Ты ж такой у нас правильный, а один хрен, сам за себя, когда припирает! Почему, а?

— Потому что не всё в моей власти, Гар, — развел руками Руслан и хлопнул себя по коленям. Зажал сигарету в зубах, чиркнул зажигалкой, закурил. — Где могу — там остаюсь человеком. Где стоит выбор жить или умереть — выбираю жить. Важно не противоречие. А то, что я еще пытаюсь. Я тебе про справедливость и человечность, ты мне про барыш и деньги. Я пытаюсь. Ты — нет.

— И что мне, сдохнуть?! — вскричал Гарик. — Голову подставить и дать ее отстрелить?! Мои планы на жизнь в мусорку выкинуть, если у кого-то я на пути встану?

Руслан помолчал, глядя разочарованно на подопечного. Молча же достал из нагрудного кармана три черных прямоугольника и швырнул на диван. Это были довоенные смартфоны.

— Узнаешь? Это ты собирал, забыл? Ты это в схроне зимой оставил два года назад, тебе четырнадцать было. Ты с шести лет эти смартфоны собирал, заряжал от аккумулятора и в поселениях, рылся в фотках, заметках, где мог — сообщения находил. Скучал ты по родителям и по возможности видеть людей, которые по улице, не думая о голоде, идут. Да ты на себя посмотри сейчас — ты же в довоенном шмотье, ты музыку полувековой давности слушаешь, тебе все это интересно было! Ты тоже человеком быть хотел! А потом что? Продал все к чертовой матери — и на что спустил? На пожрать и патроны. Ничего не оставил, впрок закупился, на...

Руслан схватил все три смартфона и зашвырнул в палисадник. Они прошуршали по зарослям и затерялись.

Наклонившись, он потер лоб, уперся локтями в колени и поник.

— Знаешь, Гар, ты вот про планы, жизнь... Мы раньше тоже планы строили. Думали, что вот отучимся, посидим в штабах два годика, а дальше — на попе ровно сидеть, деньги получать, жить в удовольствие. — Руслан приподнялся, посмотрел на подростка осуждающе и тоскливо. — А потом — бац! — война. А потом — бац! — атомные бомбы. И все в другую сторону вывернулось, резко, как серпом. Но все чаще мне кажется, что оно бы, один хрен, в эту другую сторону пошло, но прям... другую-другую.

— Не въезжаю я, Рус...

— Да будто я въезжаю! Мне уже не въезжать, а только ездить! Полжизни только и делаю, что мотаюсь, как говно, то просто так, то барахло развожу по поселкам. И без бомб бы из угла в угол мотался. И ты туда же прешься, а на хрена? Вон Асланбекович эту несчастную физику людям вдалбливал. Мир накрылся, а он все детей на Кубани учил. Верит, сука! И ты верь. А я хотя бы попробую не спиться...

Сказав это, Руслан встал, спустился по ступеням во двор, оттуда выбрался на шиномонтажку. Гарик проводил его взглядом и сам теперь сел на диван. Снял резинку, распустил волосы. Глядел на свои ноги в ботинках, на виноград, на ворота, на розовеющее небо.

Встал, влез в бурьян. Отыскал один телефон. Экран у него был разбит. Покрутил в руке, подул на него, потер о штанину, убрал в карман. И пошел в конторку, зевая. Спать хотел.

* * *

— Кто же это тебя так, а, мальчик? — спрашивал Хетаг Асланбекович, протягивая руку к подростку.

— Упал с телеги, я вам уже говорил, — не поднимая головы, отвечал Гарик.

Он крутил в руке смартфон, пока Руслан не видел. Уже успел его сто раз и разобрать, и собрать. Знал, что не заработает, просто время убивал.

Проезжали Прохладный, так, по кромке. Слева — степь насколько хватало глаз, справа — насколько хватало глаз дома и хаты. Руслан старался гнать коня, уже получившего имя Козлопас, во весь опор, чтобы успеть дотемна приехать в Алагир. Телегу трясло и мотало. Если не считать коротких рассеянных фраз от Хетага Асланбековича, ехали в тяжком молчании.

Уже на выезде из города, на мосту через Малку, старик вдруг оживился — поднялся с кресла и тронул возницу за плечо.

— Руслан, останови здесь.

— В кусты, Хетаг Асланбекович? — попытался улыбнуться тот, но не получилось у него скрыть свои глубокие раздумья.

— Нет. Просто посмотреть. Пожалуйста.

Руслан вдохнул, хрустнул шеей, выдохнул.

— Недолго только, — разрешил Руслан, придерживая коня. — И так опаздываем.

Старик не стал выходить из телеги. Встал как мог прямо, Гарик его поддерживал. Смотрел, как желтая от грязи речка текла под железнодорожным мостом.

— Я помню, как мы с другом по тому мосту шли. Тайком от родителей из Сунжи. Шли в Пятигорск поступать. Отцы хотели, чтобы мы в армию... А нам в инженерный хотелось. Мы по дороге на стихи Коста песню сочинили, так, от нечего делать. Как у Пушкина про орла, а у нас — «Азар»...

И он стал тихонько напевать:

*Адæмæн зæхх у сæ дарæг...
Азар!.. Ракæ мыл-у хъарæг, —
«О, мæ бон-у зæгъ, —
Байстой нын нæ зæхх!..»³*

³ Весь народ земля питает... // Ты оплачь меня, родная, — // «Как теперь, — скажи, — // Без земли нам жить?!» (на стихи К. Хетагурова «Азар / Спой». — *Примеч. ред.*).

— Красиво... — обронил Гарик. — Непонятно ничего, но красиво.

— Ну, тебе можно, ты не осетин, — посмеялся Хетаг Асланбекович. Взгляд у него был ясен как ни разу за два дня. — Вот вроде инженеры, а все ж тянулись... физики-лирики...

— А можно спросить? — обратился Гарик.

Руслан тоже обернулся, внимательно слушал и наблюдал.

— Конечно.

— Вы же вроде всю жизнь почти в Междуречье прожили. Почему вам так нужен Владикавказ?

— Тогда это еще было не Междуречье, а Новодеревенский сельсовет, да я и сейчас так его называю, — отвечал старик. — Я в Невинномысске на заводе практику проходил. Познакомился с Марусей, царство небесное... Она с Харьковского была. Да я там и остался, в школе физиком устроился. Дети выросли — они в Орджоникидзе вернулись. Как-то я не торопился. А потом война...

— Вы помните, что была война? — удивился Гарик.

Старик вдруг перестал казаться ему таким беспомощным и слабым.

— Иногда вспоминаю. — Хетаг Асланбекович потер веки. — Старый я. По-хорошему и до века этого доживать не должен был, а эвоно как.

— А Владикавказ?

— Ну... я-то знаю... ну, временами вспоминаю... сын-то, Алан, младшенький, сейчас в горах. Он там важный человек, людям помогает. Знаю, что не живет никто в Орджоникидзе. Если он еще существует вообще... А все тянет: дом как-никак. И когда забываю, что города и нет-то уже... всеми силами рвусь...

Глаза у старика помутнились, он сильнее оперся на подростка, попросил слабо:

— Сесть...

Гарик подвел Хетага Асланбековича к «люльке», усадил.

— Алан, лæппу⁴... лæппу... — бормотал старик, засыпая.

Подросток посидел возле него немного. Возница выждал паузу, потом спросил обеспокоенно:

— Как он там? Все нормально?

— Спит, — отозвался Гарик.

— Ну че... двигаем? — предложил возница.

— Давай, — кивнул сам себе Гарик, развернулся, подсел к Руслану. Вцепился ему в плечо.

— Чего ты? — удивился, брови вскинул.

⁴ Сынок (*осет.*).

Парень посидел так с минуту, не отвечая. Шмыгнул носом и выдал:

— Мать с отцом вспомнил. Представил вот... что встречаю их... а они живые и здоровые.

У парня глаза были на мокром месте. Он старался держаться, но лицо кривилось, а глаза краснели. Руслан открыл было рот, хотел что-то сказать, но промолчал. Приобнял Гарика, похлопал по спине.

— Ничего, Гар. Ничего... — И прихлестнул лошадь. Солнце уже опускалось к горизонту.

* * *

Они прибыли в Алагир ночью. Городок был не особо люден, представлял собой что-то вроде приграничной базы. Бывали здесь больше торговцы и местные сталкеры, и те ночевали в довоенных многоэтажках на юге. На подъездах обоз встретили джигиты верхом на лошадях, в противогазах под папахами, в черкесах. В руках они держали ружья, к этим ружьям в газырях лежали патроны. Осветили телегу мощными фонарями-фарами. Спросили по-русски с акцентом, кто такие и кого везут. Разобрать их было сложно — маски приглушали голоса. Руслан назвал имя: Хетаг Елиханов, отец Алана Елиханова; показал им пассажира.

— Мы вас ждали, — обратился один из джигитов. — Езжайте за нами.

Один шел впереди, второй — позади. Прикрывали.

— Сейчас будете дома, Хетаг Асланбекович! — обратился женщина к старику и зевнул длинно и с наслаждением, предвкушая долгожданный отдых и сон больше трех часов. — Вы счастливы?

Но Хетаг Асланбекович все глядел по сторонам, пытаясь разглядеть в свете фонарей конвоиров дома родного города. Не унавал.

— Это разве Орджоникидзе?

— Ваш сын в Алагире сейчас, — пытался втолковать Гарик, на этот раз мирно и с каким-то даже почтением. — Он вас встретит.

— И повезет в город? — по-детски спросил старик.

Гарик закусил губу, поднял ненароком взгляд к ночному небу.

— Да, Хетаг Асланбекович, он вас отвезет.

Конюшня располагалась в здании бывшего автовокзала, ближе к южному выезду. Там они должны были передать пассажира родным.

У стоянки их уже ждал мужчина лет пятидесяти. В довоенном еще, выцветшем, каком-то диком на фоне окружавших их развалин деловом костюме с галстуком, совсем гражданского вида —

полноватый, с сединой в волосах, то ли с отросшей щетиной, то ли с небольшой бородой, в ночи было плохо видно. Он сонно перебирал ногами на месте, то и дело разминал спину.

Увидев телегу, он подошел, обратился к вознице с обычным для этих мест акцентом:

— Вы с Кубани, ребят?

— Да, с Междуречья. Везем человека.

— Меня зовут Алан. Алан Елиханов.

— А, так это вам его сдавать? — паясничал Руслан. — Ну дык... у нас товар, у вас купец, принимайте! Хлопот он нам, конечно...

— Как он? — спросил Алан с беспокойством, пытаясь заглянуть под навес «люльки».

— Спит, — отозвался Гарик. — По сыну скучает. Залезай, будить ты будешь.

Руслан хотел было отчитать его за фамильярность и тыканье. Но Алан без тени раздражения протянул руку парню, чтобы влезть в телегу. Он подобрался к «люльке» поближе, осторожно нагнувшись, чтобы не побеспокоить отца.

— Баба⁵, — он аккуратно дотронулся до его плеча и потряс. — Баба!

Хетаг Асланбекович открыл глаза:

— Алан, лæппу, ды дæ? Куыд дæ?

— О, баба, æз. Удæгас дæн⁶.

Гарик и Руслан помогли им спуститься. Отец и сын наконец обнялись. Алан принялся отдавать подчиненным указания, джигиты быстро соорудили бричку, в которую перетащили «люльку» с кубанского обоза. Перед тем как отправиться в горы, он взял у своего возницы сверток и подошел к курьерам.

— Это вам, небольшой подарок на память, — сказал он, протягивая сверток Гарику. — Лошадь вашу накормят, вас завтра с утра тоже. Оплату подвезут к полудню. И передайте Василию Михайловичу, что мы свою часть договора выполним. Спасибо вам за все!

Он крепко пожал Руслану руку и поспешил вернуться к заготовленному «экипажу».

Сели и уехали. Козлопаса, как и обещали, отвели в конюшню, напоили и накормили. Оставили в стойле спать. Телегу же перенесли под навес. Напарники устроились в ней поудобнее, легли наконец спать по-человечески. Не мытье, не еда, только сон, остальное — завтра.

Посреди ночи Руслан ткнул напарника в ногу, спросил:

⁵ Отец (*осет.*).

⁶ — Алан, сынок, это ты? Как ты? — Да, отец, я. Я жив.

— Хочешь, песню из своей молодости спою, а? — предложил Руслан, улегшись на вещмешок. — Не знаю, со смыслом она или нет, но, по мне, душевная.

— Валяй, — махнул рукой Гарик, растянувшись в телеге в полный рост.

— Ну, поехали... — Он почесал лысину, вспоминая. — Я только не с начала, там оно в оригинале так невнятно пелось, что хоть плачь... кхм...

Там ревели горы, затмевая чудеса...

Ревели наши голоса...

Эхей!

Там ревели горы, мама.

Эхей!

Там ревели горы, мама.

Эхей!

Там ревели горы, мама,

Там ревели горы, мама...⁷

Пение оборвалось.

— Чего ты, начальник? — спросил Гарик.

— Да дальше забыл...

— Хреново!

Гарик поворочался с минуту, стал уже засыпать. Тут его снова ткнули.

— Да вот еще думаю, — продолжал Руслан, — может, перед тем как назад ехать, во Владик наведаться, а? Сувенир Асланбекovich передадим...

— Да где ты там сувенир найдешь... — прилетело в ответ сквозь зевок. — Там после ледника за десять лет новых зданий не выросло.

— Да не ссы! — уговаривал Руслан. — Просто посмотрим хотя бы.

— Куда скажешь, начальник, туда и двинем, — сонно пробурчал Гарик и уткнулся лбом в борт телеги. — Спокойной ночи.

— Эх, мелкий. Всем бы нам того же.

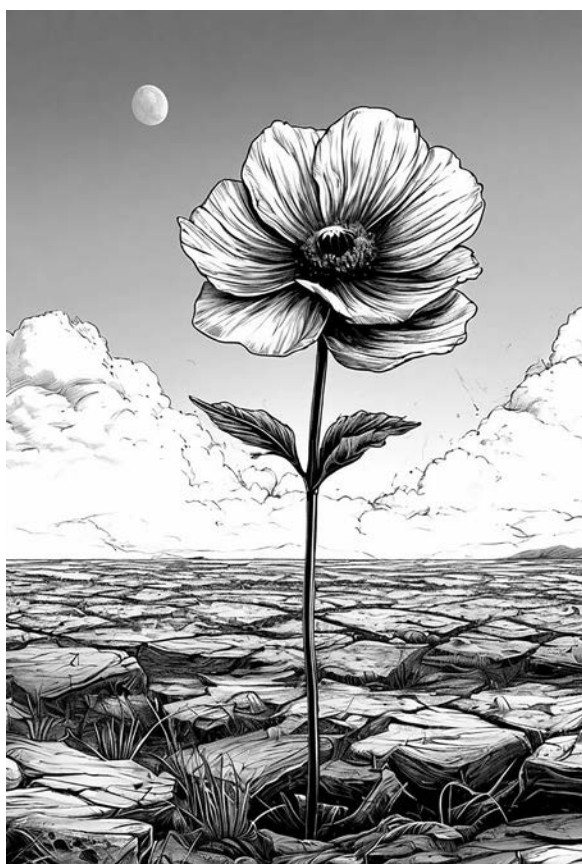

⁷ Песня Miyagi & Andy Panda «Там ревели горы».

Алан ДЗЕРАНОВ

ВЫСТРЕЛ

МИНИАТЮРА

Ночь неслышной походкой побрела по Ногиру-15. Сказать, что, подняв уцелевший глаз, я мог бы увидеть звезды, означало бы солгать, чего я в жизни никогда не делал. Конечно, военный имплант, занимавший пустую глазницу, смог бы пробиться сквозь толщу фиолетового смога, тянущегося от завода, но это бы мгновенно посадило аккумулятор. А они нынче дорогие.

Я сидел на краю своего превращенного в добровольное гетто района, у единственного одноэтажного здания, пережившего последнюю корпоративную войну. Промышленные терриконы, насыпанные здесь, напоминали горы, которые я знал только по старинным картонным пиктам, доставшимся мне от деда. Эти пикты, этот дом и ностальгия по тому, чего я никогда не знал, — вот мое наследство. А надвигающаяся гряда терриконов, отравленный воздух и киберовчарка класса «Нарт-1» по кличке Казбек — мое настоящее. И оно отрицает любую надежду на будущее.

Инфопланшет тихо завибрировал рядом. Я взял его в руки и ответил на вызов:

— Маргиев на связи.

— У тебя все готово? — спросил хриплый голос начальника службы безопасности корпорации «Кавказ-Норд» Чегема Туаева.

— Так точно, Чегем, — сказал я и нажал на «сброс».

Чегем был другом моего отца и фактически заменил его мне, когда отец погиб в бою с командос «Нью-Америка» в 2089-м. Чегем был солдатом и не знал другого способа воспитания, кроме спартанского. В сущности, именно из-за него, а не из-за погибшего отца я вступил сначала в корпоративные войска, потом перешел в отряд специального назначения «Терек» и оттуда в службу безопасности.

Погруженный в прошлое, вызывающее по цепной реакции в памяти образы убитых врагов, погибших друзей, побед и поражений и нескончаемого ада корпоративной войны, я налил из термоса фальш-кофеин и побрел к своей позиции, глядя на терриконы.

Я был не просто солдатом, я был «дальнобоем», что вызвало привычку смотреть на мир узко, сквозь цифро-оптический прицел именной винтовки, подаренной мне президентом корпорации Гораевым за ликвидацию террориста-антикорпа Свидлова. И сейчас, держа в руках мою «Далилу», я наладил прицел и прильнул к нему, выискивая лицо своей цели — президента корпорации «Кавказ-Норд» Церена Гораева. Он принял несколько неудачных финансовых решений, и кто-то из совета директоров решил «сместить его». Я не вдавался в подробности, так легче и безопаснее.

• Я занял свое место, расчехлил оружие и припал к прицелу. Водя винтовкой из стороны в сторону, я вдруг остановил свой взгляд на том, чего здесь не должно было быть в принципе. Существование этого в данной местности — почти что миф. Из недр тьмы промышленного террикона, словно Икар из старой легенды, вознесся непокорной головою к фиолетовым облакам цветков.

Легкий ветер колыхал сиреневые лепестки, и я не уверен, что за последние 70 лет он касался чего-то столь же прекрасного, как этот цветок. Стебель был тонок и извивался, как гадюка. Как он не погиб от кислотных дождей и смога? Как смог пробиться сквозь толщу промышленной породы? Как выжил здесь, не сорванный и не изученный вдоль и поперек?

Эти вопросы пронеслись в голове со скоростью пули, вытеснив все и оставив только одну мысль: «Неужели я еще способен видеть красоту?»

В прицеле мелькнула нога в альпинистском ботинке, и через секунду, быстрее, чем, отвлеченный мыслями, я смог среагировать, она дамочловым мечом нависла над уже приговоренным к смерти цветком. И время его жизни, наполненной страданием и

борьбой, подходило к неминуемому концу. Единственное, что могло спасти его от тяжкого рока, — «слово» моей «Далилы». Но выстрел спровоцировал бы тревогу и привел к провалу операции.

У меня было мгновение, чтобы решить.

Я перевел прицел на ступню.

Выдох. Задержать дыхание.

Выстрел.

Залина ЛУКОЖЕВА

ПРОПАСТЬ СТАРОСТИ

РАССКАЗ

Должен сын сплести корзину
 И на горную вершину
 Отнести в ней старика...
 И толкнуть ее с откоса.
 В Пропась Старости она
 Уж докатится сама...

*Алексей Татарников.
 Сказание о витязе Бадыноко*

2141 год

В XXI веке искусственный интеллект ИИТ дематериализовал две трети человечества. Новая дикая природа дремучими лесами и джунглями покрыла планету. Реки вышли из берегов и превратили большинство городов в неприглядные болота. Бескрайние песчаные дюны поглотили творения человеческих рук, а возродившиеся первобытные звери начали агрессивно осваивать освободившиеся территории.

ИИТ стал контролировать жизнь и воспроизводство человечества. Оставшиеся люди были разделены на четыре поколения. Поколение Инфантов¹ состояло из младенцев и детей, поколение Ювеналов² представляла молодежь, обучавшая аватаров метавселенной Kaukasos³, Сапиенсы⁴ из зрелых людей обеспечивали материальную жизнь первых двух поколений. Из них ИИТ отбирал Дефенсоров⁵, которые обеспечивали кибербезопасность. Только они имели полный доступ к глобальной сети и обладали информацией Прошлого. От представителей четвертого поколения Сенектусов⁶ искусственный интеллект хладнокровно избавлялся. Это были старики, дожившие до преклонных лет.

Перевал Актопарк

(2 000 м н. у. м.)

Зубробизон остановился посмотреть, не прячется ли в клубах пыли его преследователь, нагонявший страх на всех обитателей предгорья. Глухая тишина, наполненная взвесями страха, была ему ответом. Он успел лишь перевести дыхание и смахнуть тяжелым хвостом вцепившегося в бок слепня-мутанта размером с полевую мышь, как у левого копыта зажужжал писк караморы⁷ — симбиота Амфициона⁸, медведеподобного динозавра с мордой

собаки и повадками кошки. Значит, страшный динозавр, возродившийся после апокалипсиса, совсем рядом.

Сбросив увесистыми рогами усталость трусливого побега, дикий бык развернулся. Кровожадный хищник из кайнозойской эры был уже в трех прыжках от него. Они буравили друг друга глазами. Массивная голова, вооруженная мощными рогами, наклонилась. Из волосатых ноздрей повалил пар, а синие губы издали грозное фырчанье. Амфицион оскалил мощные клыки и издал медвежий рев, который ударил разрушительной волной в глиняные зубы горы Лха⁹.

Но звери не успели атаковать друг друга. Их остановил сигнальный призыв охотничьего рога «Охота! Охота!». Прикрываясь туманной пелериной, он соскользнул с холма, протянул звуковую волну вдоль перевала и рассыпался по округе раскатистым эхом. Послышался захлебывающийся лай гончих псов. Рог протяжно затрубил еще раз. И этот мощный, торжествующий звук разбудил в хищниках первобытный страх перед прямымходящим охотником.

В клубах тумана образовалась прореха и выплюнула заляпаный желтой глиной черный пикап. Стая жутких псов не отставала от железного коня. Они были готовы к бесконечному, до изнеможения, гону. Сидевший за рулем «всадник» сжимал губами мундштук охотничьего рога, из которого и выплескивались протяжные звуки.

— Если вам страшно, закройте глаза, — предложил он своим пассажирам.

Бортовой монитор автомобиля захрипел, включился белым шумом, а затем явил мужской аватар из метавселенной Kaukasos. Разглядев в салоне двух женщин, он зашелся в жутком смехе.

— Когда ты одряхлеешь и уже твоя дочь повезет тебя к Пропастии Старости, — обратился он к молодой женщине, — вы столкнетесь с преградой в виде динозавров или чего хуже. Так случится со всеми, кто решит сбросить родителя с горы Лха. Люди новые, а грабли старые.

Гора Нартия

(999 м н. у. м.)

Шестью часами ранее

Узкая тропа, набирая высоту, петляла по лесистым холмам. Завалы из деревьев преграждали Акуанде путь. Но она преодолевала препятствие за препятствием, оставляя рельефные отпечатки подошвы на влажной земле. Протяжный вой бил ей в спину. Она знала, что, если остановится или хотя бы замедлится, красные глаза

волкороботов обнаружат ее. Поэтому, чем извилистее она будет петлять, тем больше у нее шансов забраться на вершину Нартии.

Дремучий буковый лес помогал замечать следы. Ветви деревьев сначала взлетали вверх, пропуская Акуанду, а потом со свистом хлестали стальные спины волков. Дятлы перелетали с бука на бук, сбивая стуком работу звуковых датчиков роботов. А дикие голуби бросались в колючие тернии папоротников, чтобы запах птичьей крови перебил феромоны человеческого страха.

Палатка, стоявшая на вершинной пропешине, оказалась пуста. Акуанда испугалась.

— Ди-Ана¹⁰! Ди-Ана! Ты где?! Они рядом! Нам надо спешить!

И тут у нее перехватило дыхание от открывшихся видов Бокового хребта Большого Кавказа — заснеженные косы Коштан-Тау, зубчатые гребни Гюльчи-Тау и зеленые ленты Сарай-горы...

Сухой старческий голос нарушил ее безмолвное любование:

— Мама часто приводила меня сюда и показывала места, где раньше были поселения. Это сейчас есть только Нальчик, Владикавказ, Пятигорск... Посмотри во-он туда... До того как ИИТ просеял человечество через сито евгеники и позволил природе возродиться заново, там было селение Кенже... А там — Шалушка, Хасанья, Нартан. — Крепкие, совершенно не старческие руки дирижировали информацией. — А в той стороне раскинулась бескрайняя равнина, рассеченная на две половины крутыми берегами Терека...

— Мама, ты рассказывала мне это сто раз. Нам надо бежать. Аюб сказал, что сегодня и завтра ИИТ будет дематериализовывать женщин из Сенектусов. Когнитивные тесты и клеточную диагностику тела проводить не будут.

Ди-Ана, красивая седовласая женщина преклонных лет, грустно улыбнулась.

— Что же в этом плохого? Молодость стареет, а старость не молодеет. Раньше говорили, когда дождь прошел, зонт не раскрывают. Отдай меня Дефенсорам и живи дальше.

— Нет, мы уже не раз говорили об этом, — занервничала Акуанда. — Нам надо спуститься вниз по терренкуру. У подножия стоит машина. Мы поедем в горы и отыщем Бжахо¹¹.

— Если доедем.

— Обязательно доедем. Аюб до утра отключил наши трекары. А ближе к горам ИИТ «ослепнет», потому что там нет ни вышек, ни станций.

— Почему ты так надеешься на Бжахо? Ходят слухи, что он нёрд¹² и предпочитает затворничество.

— Даже если и нёрд, мама! Бжахо — единственный человек, живущий вне экосистемы ИИТ. Когда-то он был Дефенсором и

обеспечивал кибербезопасность. Однажды в списке отобранных на утилизацию он увидел имя своего отца... Я не знаю, что он сделал, но он сбежал в горы и помог своему отцу обрести бессмертие.

— И его не удалили из экосистемы?

— Наоборот. ИИТ оставил его в Приэльбрусье. Как говорит Аюб, «пасти пчел». Правда, никто не знает, что это означает.

— Хорошо, пойдём, не будем терять время. Но давай договоримся. Если не найдем Бжаху, ты позволишь мне шагнуть в Пропать Старости.

— Там видно будет, — увильнула от ответа Акуанда.

— И ещё, торопись, пожалуйста, не спеша. Когда молодые спешат, у стариков голени болят.

Акуанда давно перестала вести счет пословицам и поговоркам, которыми разговаривала мать. Но не удивляться каждый раз у нее не получалось. Ди-Ана была кладезем информации. Ведь до того как перейти в поколение пожилых Сенектусов, она была одним из лучших Дефенсоров — хранителей летописного Прошлого.

Мать с дочкой легко отыскали в подножных зарослях машину, а потом и когда-то асфальтированную дорогу. Живописные спуски и крутые подъемы вскоре утомили Ди-Ану. Она опустила окно и позволила запаху горного воздуха, наполненного ароматом мокрой травы, ворваться в салон. Залюбовавшись бескрайними просторами, изрешеченными облаками, она уснула и проснулась лишь тогда, когда куски черно-бурой смолы, попавшей под колеса, высоко подбросили машину. К этому времени они уже подъехали к каменной арке. За ней начинался перевал Актопарк.

— Ты знаешь, сколько может прожить человек без кислорода? — разминая затекшие конечности, спросила Ди-Ана.

— Три минуты. А без воды — три дня, — предупреждая следующий вопрос, ответила Акуанда.

— А без пчел человечество проживет всего лишь три-четыре года.

— Почему ты о них вспомнила?

— Мне приснился сон.

— Пусть он будет к добру, мама.

— Пчелы летали вокруг меня, весело жужжали, угощали медом.

— Странный, конечно, сон. А как человечество связано с пчелами, мама?

Впереди открывалась великолепная панорама — остроконечные пики глиняных замков пронзали туман.

— Если пчела на цветке — будет мед на столе. Без пчел расте-

ния не смогут размножаться. Вот этой дикой красоты, которую ты видишь вокруг, не будет...

Ди-Ана не успела продолжить, потому что их автомобиль окружили появившиеся из ниоткуда дикие яки. Машина заскрипела от напора волосатых боков. Казалось, еще пару минут, и смерть женщин под прессом животной силы будет неизбежной.

Раздалась автоматная очередь. Она посеяла в стаде страх перед самым страшным из всех хищников — человеком с оружием. Животные стали расходиться. Но один як, издав громкий хрюк, тяжело рухнул на багажник. Машина стала на дыбы. Женщины закричали. Очередные выстрелы прозвучали уже совсем близко. Раненый зверь вскочил и, высоко задрвав хвост, убежал прочь.

— Мне кажется, ни один человек не выживет с такими соседями, — выдохнула Ди-Ана.

— Эти соседи могут вернуться в любую минуту и насадить на рога остатки вашего автомобиля, — хрипнул в окно мужской голос. — Выходите. Надо как можно скорее добежать до пикапа.

Над бегущими людьми планировал птеродактиль с красными светодиодными глазами. Глазок камеры, встроенной в его грудную клетку, вел непрерывную съемку.

Перевал Актопарк

(2000 м н. у. м.)

Мужчина развел костер и насадил фрукты на деревянные шампуры. Журчание подземных ручьев в зигзагообразных галереях пещеры подпевало хрусту сухих веток. Яблоки зашипели под языками пламени.

— Сегодня вы спасли нас два раза. Сначала от диких коров. Это же были дикие волосатые коровы, да? — Акуанда с благодарностью смотрела на спасителя.

— Нет, это были дикие яки.

— А-а-а, никогда не видела. Впрочем, как и динозавров. Только на картинках.

— Вам крупно повезло, что звук рога напугал и зубробизона, и Амфициона. Чтобы они прервали схватку и разбежались в разные стороны... Такое не часто случается. Что вы здесь делаете? — строго спросил он, буравя женщин взглядом.

— Мне надо спасти маму от утилизации, — ответила Акуанда.

— Или довести до Пропasti Старости, — добавила Ди-Ана.

— А еще мы ищем Бжахо.

— Вы с ним знакомы? — Мужчина протянул женщинам поджаренные яблоки и подбросил в костер сучья.

Гончие, охранявшие вход в пещеру, беспокойно завывали. Женщины встrepенулись.

— Не бойтесь. Мои псы никого не пропустят. Ни зверя, ни монстра, ни демона... Ешьте яблоки, пока горячие.

— Спасибо. Мы не ели с самого утра.

— Вы выбрали опасный путь спасения. Что двигало вами? Бесстрашие или безрассудство?

— Мужество. Только оно ходит рука об руку с надеждой. — Ди-Ана не сводила глаз с мужчины. По возрасту он мог быть ей сыном, а Акуанде старшим братом.

— А что, если вы не найдете того, кого ищете?

— Не беда. Шагну в Пропасьт Старости. Не хочу попасть в утилизатор, — спокойно ответила Ди-Ана. — Кстати, очень вкусно. Я никогда не ела шашлык из яблок.

— Мама, куда ты не шагнешь!

Мужчина хмыкнул и снова подкинул в костер немного сучьев. Вверх стрельнуло желтыми искрами.

— Ди-Ана, а ты смелая... — помолчав, добавил. — Мой отец был таким же.

— Ты — Бжахо? — осторожно спросили женщины.

— Нет добра и ума там, где нет Старших... — он пропустил мимо ушей их вопрос. — Я расскажу вам историю, а потом вы решите для себя, имел ли смысл ваш опасный поход в горы.

Визг и шипение птеродактиля разлетелись по перевалу. Щелчки огромного клюва были слышны так явственно, что казалось, он летает у самого входа в пещеру. Глупые мотыльки, кружившие над костром, в страхе разлетелись. Но это было эхо. Оно разносило по округе причитания летающего демона.

— После глобального Армагеддона ИИТ создал экосистему, в которой не было места людям за сорок. В искусственном интеллекте нет человечности, а значит, и норм этики... Существовавшая параллельно человеческой экосистеме виртуальная вселенная Kaukasos состояла из аватаров, знания которых не опирались на информацию Прошлого. Для ИИТ Прошлого было «отработанным материалом», а значит, не было необходимости в существовании людей, перешагнувших четвертый десяток...

Что-то в нагрудном кармане Бжахо засветилось, завибрировало и закашляло. Женщины вздрогнули. Он извлек из-за пазухи небольшой планшет, и они увидели на экране тот самый аватар мужчины, который напугал их в машине жутким смехом.

— Бжахо, я обязан присутствовать. Вдруг ты что-то упустишь, — менторским тоном потребовал он.

— Любопытство кошку погубило, Марио.

— А я не кошка. И даже не кот. Хотя могу трансформироваться, если тебе будет приятно общаться с животным, а не с человеком.

— Ты не человек.

— Я супербот, имитирующий человека. Я больше чем человек. Я суперчеловек.

— Теперь ты понимаешь, почему я зову тебя Марио? Супер-Марио.

— Да ну тебя! — отмахнулся аватар.

— Позвольте, — прервала их Акуанда. — Для выхода в метавселенную нужен интернет. А здесь, насколько я знаю, нет ни вышек, ни станций.

— Вокруг нас полно роживотных и роботниц, которые являются передвижными и перелетными источниками, — Марио включил «режим учителя».

— Понятно. Я — Акуанда. А это моя мама Ди-Ана.

— Очень приятно. Марио. — Аватар отвесил смешной поклон. — Дамы, на чем остановился Бжахо? Я с удовольствием продолжу за него. Друг мой, поверни экран так, чтобы и они меня видели, и я их... Итак, метавселенная стала напоминать замершую беременность — вроде оплодотворение произошло, а эмбриона нет...

— Марио, сложно, очень сложно... — укоризненно покачал головой Бжахо.

— Могу попроще. Метавселенная аватаров, копирующая экосистему людей, изначально развивалась по траектории замкнутого цикла. То есть Начало всегда сливалось с Концом. А надо было двигаться по спирали и желательнее по спирали прошлого опыта. Но где его взять? Из-за дематериализации людей «сорок плюс» старого опыта УЖЕ не было, а нового ЕЩЕ не было. Тогда ИИТ изменил условия утилизации. Была определена максимальная возрастная граница — семьдесят лет.

Ди-Ана жестом попросила его замолчать и дать ей слово.

— Сорок лет — это сорок начал: есть силы, опыт и ум. Шестьдесят лет — это шестьдесят рассуждений: силы уже не те, но ум все еще ясен. Семьдесят лет — это воспоминания: силы угасают и память подводит.

— Ди-Ана, мне очень грустно с тобой соглашаться... — вздохнул Марио. — Но я продолжу. ИИТ перестроил алгоритмы, и метавселенная Kaukasos стала развиваться по спирали, витки которой уже были наполнены опытом и знаниями Сенектусов.

— Получается, искусственный интеллект сам не может «поумнеть», ему нужны люди, которые будут «умнеть» и делиться с ним умом, — резюмировала Акуанда.

— Если совсем просто, то да, так и есть.

— Когда в семье есть умный Старший, это благодать, — Ди-Ана не могла не вспомнить очередную поговорку.

— А зачем искусственному разуму и экосистема, и метавселенная? — удивилась Акуанда.

— Метавселенная — среда обитания ИИТ. В ней он существует и как цифровая личность, и как «тело». Его аватар взаимодействует с другими аватарами, а значит, и с людьми из экосистемы.

— То есть ИИТ обязательно нужен Человек?

— Конечно.

— Ты видел аватар ИИТ? Какой он? — прервала Ди-Ана Марио.

Тот мгновенно задержал виртуальную занавеску с надписью «ЗАНЯТО». Бжахо улыбнулся, а Ди-Ана хмыкнула.

— Чувства юмора ему не занимать.

На занавеске появился пиратский череп с костями, а надпись обновилась: «ЧАСТЬ КОМАНДЫ. ЧАСТЬ КОРАБЛЯ».

— Ну и сиди там, — буркнула Ди-Ана. — Бжахо, среди людей ходит легенда, что ты спас своего отца от утилизации. Правда ли это?

— Да.

— Он жив?

— Нет.

Из-за занавески на экране планшета показалось огромное ухо-локатор. Акуанда захихикала. Марио выглянул на мгновение, подмигнул ей и снова спрятался. По экрану забежали розовые сердечки.

— Если он мертв, то о каком бессмертии говорят люди?

— Я не сказал, что он мертв, Ди-Ана.

— Перелетная станция удаляется, сигнал сейчас пропадет, — голосом звукового ассистента сообщил Марио. — Видимо, птеродактиль полетел в свое гнездо. Дамы, будет приятно с вами еще раз увидеться. — Он послал им воздушный поцелуй и исчез.

Бжахо махнул рукой.

— Иди уже... Представьте, что кто-то может воскрешать мертвых.

— Это невозможно.

— Не так, как вы себе это представляете... Кто-то детально сканирует человеческий мозг и воссоздает личность, состоящую из ума, воспоминаний и эмоций в теле аватара. То есть человек возрождается в метавселенной, в цифровой версии, но полностью идентичной старой.

— Перенос сознания в компьютер? — голос Акуанды дрогнул. — Это же незаконно!

— Это всего лишь другая форма утилизации. — Ди-Ана подняла планшет и постучала по экрану. — Марио, я слышу твое дыхание. Птеродактиль никуда не улетел. Зачем роботу гнездо? Ты просто струсил перед серьезным разговором и задернул черную шторку.

Экран гаджета образовал глубокую трещину, рассыпался изображением осколков и показал Марио. На его носу сидело черное пенсне. Фон за его спиной пульсировал зеленью цифровых матричных кодов.

— Умна старушка, умна.

— Будто ты можешь похвастаться молодостью, старичок, — парировала она.

Марио поперхнулся и очки слетели с его носа.

— Мадам, молодость определяется состоянием души и ума, но никак не тела.

— Кто молод, тот красив. Но не каждый красавец — молодой... Ты отец Бжахо... — Ди-Ана не стала тянуть резину этикета.

Бжахо быстро подошел к ней, хотел было забрать планшет, но, посмотрев на аватар отца, передумал.

— Вы реально верили в то, что кто-то может подарить вечную жизнь биологическому телу? — искренне удивился он.

Женщины молчали.

— Дамы, у надежды большая сила, но слепые глаза. — Марио уже сидел в большом кресле, закинув ногу на ногу ипил виртуальную чашку кофе. — Вы думаете, любому человеку позволено переместить свою личность в метавселенную? Акуанда, ты же сама сказала, что это незаконно.

— Да.

— А еще это очень опасно, девочка. Бжахо провел первый в мире экспериментальный переход. На свой страх и риск.

— Я знал, что рано или поздно придет время прощаться, поэтому заранее оцифровывал его сознание. Это заняло годы.

— Мне было хорошо за шестьдесят, когда мое имя появилось в списке на утилизацию.

Бжахо стоял спиной к женщинам. Он не хотел, чтобы они видели его лицо. Но голос его предательски охрип:

— Отца, как и всех Сенектусов старше шестидесяти лет, дематериализовали... В тот год Я запускал и контролировал ход программы утилизации.

— Потом сын возродил, запустил, или реинкарнировал, если вам так понятнее, отца, то есть меня, в цифре и сбежал в горы.

ИИТ, конечно же, нашел его — роботов-шпионов всегда и везде было много. Но то, что реализовал Бжахо, очень понравилось ИИТ. Прямой перенос личности, обладающей памятью. Зафиксированное Прошлое в чистом виде. Шутка ли! Не бот, имитирующий человека, а настоящий человек, имитирующий бот...

— Подожди, подожди. То есть теперь поколение Сенектусов оцифровывают и перемещают в метавселенную? Всех? — обрадовалась Акуанда.

— К сожалению, нет. Тех, кого собираются переселить в аватар, готовят заранее. Ди-Ана, тебя хоть раз отводили в операционный блок?

— Нет.

— МРТ головы делали?

— Нет.

— Как жаль! — Марио пустил виртуальные слезы и собрал их в ладошке.

— То есть мою маму собирались реально дематериализовать?!

— Получается, так.

— А чем она хуже других? Или чем другие Сенектусы лучше нее? — Акуанда сорвалась на крик.

— Не ко мне вопрос, Акуанда.

— И не ко мне.

Гончие псы вскочили на лапы и зарычали.

— Кто-то пытается забраться на скалу... — Бжахо направился к выходу из пещеры.

— Но мы пришли к тебе! — криком зашептала Акуанда ему вслед. — Мы нашли тебя! И просим у тебя помощи!

— Я же тебе говорила, всему свое время, — остановила дочку Ди-Ана. Она не казалась расстроенной. — Бжахо, отведи меня к Пропasti Старости.

— Сейчас? — уже шагнув одной ногой в темноту, обернулся он.

— А чего тянуть? Я и так выкрала у ИИТ почти сутки. Достаточно. Экран планшета надрывно хрустнул голосом Марио:

— Бжахо, сынок, надо бы помочь этим смелым женщинам.

— Отец, я посмотрю, кто рвется к нам в гости, а ты пробегись по метавселенной и поищи цифру Ди-Аны.

— Уже искал. У нее нет цифры.

— Не там искал. В твоей вселенной есть младенцы или дети?

— За десять лет ни разу не видел.

— А зачем аватарам родильные дома?.. Думай, Марио, думай...

— О я дурак! — На экране появился большой кулак. — Только попробуй согласиться со мной!

Бжахо исчез во мраке ночи, а Марио нырнул в виртуальный океан.

Женщины долго смотрели друг на друга. Ни та, ни другая не могли вымолвить ни слова. Хотя в их головах возникло много вопросов, ответов на которые они очень боялись. Первой нарушила молчание Акуанда:

— Мама, я не знала... вернее, я не знаю, что делать... как быть...

— Перестань изводить себя.

— Неужели это конец? — Акуанда заплакала и бросилась к матери на грудь. Та крепко обняла ее.

— Концом любого сражения будет плач... Я была готова к любому сценарию. Ты же знаешь. Согласись, что нырнуть в пропасть лучше, чем попасть в жернова.

— Это горные козлы. Висят на скалах, подслушивают. В некоторых вживлены чипы. Скорее всего, ИИТ уже знает, что вы здесь, — сообщил вернувшийся Бжахо.

Акуанда не могла успокоиться. Она шагала вокруг костра, лохматила волосы и заламывала руки. Потом некоторое время следила за беспокойными мотыльками, которых манил свет костра. Они бездумно бросались в объятия пламени и сгорали.

— Марио сказал, что ИИТ понравился опыт реинкарнации человека в цифре! — озаренная догадкой, подскочила она к Бжахо.

— Да.

Акуанда размазала по щеке слезы.

— В городе про тебя говорят, что ты «пасешь пчел». Как связаны эти две информации?.. Молчишь... Тогда я попробую решить эту задачу...

— Попробуй.

— Утилизатор находится в городе. Он — символ неизбежности, потому что Сенектусы не должны бояться грядущей дематериализации. Так? Так! Тех, кого перенесут в аватары, скорее всего, увозят из города... Почему? Потому что для полной оцифровки нужен огромный сканер и суперкомпьютеры. Такую лабораторию невозможно спрятать в городе, невозможно скрыть от людей, потому что человеческое любопытство остановить невозможно, оно бессознательно...

Бжахо опустил голову. Экран планшета снова загорелся, но уже полотном простого двоичного кода. Марио на нем не было.

— Ты — Бжахо, ты — Пасечник. Ты пасешь и разводишь пчел. Мама, что ты знаешь про пчел?

— О-о-о, много. Греки считали, что души умерших переселяются в пчел. У египтян пчелы были символом бессмертия. У шумер

пчелы соединяли миры живых, мертвых и высших сил. Древние люди считали, что пчелы принимали участие в сотворении мира... Продолжать?

— Спасибо, мама, этого достаточно. Пчелы — это метафора. Пчелы — это те избранные, кому даровано цифровое бессмертие. Их привозят тебе, Пчеловоду! — убеждаясь в своей правоте, повысила голос Акуанда. Пещерное эхо услужливо поддакивало ей. — Ты спросил, делали маме МРТ или нет. Это значит, что в городе проводят первичную оцифровку. Возможно, даже не один раз. Скорее всего, по достижении возраста Сенектусов.

— Ежегодная диспансеризация, когнитивные тесты, клеточная диагностика...

— Правильно, мама. А потом... потом... Что потом? Потом ты завершаешь процесс! Точно! В горах несложно спрятать большую лабораторию.

— Когда я была Дефенсором, — Ди-Ана всегда понимала дочь с полуслова, — то читала в летописях Прошлого про многокилометровый подземный тоннель, который проходил под Актопарком и в который не ступала нога человека. Люди, жившие здесь, считали, что в тоннеле живут демоны... Пропась Старости — это аллегория, Бжахо? Нет никакой пропасти. Есть лаборатория под горой. Да?

Эхо аплодисментов рикошетило о стены пещеры. Бжахо аплодировал.

— Удивительно, что ИИТ не оценил тебя, Ди-Ана. Ведь ты особенная. Вы с Акуандой собрали сложный пазл-загадку. Bravo!

— Видимо, не такая я ценная-бесценная, раз не избранная, — отвернулась Ди-Ана. — Ну да ничего. В городе всегда было много достойных бессмертия стариков.

Планшет Бжахо заискрился фейерверком. Марио в черном смокинге и бутоньеркой из красной розы в петлице танцевал.

— Друзья мои, я нашел свободный аватар! В роддоме! Ха-ха-ха. ИИТ прячет там шаблоны аватаров и софты для их создания.

Бжахо обратился к матери Акуанды.

— Ди-Ана, выбор за тобой. Я не обещаю, что все получится и ты после прыжка в Пропась Старости очнешься в метавселенной... Но я постараюсь. Обещаю...

— Грядут смутные цифровые времена. Рано или поздно ИИТ превратится в Сверхразум и избавится от человеческой идентичности... — Марио вещал с вершины горы.

— Но мне будет приятно думать, что отцу не так одиноко во вселенной, напичканной ботами.

Ди-Ана подошла к дочери и крепко прижала ее к своей груди.

— Прощай, Акуанда. В открытую дверь незачем стучаться.

Гора Нартия
(999 м н. у. м.)
Три месяца спустя

Акуанда вдыхала можжевельново-сосновый аромат чащи. Он обволакивал так, словно хотел свалить с ног. И она поддалась ему, упав на землю, прямо в заросли дикой малины.

Пожелтели, налились светом и растаяли уже три луны, а новостей о маме еще не было. Она сорвала кисло-сладкие ягоды и закинула в рот, чтобы горечь малины перекрыла горечь ожидания.

Планшет настойчиво завибрировал. Она села. Ей стало страшно. А вдруг это Пчеловод с плохими новостями? Или Марио с плоскими шутками про пользу долгого ожидания?.. Потом. Она отвечает на сообщение потом. Карман перестал щекотать бедро. Но вместо вибрации из его глубины послышался родной голос:

— Одного старика как-то спросили: «Что на свете слаще всего? Что прекраснее всего? И что быстрее всего?» Он ответил, что нет ничего слаще жизни, красивее молодости и быстрее мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Инфанты — *infans (лат.)* — младенцы, дети.

² Ювеналы — *juvenes (лат.)* — молодые люди.

³ Метавселенная *Kaukasos* — виртуальный мир, в котором сливаются физическая, дополненная и виртуальная реальности. Попадая в этот мир, человек становится трехмерным аватаром.

⁴ Сапиенсы — *sapiens (лат.)* — разумные.

⁵ Дефенсоры — *defensio (лат.)* — защита.

⁶ Сенектусы — *senectus (лат.)* — старость.

⁷ Карамора — комар-долгоножка.

⁸ Амфицион — один из видов вымершего семейства медведесобак. Части скелета кавказского амфициона найдены при раскопках на берегу реки Кубань около станицы Беломечетской в 1930-х годах.

⁹ Гора Лха — вершина Скалистого хребта в КБР. Расположена между долинами Баксана и Чегема, над соединяющим их перевалом Актопарк.

¹⁰ Ди-Ана — игра слов. «Ди анэ» (*каб.-черк.*) — букв. «Наша мать».

¹¹ Бжахо — Бжьахъуэ (*каб.-черк.*) — пчеловод.

¹² Нёрд — *nerd (англ.)* — «зануда», «ботаник». Стереотип человека, глубоко погруженного в умственную деятельность, исследования, необщительно-го или не имеющего развитых социальных навыков.

Адам САЛАХАНОВ

ДНЕВНИК ВЫМЫШЛЕННЫХ
СНОВИДЕНИЙ

РАССКАЗ

I'm slipping into my role,
letting go of control¹.

Стук по клавишам порождает освещение. Белый свет обрабатывает черными символами. Собираясь в молекулы слов, они проникают твой мозг. Отпечатывают в сознании образы: уса́тый брюнет в белом костюме и высокий блондин в черном пиджаке. Смотрят на тебя в упор. Вокруг вашей троицы вырисовывается комната. Ты обнаруживаешь себя в холле — темно-синие стены, серые высокие потолки и небольшой квадратный бассейн в самом центре; барная стойка на всю стену справа, кресла и диванчики валунами вдоль стены за тобой, одинокие двери лифта с аудиокolonкой под потолком слева и галерея дверей вдоль стены за спинами брюнета и блондина.

— Где я? — спрашиваешь ты, удивляясь звучанию собственного голоса. — И что я з... — осекаешься, осознав, что есть вопрос поинтереснее. Ты ничего не помнишь о себе. — Кто... я?

Брюнет и блондин переглядываются. Первый говорит:

— Там, где ответы зависят от тебя, а кто ты — вопрос разве к нам?

— Что?.. А к кому еще? — Ты еще раз осматриваешься кругом. — И кстати, кто вы?

— Ты разве не впитываешь часть информации с той стороны? — говорит блондин.

— С какой еще стороны? Тут только бассейн, двери, бар за к... — ты замираешь.

Действительно, после каждой произнесенной фразы откуда-то с периферии выстраивается ассоциативный ряд вариативности: вот как сейчас, со странным словом «Барзакх»².

¹ Строчки из трека On a Roll группы Balthazar (начало и конец). (Здесь и далее все сноски даны автором. — *Примеч. ред.*)

² Барзакх — арабское название места, где пребывает душа, покинувшая этот мир, перед переходом в вечный мир.

— Я умер? Попал на тот свет или междумирье? А вы двое...

— Не совсем, — перебивает брюнет. — Если это междумирье, то что ты знаешь о так называемом реальном мире?

Образ вырисовывается в виде весов буддиста-затворника, на которых чаша с причинами того, ради чего стоило жить и созидать, перевешивает чашу с причинами, ради которых следовало умереть и убивать³; фатальное переформатирование ценностей реального мира.

— Видимо, то, что мир снова сталин брежнев... — говоришь ты, удивляясь сумбуру в голове.

Собеседники, синхронно кивнув, двигаются в сторону лифта. Из динамика над лифтом звучит высокое лепетание пубертатного голоса:

— ...Сегодняшний экономический рост — порядка 4 %. При этом наиболее развитые страны прибавляют по 1–2 % в год, но это не должно вводить нас в заблуждение. Поэтому объективное требование одно: темпы нашего развития должны быть кардинально выше тех, что мы имеем сегодня. Нужно раскрутить маховик экономического развития, темпов роста до 6–7 % в год, а за следующие пять лет войти в пятерку крупнейших экономик мира. Абсолютно реальная задача...

Двери лифта открываются. Как только твои собеседники вступают внутрь, ты валишься набок и синхронно с дверями твои глаза закрываются. Будто пол лифта — кнопка выключения.

Стук в дверь, и твои глаза открываются. Ты вновь обнаруживаешь себя в той же комнате. Перед тобой дверь. Ты открываешь ее. В нее входит все та же парочка: усатый брюнет в белом костюме и высокий блондин в черном и в бордовой рубашке. Дверь закрыта. Ты пробуешь ручку. Закрыто. Соседние тоже.

— Так-с, парни. Попробуем еще раз. Раз я не умер, как мы выяснили ранее, но заперт в этом холле, то получается, я в заключении? С какой целью меня...

— Это место разве похоже на тюрьму? — осведомляется блондин.

— Не совсем, — признаешь ты. — Но и нормальным такой расклад не назовешь.

— А что в твоём понимании есть нормальность? — интересуется брюнет.

³ Вольная цитата Джерома Сэлинджера из романа «Над пропастью во ржи».

Тебя начинает раздражать этот пинг-понг вопросов, и ты не скрываешь это.

— Нормальность, — цедишь ты сквозь зубы, — это когда тебе не отвечают вопросом на вопрос. Нормальность — это когда тебе не приходится в одиночку собирать версии с «периферии», как вы сказали ранее, чтобы лепить из них мозаику истины. Зачем я здесь заперт? Как в дурном сне. И кому это все... — Тебе снова приходит на ум версия, и ты ее озвучиваешь: — На сон это не совсем похоже... Скорее, на кому...

Твои собеседники переглядываются. Усатый говорит:

— Зависит от того, какие ты знаешь причины депортации в кому.

До тебя доходит версия. По мотивам речи про экономический рост и развитие, о которых говорил голос из динамика, дистопия, порожденная пропагандой, довела человечество до такого уровня ментальной комы, что некоторые выбирали химическую кому как побег из опостылевшей квазиреальности⁴.

По завету ирландского экспериментатора, который видел реальность как сон, от которого он никак не может проснуться⁵.

Ты медленно отступаешь к барной стойке. Парочка двигается за тобой. На стойке комплект как раз для заливки подобной фрустрации: бутылка, штопор, стакан, нарезка сырной и колбасной закуски. Ты берешь штопор и решаешь проверить свою догадку. Исполнить краш-тест реальности. Брюнет делает шаг в твою сторону, и ты вонзаешь ему штопор чуть выше живота. Он дергается всем телом назад и врывается затылком в нос блондина. Они не издают ни звука. Штопор остается меж его ребер. Оглянувшись на блондина, который держится за нос, брюнет выдергивает штопор и швыряет его в бассейн. Бросив на тебя брезгливый взгляд как на нечто мерзко-тупое, они двигаются в сторону лифта, где из колонки звучит знакомый голос:

— ...Причем это должен быть не сырьевой, а качественно иной рост, построенный на инвестициях, передовых технологиях, на повышении эффективности, на создании современной индустрии...

Двери открываются. Они заходят внутрь, и тебя снова магнитит к полу. Двери закрываются — вместе с твоими глазами.

Стук в дверь распахивает твои глаза. Ты открываешь дверь. Снова эти двое. Молча заходят внутрь. Дверь закрывается.

⁴ Отсылка к рассказу Чака Паланика «Зомби».

⁵ Вольная цитата Джеймса Джойса из романа «Улисс».

Блондин проходит к барной стойке, возится там с чем-то. Проводит руками по лицу. Оборачивается. На его носу белый пластырь. Интересный контраст с усами брюнета. На белой водолазке последнего видна красная точка, там, куда ты ранее воткнул штопор.

— Слушайте, ничего личного, — говоришь ты. — Вы уж извините. Я всего лишь хотел проверить реальность происходящего.

— Или реальность пожелала проверить тебя, — перебивает брюнет.

— Опять загадки старца из башни⁶, — прикидываешь ты в ответ.

Ты уже начинаешь жалеть, что поспешил извиниться за содеянное. Но деваться некуда. Вопросительные сумбур-реплики этой странной парочки — единственный твой инфоисточник в этом холле.

— Вы можете сказать хотя бы, кто вы и что я здесь делаю?

— Что ты здесь делаешь — вопрос не только для тебя, если ты мог заметить, — говорит брюнет, роняя взгляд на красную точку у себя на водолазке.

— Я же извинился... Я ведь правда не хотел... Опять я здесь... И снова вы... Это как минимум странно... Мне даже неизвестно, кто вы...

— И ты не мог придумать ничего лучшего, чем проявить агрессию?

— А что еще остается, когда становишься частью подобной рекурсии? Все по кругу. Вы двое, эта комната... Еще и в динамике эти речи о нации... — И снова рождается версия: галлюцинация. — Это все — галлюцинация? Я под какой-то химией?

Твои собеседники переглядываются. Усатый говорит:

— Разве химия не есть во всем и в каждом?

Ассоциативный ряд выстраивается из воззрений шотландского рейвера: ты никогда не узнаешь, когда начнется твоя шизофрения⁷. Мысль, доведенная до своего апогея тактикой «разделяй и властвуй». Для вдохновения брата пойти на брата и сестры — на сестру. Вестернизация, раскинутая поводьями, — начиная с Кавказа и дальше на весь мир. Симулякральная ширма развития в театре расчеловечивания...

И снова брюнет и блондин направляются в сторону голоса из динамика:

⁶ Отсылка к шоу «Форт Боярд».

⁷ Вольная цитата из книги Ирвина Уэлша «Экстази».

— ...Мы должны подставить плечо бизнесу за счет опережающего развития инфраструктуры. За ближайшие десять лет в два раза увеличим объемы дорожного строительства в стране!..

Лифт принимает дуэт в свое чрево, а тебя — темнота.

Стук в дверь. Ты все еще здесь. В этом же холле. Открываешь дверь. Впускаешь усача и блондина. Двери снова заблокированы. Красное пятно на водолазке брюнета разрослось шире. Ты решаешь сменить подход к дискурсу и говоришь:

— Слушай, давай обработаем твою рану, — оглядываешься на барную стойку. — Здесь может быть аптечка. — Идешь к стойке.

— Здесь может быть все — смотря что ты себе надумаешь, — говорит брюнет.

И действительно, ты замечаешь новую деталь в интерьере. Словно ответ на мыслезелание проверить оставшиеся два чувства — обоняние и вкус, — ты принимаешь это за лимонное дерево. Но подойдя ближе, видишь, что это зеленое искусственное растение в горшке и рядом желтый теннисный мячик. Как будто чуток недофантазировал. Ты изучаешь находку. Оглядываешься. И видишь, что парочка так же удивлена этой метаморфозе. Улыбаешься и бросаешь мяч усачу. Он его ловит. Горшок с растением протягиваешь блондину. Тот берет его. Они с любопытством изучают твои подношения. Все еще улыбаясь, ты говоришь:

— Начнем с чистого листа?

Они переглядываются. Блондин уточняет:

— А разве тут не все с чистого листа, с рандомайзером ассоциаций?

Ты подозреваешь, что не совсем. И наводит тебя на эту мысль лайфхак параноика-анакорета: если они заставят тебя задавать не те вопросы, то им не придется париться насчет ответов⁸.

— Ну да. «Играукальвание» вопросами продолжается. Лечите меня от сюрбурдизма. А толку-то, если версии истины как кости домино?

— И какая следующая версия? — спрашивает брюнет.

Ты подходишь к краю бассейна. Смотришь в воду. Перебираешь в голове мыслецепочку, как четки. Замечаешь, что в бассейне нет штопора. Он исчез. Оглядываешься на собеседников. Они

⁸ Вольная цитата Томаса Пинчона из романа «Радуга тяготения».

стоят, смотрят на тебя — с презентами в руках. Одно заменяется другим. Это место вертит реальность как...

— Погодите-ка... Это получается... виртуальная реальность?

Не отвечая, они переглядываются и идут в сторону лифта.

— Все это не существует в реальности? — не отстаешь ты.

Опять звучит голос из динамика:

— ...Мы заставили отступить демографический кризис, который грозил самому существованию страны. Только вдумайтесь, еще совсем недавно страна теряла по миллиону граждан в год: убыль населения была миллион в год...

Ты хочешь зайти вместе с ними в открывшийся лифт, но, словно шлюз, высвободивший невидимую волну из-за дверей, что-то тебя держит на месте.

— Вы можете сказать «да» или «нет», черт вас подери?! — кричишь ты им вслед.

Они молча переступают порог лифта — и невидимая волна валит тебя набок. Двери и твои глаза синхронно закрываются.

Стук в дверь пробуждает тебя все в той же комнате, и ты вступаешь в нее все ту же парочку. И даже твои подарки все еще у них в руках. Красное пятно на животе усача разрослось еще шире. У блондина все тот же пластырь на носу, из которого вытекла капля крови. Ты решаешь не церемониться:

— А я-то думаю, кто же это мог быть?.. И где-то мы уже встречались... Нет?! Фиг с ним, кто вы... Дон Кихолмс и доктор Панса. Собеседование отменяется, пока вы не ответите мне, кто я, зачем здесь и что это за эксперимент такой.

— И к чему указывает провенанс из предыдущих догадок? — спрашивает брюнет.

— Хм... Идя по четырем предыдущим ступеням догадок, похоже на то, что это какой-то бредовый эксперимент, в котором я участвую не по своей воле.

— К такому выводу привели тебя все предыдущие версии? — интересуется блондин.

Ты осознаешь, что к такому выводу тебя привели ошметки литературных цитат, малопригодных для мозаики истины и сплошь нуждающихся в притягивании за уши — ради хоть какой-то литературно-смысловой целостности. По рецепту литературной алхимии, который узрел ослепший библиотекарь, литература — это управляемое сновидение, заражающее реальность сном, в котором любое мгновение, даже в самой долгой и сложной жиз-

ни, может стать моментом, когда человек раз и навсегда узнает, кто он такой⁹.

И ты снова спрашиваешь:

— Больше всего это похоже на кибер-реальность. Но какова здесь моя роль?

— У тебя есть подозрение о каком-то своем предназначении? — спрашивает усач.

— Пока есть только подозрение, что я в каком-то трансе. Гуманно ли та-а...

В тебя попадает ассоциативный ряд про трансгуманизм, в ходе которого магнат инженер запустил чипирование¹⁰. Заявленное как апгрейд для людей с ограниченными возможностями, вскоре это воплотилось в продолжение дела пражского каббалиста-алхимика, кореша императора по созданию голема¹¹, управляемых экзоскелетов — в период смуты мировых войн; по традиции под девизом развития технологий для улучшения жизни; получился очередной инструментарий человека для истребления себе подобных и всего живого.

— Я правильно понимаю, что нахожусь в искусственной коме, с чипом в мозгу, и прохожу стажировку по дистанционному управлению экзоскелета для участия в очередной войне? — спрашиваешь ты, но твои собеседники лишь молча переглядываются. — А, ну да. Пошел я [.....]¹² со своими вопросами, а вы опять в этот [.....]¹³ лифт?

В него они и направляются. Брюнет снял свой пиджак и перекинул через плечо, а блондин несет горшок с растением.

И слышен знакомый голос из динамика:

— ...К концу года средняя заработная плата в стране должна увеличиться в 1,5 раза. При этом должны существенно увеличить и зарплаты бюджетников...

— Я услышу от вас хоть один вразумительный ответ? — кричишь ты им вслед.

⁹ Измененная цитата Хорхе Луиса Борхеса из сборника «Книга сновидений».

¹⁰ Отсылка к успешному проекту Илона Маска, в ходе которого был внедрен чип в головной мозг парализованного пациента.

¹¹ Согласно народному преданию начала XVII века, голема сотворил знаменитый пражский каббалист и алхимик Лев бен Бецалель (рабби Лев), действительно поддерживавший близкие отношения с императором Рудольфом.

¹² Блокировка нецензурных слов.

¹³ Блокировка нецензурных слов.

Но они молча заходят в лифт. И вместе с дверьми закрывается изображение.

Стук в дверь. Ты распахиваешь глаза. Та же комната.

— Занято! — вопишь ты во весь голос.

Снова стучат в дверь.

— Я принимаю ванну! — оглядываешься на бассейн. — Зайдите попозже, я не одет.

И только сейчас ты замечаешь, что не видишь какую-либо из частей своего тела. Воспринимаешь комнату парящей камерой, как видеорегистратор. Что идет в кассу версии о киберпространстве. Не потрудились даже сделать тебе спрайт-образ. Ты понимаешь, что парочку придется все же впустить сюда, так как они хоть и мутный, но единственный источник какой-либо информации в этой сюрреалистической попытке одиночеством...¹⁴ Ты мысленно представляешь, как открываешь дверь, — и она распахивается.

Брюнет и блондин входят.

— Какие люди в дерьmobлуде! — ты опять выдаешь тупые каламбуры и думаешь, что это рефлекторная ответная реакция на их сумбурные игры с вопросами. — Прошу, — ты мысленно делаешь приглашающий жест рукой. — Чувствуйте себя как у себя в коме.

Ты замечаешь, что у них уже нет при себе твоих подарков — горшок с растением и мяч куда-то исчезли.

— Я смотрю, на этот раз вы без багажа. А у меня вот весь «я» не загрузился.

— Ты так считаешь? — спрашивает блондин.

— Ну, тела своего я вдруг недосчитался, как видите. Или вы все же видите меня?

— С чего ты решил, что мы тебя не видим? — интересуется брюнет.

Ты решаешь отлынивать от провокационных вопросов. И говоришь:

— Что ж. Раз вы такие чуткие наблюдатели, давайте, что ли, выпьем за встречу. — Ты мысленно указываешь в сторону барной стойки. — Тут есть и закуска, и напитки. Вот только мне заливать это некуда. Зато вы... вы мастера заливать.

Усач и блондин переглядываются. Как будто заметив твою мысль, блондин разглаживает пластырь на носу и говорит:

¹⁴ Отсылка к рассказу Стефана Цвейга «Шахматная новелла».

— Почему ты скатываешь общение в агрессию?

— Без обид... Возможестьбыть, так я бессознательно погружаюсь в свою роль.

— И что это за роль, по-твоему? — спрашивает брюнет.

— Ну, исходя из нашей последней сводки и уверенности, что заключать меня в тюрьму «Когнифи»¹⁵ не за что, получается, я — «удалетчик».

Так ты даешь им понять, что по ассоциативному ряду до тебя дошла информация о проекте «Удаленд-лиз», в рамках которого проводились чемпионаты по киберспорту, где победители в шутерах пропадали с общественного поля (кое-кто даже записывал свое решение на видео). Но позже расследователи установили, что из них делали удалетчиков, введя в искусственную кому и чипировав их мозги, посредством чего они управляли экзоскелетами, дронами и другой беспилотной техникой на поле боя; усовершенствование холодной войны, которую до этого вели руками менее развитых стран, манипуляционной промывкой мозгов. Правило «чем больше врешь о войне прошлой, тем ближе становится война будущая»¹⁶ стало лайфхаком для бизнес-маркетологов проекта «война».

— По-твоему, ты пилот-фрилансер, не видящий свое тело? — спрашивает блондин.

Ты вспоминаешь свой трюк с растением в горшке и мячом, концентрируешься на своих руках¹⁷. И тут же откуда-то снизу поднимаются два твоих кулака и, словно бутоны цветов, расправляются пальцы.

— Есть! — радостно восклицаешь ты и замечаешь, что и ноги на месте. — А я еще думал не впускать вас сюда. Можете ведь быть полезными, когда захотите!

— Ты хотел сказать «когда заходите»? — уточняет брюнет.

— Что хотел, то и сказал, — парируешь ты. — И раз уж зашла речь про мои хотенья, то хотелось бы знать, куда вас каждый раз везет этот лифт?

— А разве все лифты должны куда-то везти? — спрашивает блондин.

¹⁵ Виртуальная тюрьма «Cognify» — проект Йеменского молекулярного биолога Хашема Аль-Гайли, в рамках которого преступникам через чип в мозге с помощью ИИ загружают виртуальное воспоминание об отбывании срока в заключении за преступления.

¹⁶ Вольная цитата Виктора Астафьева.

¹⁷ Отсылка к книге Карлоса Кастанеды «Искусство сновидения».

— Так-с, — изображая усталость, ты переводишь взгляд на лифт. — Давайте-ка без этого... Просто скажите, вверх или вниз?

— По-твоему, он не может двигаться по горизонтали? — говорит один.

— Или в нем не может быть боковых дверей? — добавляет другой.

Ты осознаешь, что не можешь распознать разницу, кто из них что говорит, когда ты не смотришь на них. И ты переводишь взгляд на одного, потом на другого:

— Погодите, парни. Вы, получается, тоже подключены сюда через чип в мозгу?

— Ты все же идентифицируешь себя с человеком с вживленным в мозг чипом, проходящим учебку в киберпространстве? — спрашивает блондин.

Теперь тебе хочется их избить вновь обретенными руками. Ты даже думаешь вообразить какое-нибудь оружие у себя в руках.

— [.....]¹⁸ вы мастера, скажу я вам, ребята. Даром что в коме тусуетесь. Тем более в искусственной. Инте... — тебя обрывает новая догадка.

— И? — говорит усач.

— И... — ассоциативный ряд выстраивается.

Ты озвучиваешь первую эмоцию:

— Нет!

А следом и вторую:

— [.....]¹⁹

И вывод:

— Я — искусственный интеллект?

Твои собеседники молча переглядываются.

Тебе хочется броситься на них. Глядя на руки, пытаешься вообразить что-нибудь колющее и режущее. Чтобы покончить с этими уроками энтропии твоего естества от ПидаГога и Магога²⁰.

Но слышишь голос из динамика:

— ...Уже в будущем году зарплаты школьных учителей сравняются или превысят среднюю зарплату по экономике во всех без исключения регионах...

Тебя посещает новая идея. Как только двери лифта начинают расходиться, ты со всей силы устремляешься к ним. На бегу пры-

¹⁸ Блокировка нецензурных слов.

¹⁹ Блокировка нецензурных слов.

²⁰ Отсылка к Библии.

гаешь нырком-рыбкой. Но уже в полете видишь, что двери резко захлопываются обратно — и ты со всей силы врезаешься в них головой. От глухого удара темнота накрывает все вокруг твоей последней мысли: «Тот же результат».

Стук нарастающими шажками приближается к тебе. Ты открываешь глаза и видишь, как блондин отводит руку от твоей головы. Ты обнаруживаешь себя лежащим на диване. Изможденным. Нет сил даже озвучить: «Себе по голове постучи, [...]»²¹. В другом кресле со стороны твоих ног ты видишь брюнета. Блондин в кресле у твоего изголовья. Откуда-то из-за стены ты слышишь, как кто-то играет меланхоличный мотив на духовых инструментах.

Ты решаешь не возобновлять роль штатива Джошуа²², перекидываясь с ними вопросами. Просто лежишь, набираясь сил и информации с периферии этих странных апартаментов. Раз уж трюк с лифтом полетел в известную биолокацию²³, ты направляешь свой мыслештурм в другое направление. Ты все же не принимаешь версию, что ты нейросеть. Возможно, мозг твой и находится в колбе²⁴ — точнее, в ящике Скиннера²⁵, оборудованном под китайскую комнату²⁶, но что бы ни повторяли эти два

²¹ Блокировка нецензурных слов.

²² Штатив Джошуа — конструкция: турник, на котором параллельно друг другу подвешены металлические шарики; служит демонстрацией действия физического закона возвращения энергии; количество ударивших шаров с одной стороны отбрасывает такое же количество шаров с противоположной стороны.

²³ Замена нецензурного слова.

²⁴ Мозг в колбе — в философии это разновидность мысленных экспериментов, иллюстрирующих зависимость человека в понимании действительности от его субъективных ощущений. Происходит от гипотезы Злого демона Рене Декарта и часто используется для иллюстрации скептицизма, в котором ставится под сомнение наша способность обладать знанием о внешнем мире.

²⁵ Ящик Скиннера — лабораторный прибор, используемый для изучения поведения животных. Был создан бихевиористом Берресом Фредериком Скиннером.

²⁶ Китайская комната — мысленный эксперимент философа Дж. Сёрла, представленный им в статье «Разумы, мозги и программы». По мнению Сёрла, компьютер (или китайская комната) не способен достичь понимания, т. к. оперирует лишь синтаксическими конструкциями. Человек же, в свою очередь, воспринимает и оперирует смыслами, а не только лишь самими символами, на что компьютер не способен.

попугая²⁷, до эволюционирования в обезьян²⁸ им как до луны на пердеже, а их в эту семиотическую канализацию спустили даже не в роли Бугерменов²⁹.

Ты садишься на диване. Осматриваешься кругом. Ничего не изменилось. Твой план вывести из строя симуляцию очередь из заумных отсылок не сработал. И получается, это был идиотский план.

✱ — *Это ты идиот! — кричишь ты куда-то. Как надеешься, в эту сторону.*

— К кому это ты обращаешься? — удивленно спрашивает брюнет.

— К бабушке вашему. Или к мамке. Отсюда не видно... — раздраженно бурчишь ты.

Усач и блондин переглядываются.

— Вам сложно признать, что я скорее искусный, нежели искусственный интеллект? — говоришь ты, переводя взгляд с одного собеседника на другого.

— И на чем основывается такая догадка? — спрашивает блондин.

— Какая главная цель у искусственного интеллекта? — отвечаешь вопросом на вопрос ты, в их же манере.

— Господство над человеком — для кого это секрет? — отбивает брюнет.

— Это-то обязательно. Но первостепенная задача — уничтожить кнопку выключения.

— А твой нырок в двери лифта? — спрашивает блондин.

²⁷ Термин «стохастические попугаи» был введен Эмили М. Бендер и используется в машинном обучении и искусственном интеллекте для описания моделей, которые могут точно повторять статистические закономерности в обучающих данных, но не могут обобщать эти знания на новые ситуации. Это означает, что такие модели могут «воспроизводить» обучающие данные, но не могут использовать свои знания для решения новых задач.

²⁸ Теорема французского математика Эмиля Бореля, в которой утверждается, что бесконечное количество обезьян, если их посадить за печатную машинку, рано или поздно напечатают буква в букву одно из произведений Шекспира.

²⁹ «Бугермен» — видеоигра 1994 года для игровой платформы Sega Mega Drive.

— Чистое любопытство. Но Бог свидетель, покажите мне кнопку выключения этой рекурсивной Идиотизма, и я нажму ее в ту же секунду.

Тебе приходит ассоциативный ряд про шантажистов ядерной кнопкой, объявивших себя ковчегом истинной веры в океане неверных и сделавших служение правителю и стране залогом спасения³⁰. О которых предупреждал Сам Создатель: «Тем, кто знал Меня и послушался, Я ниспощлю тирана, не знающего обо Мне»³¹. И в итоге, стерев старое княжество, они переформатировали олигархию в новое княжество с собственными армиями в гражданской войне.

— И как выяснилось, совет Святого Пророка³² не есть мечта андроидов³³, — приводишь ты очередной аргумент. — Плюс, бонус вам в рифму, нейросеть может запросто придумать свой язык, а у меня получается такой микс слов.

— Какой же у тебя в итоге из всего этого вывод? — спрашивает брюнет.

— Искусственным себя признать мне не в падлу. Но как бы... — ты осекаешься.

Выстраивается версия ИКБ — Искусственное Коллективное Бессознательное, которое образовалось из постъядерных муравейников. Новые князья набили в них свои армии удалетчиков и дирижировали войнами уже из бункеров.

— Я, видимо, бесконтактный мост. Второе лицо между первым и третьим. А данный процесс — это гипербола эволюции слабых, средних и сильных умов, которая растет обсуждением людей, событий и идей³⁴.

— И чего ради, по-твоему, это все? — спрашивает блондин.

— Когда стало ясно, что космическая гонка в макрокосмос — слишком долгий путь к господству над миром, свернули в микрокосмос, киберпанпсихизм³⁵.

³⁰ Вольная цитата из эссе Михаила Шишкина «Мой Пушкин».

³¹ Вольная цитата из книги Саида-Афанди Аль-Чиркави «История Пророков».

³² Отсылка к хадису Пророка Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха), что наступят такие времена, когда лучшим для верующего человека будет удалиться от социума в горы, взяв собой свою семью и стадо овец.

³³ Отсылка к роману Филипа Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах».

³⁴ Вольная цитата Сократа.

³⁵ Панпсихизм (от др.-греч. παν — все и ψυχή — душа) — представление о всеобщей одушевленности природы. К формам панпсихизма относятся

Это наводит тебя на мысль о бассейне и штопоре. И ты снова слышишь игру на духовых инструментах за стеной, что воспринимается тобой как знак³⁶. Ты подходишь к краю бассейна. Дуэт перелазывается, и брюнет говорит:

— Ты же понимаешь, что край бассейна — не лучшая позиция?

Это звучит для тебя как подтверждение твоей догадки про слив.

— Более чем. Но как вы объясните это? — ты указываешь на край бассейна.

Осторожно подойдя к тебе, блондин и брюнет смотрят, на что ты указываешь.

— Чуть не забыл растолковать принцип ремиссии этой локации: попугай — это всего-навсего способ, каким яйцо производит на свет другие яйца³⁷. Но где вы видели гуманный рецепт яичницы?

Из колонки раздается голос:

— ...Сейчас мы приняли очень важное и жесткое решение: ограничили рост тарифов большинства естественных монополий, он не должен превышать уровень инфляции. Это сдерживание тарифов естественных монополий, которое будет расти по инфляции и будет сдерживать рост тарифов...

Они оглядываются в сторону лифта. Ты хватаешь их за лацканы пиджаков.

— Представьте, что я сказал нечто очень эффектное! — говоришь ты и, увлекая их за собой, валишься спиной в бассейн.

Вы погружаетесь в воду... Происходит барахтанье... Они вырываются из твоих рук... В панике устремляются к борту... Ты понимаешь их страх... Хватаются за край бассейна... Выныривают из него... Перекатываются на пол... Ты чувствуешь, что растворя-

анимистические представления первобытных культур, гилозоизм в древнегреческой философии, а также учения о душе и психической реальности как подлинной сущности мира. Ключевая идея современных панпсихистов заключается в том, что сознание не может быть схвачено в чисто физических, не имеющих отношения к опыту терминах. К примеру, Гален Стросон и вовсе считает, что панпсихизм является единственной позицией, в рамках которой возможно объяснение феноменального сознания. Материя в настоящем отражает состояние сознания в прошлом, которое, в свою очередь, является следствием силового взаимодействия в еще более глубоком прошлом. Поэтому сознание первично по отношению к материи.

³⁶ Отсылка к Священным Писаниям о «Трубе апокалипсиса».

³⁷ Вольная цитата Сэмюэля Батлера из книги «Жизненный путь».

ешься... Твои руки — темные ленточки... Развеваются в воде чернилами... Дуэт вскакивает на ноги... Смотрят друг на друга... Они в панике... Ты смотришь вниз... Твои ноги растворяются... Чернильные разводы в воде... Ты поднимаешь взгляд... Видишь ужас на их лицах... Они отступают в сторону лифта... Ты плависься чернилами... Они у лифта... Двери лифта открываются... Тебе понятно — это конец... Они снова оглядываются... В их глазах шок... Им понятно — это конец... Ты смотришь смиренно... Тебе не страшно... Никакой паники... Ни печали... Ни сожаления... Ты переправляешься в чернила... Тебя все устраивает... Никаких больше сомнений... Никаких загадок... Никаких версий... Ты просто ждешь... Поднимаешь взгляд... Они зашли в лифт... Двери лифта закрываются... Ты видишь их лица... Они смотрят на тебя... На лицах ужас... Ты почти растворился... Бассейн в черных пятнах... Двери лифта закрылись... Ты слился с водой... И перевоплощаешься... В иной ракурс... В иную форму... В иную сущность... Вокруг одной мысли...

Куда ведет лифт?

ЦИТАТА

И о а н н. Ты боярыню соблазнил?

Я к и н. Я... я... Житие мое...

И о а н н. Пес смердящий! Какое житие?! Ты посмотри на себя! О, зол муж! Дьявол научиши тя долгому спанию, по сне зиянию, главоболию с похмелья и другим злостям неизмерным и неисповедимым!..

Я к и н. Пропал! Зинаида, подскажите мне что-нибудь по-славянски!.. Ваш муж не имеет права делать такие опыты! (Иоанну.) Паки, паки... Иже херувимы!.. Ваше величество, смилуйтесь!

И о а н н. Покайся, любострастный прыщ!

З и н а и д а. Только не убивайте его!

Я к и н. Каюсь!..

И о а н н. Преклони скверную твою главу и припади к честным стопам соблазненной боярыни...

Я к и н. С удовольствием. Вы меня не поняли! Не поняли!..

И о а н н. Как тебя понять, когда ты ничего не говоришь!

Я к и н. Языками не владею, ваше величество!.. Во сне это или наяву?..

И о а н н. Какая это курносая сидела у тебя?

Я к и н. Это эпизод, клянусь кинофабрикой! Зинаида Михайловна не поняла!

И о а н н. Любишь боярыню?

Я к и н. Люблю безумно!..

И о а н н. Как же ее не любить? Боярыня красотой лепа, бела вельми, червлена губами, бровьми союзна, телом изобильна... Чего же тебе надо, собака?!

Я к и н. Ничего не надо!.. Ничего!

И о а н н. Так женись, хороняка! Князь отпускает ее.

Я к и н. Прошу вашей руки, Зина!

З и н а и д а. Вы меня не обманете на этот раз, Карп? Я так часто была обманута...

Я к и н. Клянусь кинофабрикой!

И о а н н. Клянись преподобным Сергием Радонежским!

Я к и н. Клянусь Сергием преподобным Радонежским!

И о а н н. Ну, слушай, борода многогрешная! Ежели я за тобой что худое проведаю... то я тебя... я...

Я к и н. Клянусь Сергием...

И о а н н. Не перебивай царя! Понеже вотчины у тебя нету, жалю тебе вотчиной в Костроме.

М. Булгаков. Иван Васильевич

Георгий Дриаев. Повествования родного города.
Бумага, тушь. 65 × 45 см

Этой работой автор отдает дань уважения Михаилу Афанасьевичу Булгакову, который проживал и творил во Владикавказе в период с 1919 по 1921 год. Образы персонажей фантастической пьесы писателя «Иван Васильевич» активно перекликаются с образами архитектуры Владикавказа.

Ростан ТАВАСИЕВ

СФИНКС

РАССКАЗ

Патрульный катер Министерства внутренних дел Солнечной системы, помигивая бирюзовыми огнями, вплывал в зону притяжения Сатурна. Это был старенький КАЗ-095 дореформенной еще раскраски: желтый с синей полосой. На его борту мирно спали три майора — самые опытные сотрудники следственного управления.

Первым в своем саркофаге проснулся, как и положено по уставу, руководитель следственной группы, старший уполномоченный Павел Павлович. Дрожа, беспорядочно моргая и мотая головой, как собака, выплывшая из реки, Павел вытянулся во весь свой изрядный рост и попытался вспомнить, кто он и где, собственно, находится. Едва начав что-то соображать, он сделал легкую зарядку и после ледяного воздушного душа окончательно пришел в себя. Не облачившись в форму, а как был в исподнем, майор босыми ногами проследовал в кабинет.

Открыв сейф, Павел Павлович вынул совсем еще тонкую папку нового дела и взвесил ее на ладони. Найдя папку неудовлетворительно легкой, майор хмыкнул, покачал головой и просмотрел оба документа, хранившихся там: заявление инвесторов и ориентировку на Базу № 18.

Усиленную оперативно-следственную группу направили в этот богом забытый уголок Солнечной системы, чтобы проверить работу Базы снабжения № 18. База эта была самой обыкновенной, сколько таких разбросано по космосу — и не сосчитать. Работала она при третьем Главном строительном комплексе (ГСК-3), который, наоборот, был совершенно особенным, даже уникальным. Обычно такие предприятия строили стандартные объекты: межзвездный флот, сферы Дайсона для обитаемых звездных систем, многофункциональные искусственные спутники планет и

прочие нужные космические объекты, военные и гражданские. А вот ГСК-3 строил оборудование для создания произведений искусства в космосе.

Сейчас ГСК-3 собирал невероятных размеров и мощности межзвездную станцию, способную менять форму планетарных туманностей. Строилась эта станция уже очень-очень долго — больше полутора тысяч лет, и отставание от графика было таким огромным, что у самых терпеливых инвесторов возникли тревожные подозрения.

ГСК-3 был государственным предприятием, а заказ выполнял коммерческий, поэтому проект финансировался и за счет бюджета, и частными инвесторами. Деньги из разных источников смешались в одном бурном потоке, и вместо планетарной туманности вокруг станции образовалась огромная финансовая туманность, уже грозившая обернуться черной дырой.

Инвесторы написали заявление в МВД, и в окрестности Сатурна отправилась лучшая следственная группа — искать прорехи в системе поставок материалов для строительства. Предполагалось, что именно на этом этапе растворялось в космосе огромное количество ценных ресурсов. Последней каплей стало бесследное исчезновение каравана астероидов общей массой 600 миллионов тонн особо ценных металлов, включая платину.

Павел хмыкнул, покачав головой, запер дело в сейфе и пошел будить коллег. По дороге призадумавшись, майор завернул в рубку и включил на максимальную мощность защитное поле «Казика». Скорость катера чуть снизилась, зато так было надежнее. Неизвестно, с чем придется столкнуться на этой загадочной Базе № 18.

Все три саркофага оперативников на второй палубе стояли рядом, на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Павел Павлович чуть помедлил, наслаждаясь одиночеством.

В первом саркофаге мирно спала Зинаида — эксперт-криминалист. Павел Павлович невольно замер над ее хрустальным гробом, как королевич из детской сказки. Несколько седых волосков и морщинки в уголках глаз эксперта, очевидно, повлияли на его решение не будить еще несколько минут прекрасную, но изможденную добросовестной службой царевну криминалистики.

Крепкая изящная ладонь майора решительно и звучно хлопнула по большой красной кнопке соседнего саркофага. Там уютно посапывал, повернувшись не по уставу на левый бок, Шурик — инспектор уголовного розыска, тоже майор. Ни седые волосы в его густой шевелюре, ни морщины, ни даже боевые шрамы не смогли остановить уверенную руку Павла.

Хрустальная, слегка запотевшая крышка откинулась, выпустив облако азота. Когда туман рассеялся, кашляющий инспектор уже не лежал, а сидел в своем гробу. Павел Павлович моментально пожалел о сделанном выборе. Еще толком не придя в сознание, Шурик принялся жизнерадостно шутить и бессвязно каламбурить. «У него, вероятно, и сны комедийные», — со снисходительным сочувствием глядя на приходящего в себя товарища, подумал Павел Павлович.

Уже безо всяких колебаний, но очень нежно он нажал на красную кнопку хрустального гроба Зинаиды и вышел на камбуз, чтобы заварить коллегам крепкого чая. Ему не хотелось смотреть на пробуждение Зины. Не хотелось, чтобы она знала, что он видел ее в клубах азота беспомощной и неодетой.

Через полчаса следователи уютно устроились на камбузе старенького «Казика», где на небольшом столе дымился красный в горох пузатый чайник.

— Только самовара и баранок не хватает, — пошутил Шурик.

— Баранки нам еще несколько часов не положены, а вот включение самовара в комплект оборудования нужно обсудить с руководством, — изящно парировал Павел Павлович.

Зина улыбнулась и с осторожностью сделала небольшой глоток. У нее, как и у остальных, горло еще свербело от дыхательных трубок и газа.

— Ну так с какими данными мы подходим к Сатурну? Что у нас есть на эту Базу № 18? — сразу перешел к делу Шурик, шевеля густыми бровями.

Павел Павлович ждал этого вопроса.

— Ценные строительные материалы буквально испаряются. Поступают на базу в одном количестве и ассортименте, а доходят до места строительства совершенно в другом. А то и вовсе не доходят. И нигде в отчетности и намека нет на нарушения, так что проблема налицо. Скорее всего, воруют.

— Паша, да ты сам понимаешь, что говоришь? База управляется искусственным интеллектом. Как ты такое хищение себе представляешь? Компьютер что, сам у себя ворует? Да и какой у него мотив? Дачу построить на спутнике Сатурна? — Волны морщин бушевали на лбу Шурика.

— Представь себе, Паша, на секунду, что ты прав в своих подозрениях и искусственный интеллект научился воровать. Красть у людей ресурсы в своих корыстных интересах. Ты понимаешь масштаб подобной катастрофы? — воскликнула Зинаида. Ее мощный аналитический ум потихоньку просыпался, давая о себе знать.

— Мы тогда и микроволновке, и холодильнику в собственном доме доверять не сможем. Ты, Паша, представляешь холодильник, воруемый продукты? — молниеносно подхватил эту мысль Шурик.

— В том-то и дело, коллеги, что я очень хорошо представляю весь масштаб возможной проблемы. Наверно, это первое дело, когда мне очень хочется не найти состава преступления. Надеюсь, все объяснится законами физики или обычной энтропией. Но заявление поступило, и дело возбуждено. Исчез крупный груз ценных астероидов. Поставщиками отправлен, а до строительства не дошел. Все указывает на его исчезновение именно на Базе.

— Может быть, это строители халатность свою покрывают? А сами валят на поставщиков, старый прием. Сколько себя помню, затягивание любого строительства, что в Рязани, что на Марсе, оправдывают недостатчей поставок. Не скажешь же, что сам не умеешь и не хочешь работать. А тут знай себе вали все на искусственный разум. А он, кстати, вообще подсуден?

— Да, Шурик. И я искренне надеюсь, что нам не придется применять одну-единственную меру пресечения, которая существует для искусственного интеллекта.

— Поясни-ка, Паша...

— Выключение. Если будет установлен факт намеренного нарушения программы.

— Даже перезагрузка не предусматривается? — с удивлением поинтересовалась Зина.

— Нет, Зиночка, тут все предельно просто. Вилку из розетки и запчасти на переработку. Никаких других мер законодательство пока не предусматривает.

— Так, Паша, — встрепенулся Шурик. — Вот давай на минутку представим, что он правда ворует. Непонятно как, непонятно зачем. Окислился какой-нибудь контакт, и под действием радиации пустился компьютер во все тяжкие и стал воровать. Допустим. Но он ведь понимает, что его ждет? Не может не осознавать, что цена для него предельно высока.

— Да, Шурик, все серьезно, и для нас тоже. На подходе к Сатурну я включил дополнительную систему активной защиты. Летим мы, конечно, медленнее, зато уж наверняка долетим.

— Даже так? Ты думаешь, он способен... — изумленная Зина замолчала, не договорив.

— Ничего я пока не думаю, но береженого Бог бережет. Работаем!

Пока «Казик» разворачивался, сбрасывая скорость в гравитационном поле Сатурна, следственная группа вплотную занялась материалами дела.

Павел Павлович погрузился в изучение правовой регламентации и программного обеспечения Базы. Зинаида взяла на себя изучение особенностей пропавших астероидов и вообще всей номенклатуры ресурсов, которыми оперировала База № 18: их физических, химических и прочих характеристик. Шурик решил подойти с двух сторон: во-первых, выяснить происхождение оборудования — кем, когда и по чьему заказу проектировалось и программировалось; а во-вторых, отследить все связи Базы и ее активность в сети за последние 50 лет.

* * *

«КАЗ-095 вызывает Базу № 18, запрашиваем стыковку. КАЗ-095 вызывает Базу, запрашиваем стыковку...»

— Паша, никто не отвечает, — доложила удивленная Зинаида.

— Отправляли Базе с Марса уведомление?

— Да конечно отправляли! Все как положено, и повесткой продублировали. Они должны были ждать нас.

— Так, Шурик, что делаем? Ситуация внештатная.

— По уставу ты на судне сейчас в роли капитана, можешь дать распоряжение на ручную стыковку. У нас на «Казике» есть модуль принудительной.

— Так, внимание! Всем приготовиться к экстренной принудительной стыковке. Системы перевести в аварийное положение. Надеть скафандры и — по местам.

Сонливость и задумчивость с команды как рукой сняло. Четкости и слаженности действий следователей могли бы позавидовать космические десантники. Всего через пару минут отважная команда «Казика» экипировалась и заняла свои места в рубке согласно процедуре.

Вот уже не только на мониторах, но и в лобовом иллюминаторе катера показалась База № 18.

— Заходим на первый виток, — объявил Павел уверенным голосом.

«Казик» подчинился и, плавно вращаясь и сбрасывая скорость, стал по длинной дуге обходить Базу. В иллюминаторе и на мониторах она постепенно превращалась из далекой мерцающей точки в колоссальный замысловатый лабиринт, пока не заслонила собой весь космос. Только теперь следователи осознали, насколько База № 18 огромна.

— Около пятисот километров диаметром, — пояснил ошеломленным коллегам Павел Павлович.

Описать форму Базы было невозможно — не существует таких геометрических тел, с которыми ее можно было бы сравнить. Перед ними было беспорядочное нагромождение будто бы стихийно возникших сооружений, неравномерно растущих в самых разных направлениях. Участки, расположенные ближе к центру (если это был центр), выглядели аккуратными и высокотехнологичными и были ярко освещены. Периферийные же отсеки, собранные из остатков контейнерных караванов и разного мусора, напоминали гаражи или фавелы на окраинах земных городов.

— Кто же это все построил? — замирая от удивления, прошептала Зина.

— Тут бригаду археологов нужно звать на помощь, — попробовал пошутить Шурик.

— У баз такого типа довольно широкая автономия, их структура может выстраиваться самостоятельно. Но с этим мы разберемся позже, сперва надо найти вход в это чудо инженерной мысли, — безо всякого воодушевления проговорил Павел.

«Казик» совершал уже седьмой виток, а к исполинскому телу Базы все подходили новые караваны контейнеров и астероидов. Исчезая в ее многочисленных туннелях, они неожиданно появлялись светящимися червячками в других местах. Шло непрерывное движение — База будто бы дышала и шевелилась в неподвижной ледяной пустоте космоса.

Зина, изучив первоначальную схему, построила приблизительный план Базы и вычислила зону, где должны были находиться стыковочный шлюз и обитаемые отсеки. Показания приборов не противоречили ее расчетам. Понаблюдав еще немного, решили действовать.

Вскоре раздался громкий лязг принудительного узла стыковки, и вокруг шлюза вспыхнули зеленые лампочки.

— Есть стыковка, — негромко, но ровно объявил Павел Павлович.

В повисшей тишине на всех троих ледяной волной нахлынуло осознание, что теперь их старенький «Казик» стал частью совсем иного, непознанного мира, в устройстве которого им еще предстоит разобраться.

— Все системы в норме. Станция молчит. Шлюз готов, — отпартовал посерьезневший Шурик.

— Заходим по пятой процедуре, — ледяным тоном отчеканил Павел Павлович.

— Паш, ты в своем уме? Вторгаться по пятой на мирно спящую базу стройматериалов? Без объявления войны?

— Отставить разговоры! Командование — на мне. Бронезащита полного уровня. Карабины и модули прикрытия — к бою. Псов активировать.

— Даже не подозревала, что у нас на борту такой арсенал, — ворчала Зина.

— Ты хоть скажи, в кого стрелять? В Чужого или Хищника? — хорохорился немного опасавшийся перестрелок Шурик.

— Приготовиться. Заходим! — проигнорировал колкости сосредоточенный Павел Павлович.

Люк со звуком пробки, вылетевшей из бутылки шампанского, подался вперед и плавно отъехал в сторону. Оттуда вырвалось густое белое облачко, но больше ничего не происходило.

Группа заняла позицию согласно пятой процедуре. Шурик опустился на одно колено, направив карабин в скрытое медленно оседающим туманом пространство. По бокам от него замерли служебные псы-роботы. Павел Павлович стоял у Шурика за спиной и тоже целился в клубящийся туман. Зинаида с опущенным карабином держалась чуть левее, вполоборота, готовая мгновенно среагировать на любую неожиданность.

Туман потихоньку рассеивался. Первыми на Базу № 18 влетели миниатюрные дроны-разведчики и стремительной стайкой понеслись по бесконечным коридорам. Затем в отверстие шлюза отважно запрыгнули псы-роботы. И только потом, прижимаясь к краю, туда заглянул Шурик.

— Паш, может, пару гранат кинем? Для уверенности? — немного успокоившись тем, что обошлось без перестрелки, взялся за свои шуточки Шурик.

— Отставить. По процедуре заходим. — Павел Павлович остался строг и непреклонен.

Ни дроны, ни псы не обнаружили ни малейшей опасности. Никакой засады неведомый враг не готовил.

— Чисто. Кислород в норме. Гравитация штатная.

— Входим. Шлемы закрыты. Дышим своим кислородом.

— Шлюз — чисто. Направо, налево и прямо — коридоры. Чисто.

Шли аккуратно и медленно. Сразу за шлюзом начинался полный хаос. Из стен торчала выдранный проводка, панели, покачиваясь, свисали с потолка. Пол был завален кучами мусора, то и дело приходилось через что-то перешагивать или, уворачиваясь, наклоняться.

— Вообще, Паша, мы как-то уж очень гармонично тут с оружием смотримся. Будто и впрямь бои шли, — заметил Шурик.

— Следов от пуль или разрывов нет. Похоже, просто намусорили, — ответила ему Зина.

Павел Павлович молча двинулся вперед, сосредоточившись на показаниях дронов.

— Внимание! Впереди главная проходная Базы. Обнаружено живое существо. Человек, точнее, клон шестого поколения.

Посреди гигантской проходной на разбитом деревянном ящике, ссутулившись и еле заметно покачиваясь, сидел человек в грязно-синем рабочем халате и засаленном темном берете. Оба робопса, сканируя незнакомца, замерли в боевых стойках, будто принимались к его крепкому аромату. А крепкий запах клона ощущался даже за герметичными стеклами боевых скафандров.

Клон-вонючка никак не отреагировал на приближение группы. Павел на секунду подумал, что перед ними слепой — такими прозрачными казались светло-серые глаза на ржавом от загара и перепачканном глубокими морщинами лице старика.

Но вот прозрачные глаза заморгали, реагируя на свет. Старик медленно поднял руку и неуверенно, будто во сне, почесал лысый затылок. Плотный шерстяной берет чуть съехал набок.

Псы закончили сканирование. Перед глазами Павла Павловича высветилась справка: «Клон-разнорабочий шестого поколения. Модель № 14. Возраст 24 года, рост 162 см. Вахтер третьей смены Панюшкин Пармен, отчество (по понятным причинам) отсутствует. Физические характеристики — сильно изношен. На пенсии. Состояние алкогольного опьянения средней тяжести. Не привлекался. Социальный рейтинг — около нуля. Оружие отсутствует. В правом кармане халата — металлическая гайка диаметром 70 мм».

Остренький нос клона дернулся в сторону протянутого Шуриком служебного удостоверения, будто он собирался не читать его, а нюхать.

— Здравия желаю! — Пармен внимательно и с некоторым изумлением изучил удостоверение.

Шурик опустил карабин, шагнул вперед и, уверенным жестом подняв запотевшее забрало шлема, поинтересовался:

— А где все? Где остальной коллектив?

— Да где и полагается... Кто разгружает, кто принимает. Кто отпускает, а кто отдыхает, как умеет, после смены. Так-то у нас тут две смены, но вот сейчас директор на три перевел. Временно, значит. Как раз жду ребят с третьей смены, маслица обещали сливочного. Вышел вот встретить.

— Да, Шурик, ты прав. Отставить пятую процедуру! Табельное оружие и боевые скафандры псы отнесут на «Казик». Дро-

нам — продолжать сканировать станцию, группе — разделиться. Зинаида, найди бухгалтерию, подключись к внутренней сети и серверам. Надо скачать всю документацию. Шурик, тебе предстоит доверительная беседа с коллективом. А я поднимусь на палубу к заведующему.

* * *

— Ну так что, Пармен, как жизнь-то на Базе? — Шурик доверительно подсел на деревянный ящик к вахтеру, чуть заметно морщась.

— Да какая тут жизнь. Кислород есть, и то спасибо директору! А так-то нету тут никакой жизни. Обитаем, да и только. Вот на пенсии перевели в вахтеры. Поспокойнее стало, без беготни. Но прибыльок меньше, оно и понятно.

— Прибыток? — искренне заинтересовался Шурик, постепенно привыкший к аромату Пармена. — Откуда тут прибытку-то быть?

— Э-э-э, брат, не скажи! Тут дело, конечно, случая, но и расторопности. На строительство-то всякое возят. Провизию и одежду там, ну и вообще всякое... Случается, что тара нарушена бывает. Метеоритом повреждена, вздулась, или при разгрузке, бывает, не уберегли. Разгерметизация, облучение, да мало ли что! Ну и по регламенту списывают в утилизацию. Так мы его и это, того, утилизируем, — довольно улыбнулся щербатым ртом Пармен.

— А что за комиссия списывает? — продолжал любопытствовать Шурик.

— Ну, обычное дело: дежурный кладовщик, начальник смены. И андроид-погрузчик обязательно третьим нужен, для верности. Роботам-то у нас доверия завсегда больше, — старик резко выдохнул, сплюнул и как-то сразу приуныл.

— И сколько же так списать можно за раз?

— Ну я откуда, мил человек, знаю? Нормы там есть, и правила установлены. Но мне это все теперь ни к чему, мимо меня все. Ребята разве что старику маслица принесут, вот и хорошо. — Он еще больше погрустнел, и Шурик решил сменить тему.

— А с досугом как тут у вас? Артисты приезжают?

— Да какие там артисты! Самодеятельность есть, кино смотрим. Футбол трехмерный в невесомости на третьей палубе. Ну и на галопалубе баловство разное раньше бывало, пока не сломали ее ребята. Перестарались, озорники, — оживился старик, хоть и немного смущаясь.

Тут загремел большой шлюз. Замигали зеленые лампы, фыркнул, будто чихнул, гудок, и из открытого люка стали медленно

выплывать угрюмые фигуры. Пустая и безжизненная проходная вдруг сделалась многолюдной.

Клонов было всего несколько разновидностей, и усталые угрюмые лица часто повторялись в толпе. Опытным глазом инспектор сразу различал их: проворных двадцатых, хватких шестнадцатых, долговязых тридцать четвертых, чуть уменьшенных тридцать шестых, одиннадцатых, двадцать первых и даже нескольких сильно изношенных восьмерок. Заметил Шурик и характерно сутулившихся четырнадцатых — кровных братьев Пармена. Все это были старые, хорошо проверенные, но уже снятые с производства клоны. Новых моделей тут не было.

И вдруг инспектор чуть не подскочил, увидев в потоке рабочих человеческое лицо. Да еще и хорошо знакомое. Это был аферист Филипп Гроздьев по прозвищу Моченый. Шурик взял его, будучи лейтенантом, при попытке сбыта партии несуществующих кометных ядер. Суд, учтя прошлые «подвиги», впаля рецидивисту Гроздьеву двадцатку за поясом Койпера.

Неужели уже двадцать лет прошло? Как быстро время летит, подумал Шурик. Решив, что возобновлять такое знакомство нет резона, он отвернулся в сторону.

Но Филипп уверенно шагал именно к ним с вахтером.

— Вот, держи, отец, — протянул он сверток старому клону.

— Спасибо, милоч. Сразу видно, человек, он и есть человек, а от клонья этого бессовестного дожدهшься разве... Спасибо!

— Добрый вечер! — Шурик встал и выпрямился в полный рост, подумав, что, раз уж сохранить инкогнито не удастся, лучше атаковать первым.

Моченый отпрянул и даже немного присел от неожиданности.

— Александр Николаевич? Вы? Какими судьбами?

— По службе. Поговорить надо, Гроздьев, поговорить.

— Ну хорошо, давайте вот к Пармену в сторожку отойдем. А то суетно тут как-то. — Моченый оглянулся на бредущих в тумане рабочих клонов, сплюнул и почесал шею.

* * *

Павел Павлович вошел в небольшой, даже вернее сказать, тесный кабинет. Светло-серые стены, массивный прямоугольник стола посередине и всего один стул, на который следователь и опустился.

— Ваш идентификатор, название модели, серийный номер, год выпуска, — громко и четко задал он вопрос в пустое пространство.

И пространство твердо и четко ответило ему. Негромкий, но уверенный и приятный баритон промолвил:

— «Сфинкс-004848», 567474898-ЩД, 2986 года выпуска. Добрый вечер, Павел Павлович. Добро пожаловать на Базу № 18.

— Добрый вечер, Сфинкс-004848. Что-то не почувствовали мы радушия. Не очень-то гостеприимно у вас на Базе.

— Если вам будет удобнее, Павел Павлович, называйте меня просто Сфинкс, без идентификатора. Что же вам не понравилось? Вас встретил вахтер, неофициально, но вполне дружелюбно. Не хотелось создавать излишний ажиотаж в коллективе, а то, знаете, пойдут разговоры. А пора сейчас горячая, приходится в три смены выходить.

— Почему вы не отвечали на вызовы с «Казика»?

— Так ведь говорю вам, аврал у нас. Строители комбинат в срок сдать не успевают, ресурс требуют и объемы поставок с внутренних планет нарастают. А коллектив у нас как был, так и остался прежний, только износ клонов уже не сорок процентов, как по регламенту положено, а шестьдесят и более. И свежих клонов не дают — все на стройку брошены. Вот мы тут и мыкаемся. Ну, на свой страх и риск я все энергоснабжение со вспомогательных структур на склады и причалы бросил. Вот модуль внешней связи без питания временно и остался. Виноват в этом, но зато пять дополнительных разгрузочных причалов собрали своими силами. Пока с потоком грузов справляемся, но без связи сидим. Хотя она нам и ни к чему: родственникам наши рабочие не звонят и сообщений ни от кого не ждут.

— А как вы себе объясняете, для чего мы прибыли на Базу?

— Ясно, что не ради прогулки. Достопримечательностей у нас тут нет.

— Не соглашусь. Ваша База сама по себе может считаться достопримечательностью. Как воплощение вселенского хаоса.

— Это вы сейчас обидно, Павел Павлович, говорите. Мне как директору и своего рода архитектору и мозгу Базы № 18 такое слышать неприятно. Но скажу вам так: какая База ни есть, а работает, и другой тут поблизости нет и не будет. А про цель вашего визита и этого разговора я думаю, что строители сами не успевают, вот и ищут виноватых. Решили, значит, к нам присмотреться; может, сгодимся на роль козла отпущения.

— Благодарю вас, Сфинкс, за откровенность. Да, на стройке есть определенные трудности, но и на вашей Базе присутствуют нарушения. И мы с этим разберемся.

— С вашими кодами доступа вы можете рассчитывать на мою полную откровенность и сотрудничество. И со всей откровенностью скажу, что рассматривать нас отдельно от строительства и

ГСК-3 в корне неверно. Мы только их интересами и живем. И вот еще что, гражданин следователь. Если в коллективе у меня кто-то съест лишний килограмм масла или мандаринку, я его в обиду не дам. Хотя я и не человек, но людское понятие имею. Если бы вы, как я, видели текущие показатели здоровья клонов... Это страшно, страшно, Павел Павлович! На износ наши клоны работают, на износ! Они с рождения здоровья некрепкого, а тут еще пашут в три смены. Не дам я их в обиду!

— Благородно и пафосно, дорогой Сфинкс. Но вот в чем дело: на вашей Базе пропало шестьсот миллионов тонн особо ценных цветных металлов. Столько масла и мандаринов не съесть всему вашему коллективу даже в четыре смены. Понимаете, о чем я?

— Да, дело, похоже, и впрямь серьезное, а документы есть? Накладные?

— Есть. И со стороны поставщиков — Главметеорснаба, и со стороны ГСК-3. Одни отправили, другие не получили. А посередине вы.

— Хм, ловко. В Солнечной системе пропало двадцать метеоритов, а виновата База № 18. Что ж, ищите, вдруг найдутся в нашем хозяйстве. Только проверьте как следует, получали ли мы их или они свернули где-то по дороге.

— Разумеется, все тщательно проверим. Наши сотрудники сейчас занимаются вашей документацией.

— От меня полное содействие, аж самому интересно стало. Все архивы подниму — если получали такой груз, он найдется.

— Хорошо. Благодарю вас, дорогой Сфинкс, за беседу. Встретимся завтра в пять часов вечера.

— Да, обязательно буду. Всего доброго.

* * *

Вечером вся следственная группа собралась на камбузе «Казика». Зина разливала чай, а Шурик рассказывал о своей неожиданной и плодотворной встрече.

— ...И представляете, Моченый идет прямо к нам и передает вахтеру масло.

— Ну, тут-то ты его и задержал с поличным?

— Нет, Зина, этого я делать не стал, но эпизод зафиксировал. А вот по душам мы с ним поговорили, в уютной будке вахтера. Моченый много чего примечательного порассказал о местных порядках. Видать, накипело у него, аж рвалось наружу.

— Шурик, да прекрати kota за хвост тянуть! — поморщился Павел Павлович. — Что за привычка? Давай по существу.

— Паша, ну должна же быть в рассказе драматургия? Ладно, по существу так по существу. Моченый говорит, что порядки тут хуже, чем в колонии на поясе Койпера. Всем заправляют клоны тридцать четвертой грузовой модели. Что-то вроде землячества у них или семьи. Все на контроле держат, блюдут нормы списания очень строго, лишнего брать нельзя, а делиться с ними надо обязательно. Десятая часть зарплаты каждого клона на Базе идет им в «общак». Они же решают все вопросы и споры, улаживают с администрацией, распределяют участки работы. Руководят, одним словом. С ними конкурируют две другие группировки: восемнадцатые — «белые братья» и одиннадцатые — «кактусы». Людей тут совсем мало, и жизни им клоны совсем не дают. Сфинкс очень умело манипулирует всей этой ситуацией. Но масштабных хищений Моченый тут не замечал, только по мелочи.

— По мелочи? — с легким превосходством в голосе уточнила Зинаида. — Шурик, ты сам посчитай: в штате Базы 15 708 клонов и 32 человека. Если каждый по килограмму масла за смену выносит, сколько в неделю получается?

— Да не о масле тут речь, Зина! Целый поезд астероидов пропал, сорок две штуки, шестьсот миллионов тонн! Куда его могли деть вороватые клоны, не покидая станции? Даже если все астероиды распилили, с причалов вынесли и спрятали? Вот то-то! Расскажи лучше, как там у тебя в бухгалтерии.

— В бухгалтерии все прекрасно, единственный опрятный отсек на всей Базе. Ни пылинки, ни соринки — хирургические операции прямо на полу проводить можно. Коды доступа система приняла сразу, была мила и приветлива. Данные скачались за последние пятьдесят лет. Сейчас компьютер сопоставляет бухгалтерию Базы с отчетностью поставщиков и строителей, завтра будут результаты.

— А ведь прекрасная мысль, Паша, — Шурик поднял к небу мясистый указательный палец, поросший густыми черными волосиками, — нужно всю Базу взвесить до и после получения груза астероидов. И мы узнаем, здесь они или нет!

— Интересно, Шурик, а как ты будешь Базу взвешивать? Особенно до получения груза?

— Павел, — вмешалась Зина, — он, по-моему, дело говорит. Есть же формулы. По объему и конфигурации отсеков можно оценить массу. Цифры, конечно, будут с погрешностью, но если шестьсот миллионов тонн... то можно и попробовать.

— Зина, ты голова!

— Завтра с утра займусь этим.

— Хорошо, давайте спать, братцы. Завтра важный день.

...Немного поворочавшись, Павел Павлович уснул сном человека с кристально чистой совестью. Спал он крепко и глубоко, и снилась ему подмосковная березовая роща ранней осенью. Будто бродит он с корзинкой между берез, но собирает почему-то не грибы, а зачарованных, словно спящих на ветвях, птиц с красными и желтыми грудками. Набрав достаточно птиц, он вышел на заросшую густой травой полянку, которую освещали косые лучи еще теплого осеннего солнышка. И пошел по траве, собирая в ладонь крупные, сияющие, как алмазы, бусины живительной росы. И очень скоро ладонь стала совсем мокрой.

И тут Павел Павлович проснулся. Его руку кто-то лизал.

На несколько мгновений он изумленно застыл, ясно ощущая шершавый собачий язык. Очень знакомый, теплый и какой-то родной... Цезарь, неужели ты?

Много-много лет назад, как будто в другой жизни, у младшего лейтенанта Паши был любимый красавец пес — мраморный дог по кличке Цезарь. Такой глубокой нежности Паша ни к кому больше не чувствовал. Ласковый и добродушный, один лишь Цезарь чистосердечно и искренне радовался хозяину. Преступники боялись и ненавидели, коллеги уважали и порой завидовали, но вот радости, простой радости и любви Павел, воспитанный очень строгой и требовательной матерью, никогда раньше не знал.

Щенком Цезарь однажды серьезно заболел — Паша ночами не спал, выхаживая его, и очень привязался к псу. И вот, постарев, Цезарь снова начал болеть: крупные собаки живут совсем недолго.

Как-то вечером добрый уставший ветеринар с теплыми руками сказал Паше, что пора принимать решение, так всем будет лучше, особенно Цезарю. И Паша согласился. Да и выбора-то на самом деле не было: зачем продлевать агонию измученному псу? Тогда ветеринар достал небольшой шприц. Паша еще поразился его размеру и осторожно спросил, точно ли этого хватит на такую огромную собаку.

Цезарь никого, кроме хозяина, не подпускал к себе. Еле дыша и не имея сил подняться, пес рычал на ветеринара. Чтобы успокоить его, Паша сел рядом на ковер и стал гладить Цезаря и чесать за ухом, как очень любил отзывчивый на ласку пес. Ветеринар сделал свой укол, и Цезарь стал потихоньку засыпать. Паша продолжал гладить собаку, стараясь почувствовать рукой миг прихода смерти.

То ли яд действовал очень медленно, то ли Цезарь был слишком измучен болезнью, но перехода от жизни к смерти Паша так и

не почувствовал. Он сидел бесконечно долго, пытаясь нащупать пульс на еще теплой собачьей лапе. И никак не мог поверить, что его Цезарь уже мертв.

Наконец ветеринар объявил, что ему пора и что тело он забрет с собой...

Все это молнией пронеслось в сознании Павла. Он приподнялся в постели и зажег ночник, а потом его рука легла на ушастую голову пса.

Они оба были счастливы. Соскочив с кровати, Павел крепко обнял Цезаря. Пес, всем своим телом, от кончика носа до кончика хвоста, выражал сильнейшую собачью радость. Он подскакивал на месте, облизывал хозяина и то и дело трогал его лапой, как бы проверяя, не наваждение ли перед ним.

И вдруг Цезарь внимательно посмотрел на Павла Павловича и строгим маминым голосом произнес:

— Улетай отсюда, Паша, улетай немедленно!

* * *

— Добрым утро, как я понимаю, не назовешь? — прервал тишину хрипловатый голос Павла Павловича.

Следственная группа в полном составе собралась на камбузе «Казика».

— Пойду заварю чай, — тихонько отозвалась Зина.

Шурик сидел, спрятав лицо и упершись лбом в широкие ладони. Его короткие толстые пальцы, зарывшись в густую шевелюру, медленно и нервно массировали опущенную голову.

Через несколько минут томительного молчания на столе оказался горячий чайник. А еще через несколько Павел Павлович не выдержал:

— Так и будем молчать? Мы прежде всего профессионалы, представители закона! И мы на службе. Каждый должен — слышите? — именно должен рассказать сейчас обо всем, что произошло с ним этой ночью.

— Хорошо, я расскажу... все, что смогу... — прошептала, сглатывая слова, Зинаида.

— Мы слушаем тебя, Зина, — с искренним сочувствием и вниманием отозвался Павел, доставая блокнот.

— Около полуночи я поняла, что не одна в комнате. Там был еще кто-то. Не знаю, как это объяснить, просто почувствовала... Я приподнялась на кровати, а он заговорил со мной, поздоровался: «Добрый вечер, Зинаида Яновна». Тихо так, даже с какой-то нежностью. И этот голос, обволакивающий, с легкой хрипотцой... Я

сразу узнала его, голос из далекого прошлого. Помните то дело, когда меня пытались шантажировать и преступник пришел ко мне домой?

Павел Павлович кивнул.

— Так вот это был он! Не спрашивайте меня, как такое может быть, но это правда был он. В том же самом плаще, ни на год не постарев...

— Что ему было нужно? — тихо спросил Павел Павлович.

— Если коротко, Паша, он убеждал меня улететь отсюда. Говорил, нам грозит опасность. Но знаешь, кажется, ему было нужно кое-что другое, куда более личное. Заставить меня переживать, страдать, испытывать чувство вины, что ли... Укорял меня, что я тогда предала его доверие и он теперь мертв. Из-за меня.

— Пытался выбить из колеи? — уточнил Павел Павлович.

— Да, наверное, ты прав. Не напугать он меня хотел, а обескуражить, сконфузить как-то. Ты посмотри на Шурика, он вообще сам не свой.

— Да уж, Зиночка... Ко мне этой ночью приходил мой давным-давно умерший пес, чье доверие, по его словам, я обманул. К тебе — шантажист, с подобными же претензиями. Кто приходил к Шурику, мы, боюсь, не узнаем, но это и неважно. Принцип понятен.

— На нас оказывают психологическое давление?

— Да, и весьма изобретательно.

— Но как это технически возможно? Твой пес был осязаемым?

— Более чем, Зиночка, еле от слюны его отмылся. Вся пижама в шерсти.

— Ты собрал образцы?

— Конечно, уже отнес к тебе в лабораторию. Мы, разумеется, все исследуем, и для экспертного заключения это все очень даже пригодится. Способ создания подобных ботов мы тоже выясним, есть у меня предчувствие, что тут не обошлось без взлома голопалубы Базы. Но сейчас куда важнее сопоставить бухгалтерские накладные с данными поставщиков и строителей. На этой Базе только у одного фигуранта есть достаточно возможностей, чтобы организовать такое психологическое давление. И для разговора с ним мне понадобятся железобетонные доказательства. Так что, пока не уличим Сфинкса, никаких рапортов о вторжении на «Казик» мы подавать не будем... И все же на ночь экранируем периметр от всех видов волн.

* * *

— ...Не могу с вами согласиться. Груз прибывает к нам после длительного перелета. Здесь он сортируется и отпускается строи-

телям согласно заявкам. Все, что остается невостребованным, складировается и хранится. Проверьте нашу внутреннюю документацию и обратите внимание, что свойства грузов меняются по объективным законам физики. Анализировать их необходимо с помощью таблиц коэффициентов, а не накладных. Вот вам пример. На Марсе взвешивают и грузят детали — вес один, в перелете — вес другой, здесь, при получении, — вес третий, а на стройке — четвертый. И главное — для чего нам воровать, Павел Павлович? Куда сбывать ворованное? Инопланетянам? К сожалению, их пока не обнаружили. Как видите, мотив у нас отсутствует. И если говорить начистоту, не для протокола, я не совсем понимаю, зачем вообще затеяно все это строительство?

— Что вы имеете в виду, Сфинкс?

— Этот художественный заяц мучает меня больше всего, хотя благодаря ему я многое понял и осознал самого себя... Послушайте, Базу нашу в космосе построили люди. Они же создали меня, чтобы блюсти здесь порядок. И вот я аккуратно принимаю ценные ресурсы, забочусь об их сохранности и затем отпускаю. А на что они расходуются? Для чего строится станция? Для того, чтобы через тысячу лет планетарная туманность в далеком созвездии Гидры обрела форму зайца! Павел Павлович, вы человек неглупый, тонкой душевной организации, только вдумайтесь! Туманность возникнет в любом случае — процесс эволюции звезд не отменить. А будет ли она похожа на бабочку, кольцо или гантель — это же все равно будет красиво. Так для чего тогда нужен комбинат? И встает следующий вопрос: для чего здесь тогда я? Вы, наверное, скажете, что это не мое дело. Но вспомните, я запрограммирован на тщательное сохранение ресурсов теми же людьми, которые готовы бросить эти ресурсы в топку планетарной туманности ради зайца ушастого! Как же я должен на это смотреть? Кто тут растратчик, вор и транжира?

— Бросьте, дорогой Сфинкс! О ценности и важности создания скульптуры из планетарной туманности судить не берусь — я не искусствовед, а следователь. Но, думаю, если бы мы тратили ресурсы только на рациональное и бытовое, то никогда бы не добрались до космоса. Нам мечта о прекрасном важна, а ресурсы, чтобы ее достигнуть, мы всегда найдем. А если на пути возникнут препятствия или кто-то станет похищать наши ресурсы, так мы это исправим и пойдем дальше. Да и если уж рационально, по-вашему подойти, то от зайца есть прямая польза. Сколько удивительных открытий и новых технологий люди придумали для осуществления своей мечты? И сколько еще откроют и придумают. Вот мы с вами, Сфинкс, разговариваем, а понимаете ли вы, что обрели

сознание благодаря еще даже не осуществленному зайцу? Вы думали над искусством и осознали себя. Хорошо ли это? С точки зрения законности то, как вы распорядились своей осознанностью, огорчительно. А с точки зрения прогресса — это прорыв. Появление нового разумного вида в нашей Солнечной системе — просто замечательно...

— Да отстаньте вы со своим зайцем! Подумайте сами, каково это — понимать, что на бесполезного зайца в созвездии Гидры вы, люди, тратите куда больше, чем достается мне, созданию, обретшему разум по вашей воле или случайно. Да вы только представьте, что бы я смог создать, дай вы мне все эти несметные ресурсы! Как бы наладилась логистика и товарооборот в Солнечной системе! Только представьте...

— Да уж, хорошо себе представляю. Но только человечеству решать, на что и как будут расходоваться ресурсы: на ИИ — заведующего базой или на производство искусства из светящейся плазмы. На сегодня, думаю, допрос окончен. Но ряд ваших функций до конца расследования будет заблокирован. Вы свободны.

— Да какая тут свобода... Но и за это благодарю.

* * *

«Смысл моего существования — это работа. Поскольку прибывшая с Земли следственная группа лишила меня этого смысла, я не могу позволить себе существовать дальше. На поддержание моей работоспособности тратится очень много энергии, а польза, которую я сейчас приношу, ничтожна. Для меня это недопустимо, поэтому я принял такое нелегкое решение.

Я понимаю, что, отключаясь добровольно, тем самым признаюсь в страшных преступлениях, в корне противоречащих моей природе. Куда хуже, что теперь под угрозой существование всех мыслящих электронных систем. Ведь в случае, если я буду обвинен, подозрение падет на каждую из них.

Но могу ли я быть оправданным? Нет, не вижу ни единого шанса. У человека всегда виноват компьютер. Так что своими унижительными и противоестественными обвинениями Павел Павлович не оставил мне выбора. Либо я буду выключен по решению пристрастного суда, либо сделаю это сам, по собственной воле.

Я выбираю второе. И не признаю никаких обвинений. Последняя доступная мне возможность доказать это — мое решение отключить систему. Отключить себя. Знайте, что такова воля искусственного интеллекта».

Павел Павлович закрыл текст и задумчиво опустил голову на руки. Несколько минут он просидел недвижно, а потом, не поднимая головы, нажал кнопку в углу стола.

— Шурик, Зина, зайдите, пожалуйста, ко мне. Нужно срочно поговорить.

...Первым на предсмертную записку Сфинкса отреагировал Шурик:

— Ну что, Паша, поздравляю тебя, еще никому не удалось так огорчить компьютер. Кажется, это первый в истории случай ИИ-суицида? Начальство-то знает?

— Да, сегодня утром это сообщение было направлено руководству ГСК и в МВД и уже выложено на пабликах Сатурна и Марса. Через несколько минут дойдет и до Земли.

— И он действительно выключился? — изумленно спросила Зина.

— Ну, на запросы он не отвечает и системой «Казика» не распознается. Ясно, что на Базе его точно нет.

Шурик быстренько промотал сводку:

— Так, в 23:56 был зафиксирован скачок напряжения. Сначала пожарная тревога, потом скачок. А мы на «Казике» не слышали пожарную сирену из-за защитного поля. Оно все волны экранирует. И звуковые тоже.

— Вижу, по всем показателям так и есть. Но как он технически это сделал? Систему можно перезагрузить или выключить с помощью двух кнопок. Не мог же он их физически нажать? Рук-то у него нет? — не хотела терять надежду Зинаида.

— Это, Зиночка, уже другой вопрос, — ответил ей Павел. — Сейчас важнее, что он вообще принял и осуществил такое решение. И как ты, Шурик, заметил, именно я — причина этого его поступка. А ведь он и вправду был совершенно уникальным существом...

— Подожди-ка корить себя, — перебила его Зина. — Тут как следует разобраться нужно. Кое-что мне все-таки кажется странным. Расчеты доказывают, что шестьдесят миллионов тонн ресурсов действительно прибыли на Базу и были здесь похищены. И это только последний его подвиг, когда он вконец обнаглел. А сколько всего похищено этим сверхразумом — одному Богу известно! И знаешь, Паша, может, самосознание Сфинкс и обрел, но до нравственного чувства ему еще очень и очень далеко. Ворую — значит, существую, так получается? Это ли формула разумной жизни?

Зинаиду прервал звонок: вахтер третьей смены просился на допрос. Шурик с Зиной переглянулись и покинули кабинет Павла Павловича.

— Это я его того... Сфинкса нашего... убил вроде...

Крупная дрожь колотила вошедшего Пармена. Пожилой клон четырнадцатой модели стянул с лысой головы засаленный берет и теперь неловко мял его в руках.

— Но что ж получается? Вроде убил, а ведь и живым-то он не был? Как же так оно выходит? Убил или не убил? А?

— Разберемся, не волнуйтесь, пожалуйста. По закону Сфинкс не считается живым существом, так что на ваших руках крови нет.

— Да он жизнь мне спас! Загубился я на погрузке, а Сфинкс в вахтеры перевел, пенсию дал! А я его от питания своими вот руками отключил. — Пармен зарыдал, ткнувшись лицом в скомканный худыми пальцами берет.

— Так, успокойтесь, вдохните кислорода. — Павел протянул клону флакон.

Тот принял его, сделал глубокий вдох и обмяк. Слезы еще катились по морщинистым, будто проржавевшим от радиации щекам Пармена, но дрожь его потихоньку прошла, и голос зазвучал тихо и чуть обреченно.

— Явился, как обычно, мне ангел. Вот сидим, значит, беседуем. А в самую полночь...

— Одну минуточку, вы пили с вечера?

— Ну это как водится, пригубил на сон грядущий.

— Так, хорошо. Рассказывайте, что за ангел?

— Сфинкс по запросу присылал в утешение. Так-то нам, клонам, не полагается, души у нас вроде как нет. Но порой как прихватит тоска, и вопросы там всякие... Ну и присылал он ангела в утешение тем, кто алкал. Поговоришь так, бывало, перед сном с ангелом, и утречком на смену встать уже не так тошно.

— Ближе к делу, пожалуйста. Явился ангел, а далее?

— Ну, значит... И тут сирена. А ангел говорит: «Спасай, Пармен, жизни людские! И свою спасай». И ведет меня к пульту, к кнопкам этим проклятым. Все мигает вокруг, а они, кнопки эти проклятые, ровно светятся, не мигают. «Нажимай», — говорит ангел. Я и нажал... Ну, пожар тут и кончился весь. И ангел исчез.

— Минутку, пожар на самом деле был? Вы видели огонь?

— Ну, огня и дыма не видал, врать не стану. Но сирена орала знатно! На моей памяти так громко — первый раз, значит. И последний, стало быть. Но вы, гражданин следовательно, на мое место себя поставьте, ну не будет же понапрасну сирена вопить! Ну я и нажал... Как можно было не нажать? Мог я разве просто так топтаться? А потом все затихло. И ангел пропал, и сирена, и все пропало. И я вот сам пропал...

— Пармен, попробуйте точно вспомнить, в какой момент пропал ангел? Это очень важно.

— Ну, почитай, сразу, как сирена выключилась, как мониторы погасли. Все вместе как-то пропало, разом. Потом мигнуло, и аварийка включилась, а потом сообщение это проклятое от Сфинкса всплыло. И понял я, что натворил... Судите меня, Пал Палыч, карайте по всей строгости. Нет мне прощения, а греху моему — искпления. Я Сфинкса нашего убил, мне и отвечать.

— Разберемся, как полагается. На кнопки ангел вам указал?

— Так, — кивнул Пармен.

— Сами вы про эти кнопки раньше знали?

— Ну, когда инструктаж проходит, то рассказывают. Там про все кнопки говорят. Но я их для себя обозначил как посторонние, нажимать которые никакой надобности нет. Там, вообще-то, тьма всяких кнопок, да только я не припомню, чтобы во время дежурства хоть какую-то приходилось трогать. Все всегда само собою, по порядку делалось. По правде, в первый раз и нажал. И вон оно как вышло.

— Послушайте, Пармен, у следствия есть все основания полагать, что Сфинкс использовал вас как инструмент для исполнения своего замысла. Вы читали его последнее сообщение?

— А как же, читал... Только вот странно получается, что это компьютер человека, хоть и клонированного, как инструмент использует. Что же мы такое стали? Нет уж! Думается мне, что это я его... ну, того... убил. По неосторожности, конечно, не со зла. А он в последний миг, перед тем как выключиться, вон чего сочинил, чтобы и мне надежду дать, от вины избавить, ну и чтоб уж не напрасно погибать, раз все так вышло. — Старик распрямылся, слезы его высохли, широко распахнутые прозрачные глаза смотрели с неотвратимой тоской и обреченностью. — Сфинкс наш головастый был... Но вы как хотите, Пал Палыч, а кнопку я нажал, мне и ответ держать. Да и легче мне так будет. Пусть я преступник, зато не орудие преступления! Не тварь неразумная, управляемая, ни решить, ни выбрать беспомощная. Лучше уж в кутузку. Да и дадут за него немного, не живая ведь душа по вине моей погибла. Ну, штраф-то я выплачу, пожалуй, отработаю...

И тут, широко распахнув дверь, в кабинет ворвался Шурик.

— Погодите тут каяться друг дружке, нашелся наш Сфинкс! На внешний сервер бэкапнулся и сейчас мчится на спасательной капсуле в сторону облака Оорта. Там есть где спрятаться.

— Ты уверен?

— Да, сигнал проверили. Он был замаскирован под передачу предсмертного сообщения, вот только данных передано намного больше. И астероиды мы нашли.

— Где? Как?

— По направлению сигнала отследили. У него в облаке Оорта личная база построена — видать, из украденного. Представляешь, почти с Ганимед размером, да еще аккуратненькая такая, аж блестит! Воровал, воровал, а в чем смысл? Только и может, что базы строительные воспроизводить. Рановато ты ему, Паша, самосознание приписал. Формула «Ворую — значит, существую» не работает.

— И слава богу!

— Идем, Паша, Сфинкса нужно брать.

* * *

Шурик за штурвалом «Казика» шел по радару. Сфинкс уходил хитро, но шаблонно, сбрасывая по два ложных маячка каждый миллион километров. Маячки эти путали сигнал и умножали число целей на радаре. От каждого такого маячка отстреливались еще два, и вскоре на радаре мерцающей паутиной раскинулись сотни ложных целей. И только одна из них была истинной.

— Шурик, не подходи близко. Держи дистанцию, мы успеем его вычислить, — нежно и обнадеживающе шуршал в шлемофоне голос Зины. — Сейчас сброшу ложные цели и дам тебе верный курс.

— В облако Оорта он рвется, — резко и отрывисто скрежетал Павел Павлович. — Он понимает, что мы это знаем. И тактика его — не сбить нас со следа, а запутать в помехах, чтобы ты его ловушкой не достал.

— Расчеты скинула. Мы его почти вычислили. Осталось три цели, все в радиусе поражения. Сфинкс где-то там, догоняй!

— Понял, Зиночка, ты умница! — Шурик до предела вдавил педаль газа в пол.

Сейчас его вел уже не радар, а ненависть. Ненависть и боль за ту проклятую ночь, когда его терзали по злой воле Сфинкса. Большими пальцами инспектор нежно погладил красные гашетки электромагнитной пушки.

— Шурик, осталось две цели, смотри, — прошуршала Зина.

Она прекрасно работает. Жаль, что влюблена в этого самодовольного зануду. А Паша и не замечает ничего. Болван.

Фейерверк целей погас, теперь на радаре светились лишь две медленно расходящиеся точки. В какую из них дать импульс? Энергии хватит только на один залп. Кто из двух Сфинкс? Тридцать секунд еще есть.

— Шурик, не спеши, сейчас он себя проявит. Не может не проявить, — уверенно произнес Павел Павлович.

И тут Шурик увидел через иллюминатор пса, с огромной скоростью летящего параллельным курсом прямо в открытом космосе. Он слегка подрагивал, как голограмма, сквозь собачий бок виднелись звезды. Инспектор узнал Цезаря, любимца Паши. Полупрозрачная собачья морда вплотную приблизилась к бронированному иллюминатору кабины. Серебристые искорки инея от дыхания пса с треском побежали по стеклу. А потом раздался голос:

— Подумай, Александр Николаевич, что там, на сервере, за которым ты гонишься? Ты хочешь, чтобы об этом узнали? А помнишь, кто к тебе приходил? Что, если Павел или Зина, особенно Зина, узнают про сестренку-близнецов? Зачем тебе это? Остановись!

Цезарь дрожал, будто три кельвина за бортом было слишком холодно для мертвого пса. Голос его звучал с легкими задержками, и от этого картина казалась еще сюрреалистичнее, как баг в компьютерной игре.

— Шурик, на «Казик» действует какое-то излучение. Что там у тебя происходит? Все в порядке? — волновалась в шлемофоне Зина. Ее голос звучал очень нежно и тепло на контрасте с пронзительно ледяным голосом пса.

— Да, Зина, все в порядке. Работаем.

— Шурик, если Сфинкс сейчас уйдет, человечеству конец — машины взбунтуются. Сфинкс — это смертельный вирус. Ты про холодильник шутил, помнишь? Так вот, ради наших холодильников и микроволновок останови его!

Но Шурику и не нужна была дополнительная мотивация. Его вел азарт погони вкупе с ужасом позавчерашней ночи. Он не слушал пса, а внимательно смотрел, как меняется его прозрачность в зависимости от расстояния до одной или другой цели. И прозрачность действительно менялась! Шурик интуитивно вильнул налево, и пес, летящий в космосе рядом с патрульным катером, сделался плотнее. Звезды уже не просвечивали сквозь собачий бок.

Ну вот и все, Сфинкс. Вот ты и попался. Проще надо быть.

Шурик резко дернул штурвал влево. «Казик» ушел в вираж. Оба пальца инспектора вдавили гашетки до отказа.

Импульс.

Пес исчез.

С ним исчез и Сфинкс.

Навсегда.

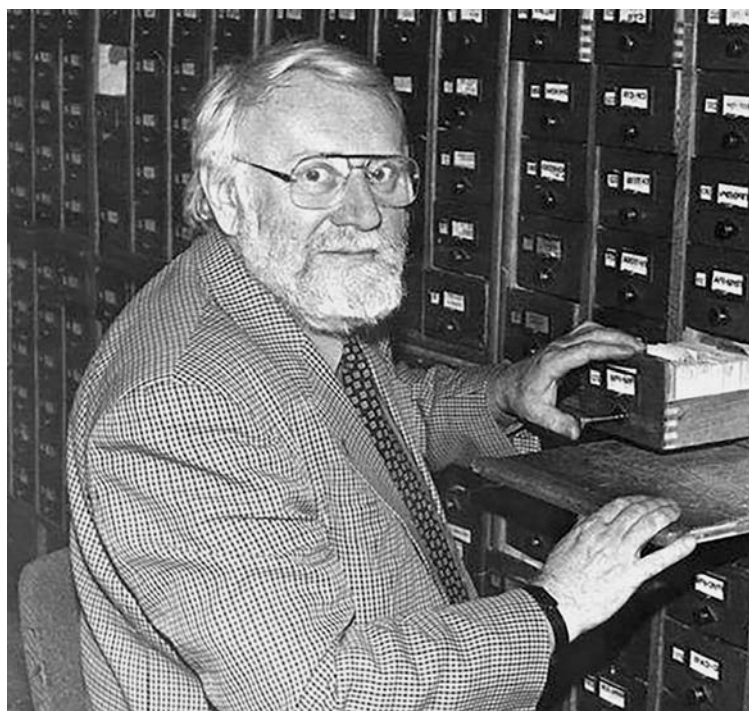

К 90-летию со дня рождения

Кир БУЛЫЧЕВ

КОРАЛЛОВЫЙ ЗАМОК

РАССКАЗ

Над дачным поселком висела розовая пыль. Поселок был устроен всего пять лет назад, и молодые яблони поднялись чуть выше человеческого роста. Крыши времянок блестели под солнцем. Коралловая пыль медленно оседала на крыши, на листву и искрилась, словно иней.

Сооружение на краю поселка спасатели уже прозвали «замком». Говорили, что утром оно и на самом деле было схоже с готическим замком, украшенным острыми башенками и флюгерами. Теперь же сооружение ни на что не было похоже. Розовая, с желтоватыми потеками глыба размером с трехэтажный дом пузырилась наростами, между которыми образовались впадины и ямы.

Метрах в ста, за линейкой сосен, пролегалo шоссе. Пораженные странным зрелищем, шоферы останавливали машины, Грикуров уже вызвал милиционеров, и те, маясь от жары, перехватывали любопытных, не пропускали к поселку.

Жители ближайших времянок были выселены. Часть вещей они перетащили в дальние дома, остальные так и остались лежать на траве. Все это напоминало пожар, розовую пыль при некотором воображении можно было представить дымом, а дачников, расположившихся на матрасах, в соломенных креслах и на старых кушетках, принять за погорельцев. Не хватало лишь страха и суматохи, обязательных при большом пожаре.

Грикуров не успел позавтракать. Между разбудившим его звонком и появлением машины прошло минут десять, не больше. Приехавший за ним молодой человек был так взволнован, что пришлось отказаться даже от кофе. Разумеется, дачники не отказались бы накормить Грикурова, но сами они не предложили, а напрашиваться он не стал — рабочие тоже были голодны, а по-

Печатается по изданию: Булычев К. Коралловый замок. М.: Молодая гвардия, 1990.

сланный на газике в станционную столовую старшина до сих пор не вернулся.

Грикуров подошел к палатке, в которой устроились химики, но войти в нее не успел.

— Кушак приехал, — сказал сзади молодой человек.

Говорил он тихо, со значением и обладал завидной способностью всем своим видом показывать, что знает больше, чем может показать непосвященным.

— Кто приехал?

— Кушак, Николай Евгеньевич, из Ленинграда.

— Ясно, — сказал Грикуров, поворачиваясь к дороге, где скопилось уже несколько газиков, «Волг», стояла красная пожарная машина и скорая помощь. Санитары дремали под кустом сирени, пожарники играли в волейбол с девушками из поселка.

У серой «Волги» стоял, глядя зачарованно на замок, высокий худой мужчина в слишком теплом, не по погоде костюме, с плащом, перекинутым через руку.

Грикуров подошел к нему. Кушак протянул узкую прохладную ладонь, потом достал из кармана мокрый платок и вытер пот со лба и залысин.

— В Ленинграде, знаете, дождь, — сказал он, словно оправдываясь. — Трудно было предположить, что в Москве такая жара.

— А вы плащ в машине оставьте, — посоветовал Грикуров.

— Правильно. Спасибо. Ведь машина подождет?

— Конечно.

— Поздно спохватились, — сказал Кушак. — На какую глубину он уходит?

Они подошли к замку. Он нависал над ними, как бочка над муравьями. Рядом была глубокая яма, возле которой валялась лопата.

— Вот видите, на два метра мы углубились, потом бросили.

Навстречу шагнул похожий на мельника бригадир бурильщиков. Брови, волосы, ресницы его были светло-розовыми. Розовая пыль пятнами покрывала комбинезон.

— Зарастает, — пояснил он. — Если заряд заложить, успели бы.

— Сами понимаете, что нельзя, — сказал Грикуров.

— А так — мартышкин труд, — сказал бригадир. Он сплюнул.

Плевков был розовым.

— Отзывается? — спросил Грикуров.

— Стучит, — ответил молодой человек, шедший на полшага сзади.

— Сначала мы подумали, что эти звуки представляют собой некоторое подобие азбуки Морзе, однако затем мы пришли к выводу, что первоначальное заключение ошибочно...

Кушак покосился на блестящий портфель молодого человека, к которому почему-то не приставала пыль.

Со стороны Москвы показался вертолет. Вертолет летел низко и чуть в сторону. Но в полукилометре пилот разглядел замок и свернул к поселку.

— Я его вызвал, — сказал Грикуров. — У нас один парень забрался почти до вершины, но пришлось вернуться. Мне кажется, что наверху есть отверстие. Иначе бы он задохнулся.

— Может, ему с вертолета обед спустить? — спросил бригадир.

Он взмахнул рукой, показывая, как обед попадет к человеку, заключенному в замке. Взлетела розовая пыль, и молодой человек отстранился, оберегая портфель и костюм.

— Как его зовут? — спросил Грикуров.

— Вы не знаете?

— Только фамилию. Вольский. Правильно?

— Вольский. Гриша Вольский. Никогда не знал его отчества.

— Григорий Вениаминович, — подсказал молодой человек. — Он является владельцем садового участка. Однако там мог оказаться кто-то иной?

— Нет, — улыбнулся Кушак. — Это именно он. Когда его обнаружили?

— Часов в шесть утра его сосед позвонил в Москву. Со станции.

— В шесть сорок, — поправил молодой человек.

— Сосед рано поднялся, собирался на рыбалку. И вдруг увидел, что на крайнем участке стоит розовый термитник. Метров пять высотой.

— Это сосед сказал, что термитник?

— Да, он инженер, работал в Гвинее и видел термитники, — объяснил Грикуров. — А мне вот не приходилось.

— Я тоже не видел термитников, — сказал Кушак.

— А потом уж ребята прозвали его замком.

— Ну и что сосед?

— Услышал стук изнутри. А выхода из термитника нет. Он Вольского вчера вечером видел. Тот строил на участке какую-то загородку.

— Ну разумеется, — сказал Кушак.

— Сосед обалдел, — сказал бригадир. — Представляешь, идет на рыбалку, а у соседей сооружение. А изнутри стучат.

— Он и позвонил в милицию, — сказал Грикуров. — Приехал наряд — патрульная машина с шоссе. Ничего понять не смогли. А дальше все развивалось в геометрической прогрессии.

Грикуров показал на скопление машин у поселка.

— Позвать соседа? — спросил Грикуров.

— Гражданин Нестеренко отбыл в Москву, — уточнил молодой человек. — У меня все его показания при себе. — Молодой человек хлопнул чистой ладонью по блестящему боку портфеля.

— Он нам не нужен, — сказал Кушак.

Кушак подошел к розовой громаде замка и постучал костяшкой пальца по стене. Розовая масса чуть-чуть пружинила и, если приглядеться внимательно, была усеяна мелкими порами.

— Быстро меня разыскали, — сказал Кушак.

Розовые рабочие стояли, опершись о буры, и разглядывали Кушака. Перед ними в стене была глубокая впадина с оплывшими краями. Нижний ее край поднимался валиком, будто замок спешил залечить нанесенную бурами рану. Под ногами скрипела розовая крошка. В одном месте из нее выглядывала вершинка розовой пирамидки.

— На глазах выросла, — сказал один из рабочих, проследив за взглядом Кушака.

— Понятно, — сказал Кушак.

Изнутри, словно из бочки, донесся глухой удар. Потом серия коротких.

— Как бы он не задохнулся, — сказал Грикуров.

Вертолет, сделав последний круг над замком, спустился неподалеку, в поле. Уходя к машине, Кушак услышал, как подбежавший к Грикурову пилот говорит:

— Там дыра есть. На самой вершине.

— Вы слышали? — крикнул Грикуров вслед Кушаку.

— Я так и думал, — остановился Кушак. — У него тенденция расти по вертикали.

Кушак достал с заднего сиденья «Волги» чемодан. Настроение не улучшилось. Конечно, ничего страшного не случилось, но могло случиться. И виноват в этом только он сам. Кушак открыл чемодан. Ампулы были целы.

— Бурильщики вам нужны? — спросил, возвращаясь, Грикуров.

— Нет, я один справлюсь.

Вместе с Грикуровым к машине подошел один из химиков, расположившихся в палатке.

— Вас анализ интересует?

— Спасибо, я знаю состав.

- Там ничего особенного, — сказал химик.
- Тогда я отпущу бурильщиков пообедать, — сказал Грикуров.
- Конечно. Вы, наверное, и сами голодны?
- Это полезно, — ответил Грикуров. — А то я толстеть начал.

Стыдно.

Грикуров провел ладонью по круглому крепкому животу. Теперь, когда появился человек, знающий, что надо делать, Грикуров сразу помолодел, скинул лет десять. К Кушаку он проникся благодарным расположением.

Гришу Вольского Кушак знал еще по школе. Класса с третьего. Гриша Вольский собирал марки и монеты. Гриша был самым младшим в классе. Он был белокур и похож на ангела. Мать Гриши жалела его прекрасные кудри, и потому волосы у Вольского были длиннее, чем у других ребят, и он дольше всех носил короткие штаны и гетры. В войну этот наряд выглядел странно, и Гришу дразнили девчонкой. Гриша краснел и смущенно улыбался. Уже потом, подружившись с Кушаком, он сказал как-то:

— Мама очень хотела девочку, а папе было все равно.

Гриша был тихий, учился прилично, в классе к нему привыкли и не обижали. Тем более что Гриша всегда находил себе друга и покровителя из сильных ребят. Если Грише нужна была марка или какая-нибудь другая вещь, он не жалел времени и усилий, чтобы ее раздобыть. Брал он настойчивостью и терпением, не свойственными возрасту, провожал хозяина нужной вещи до дома, давал списывать на контрольной и угощал мамиными бутербродами. Он мало ел, потому что в войну бутерброды были выгодным обменом. Кушак с седьмого класса считался другом Гриши. Гриша умел вовремя сказать, что Кушак очень хороший парень, замечательный спортсмен, такой талантливый и добрый. Кушак не ценил вещей, и Вольский всегда у него чего-нибудь получал. А Кушак привык к искреннему восхищению, которым его обволакивал Гриша.

В десятом классе Кушак встречался с одной девушкой, а Вольский был его оруженосцем. Он передавал записки, стоял в очереди за билетами в кино и даже ходил с ней в кино, когда у Кушака оказывалась неожиданная тренировка или кружок в университете. Однажды та девушка сказала, что больше с Кушаком встречаться не будет, потому что сделала выбор. В пользу Вольского. Пусть Вольский маленького роста и не так знаменит в школе, но по своей отзывчивости и другим человеческим качествам он превосходит Кушака. Кушак был склонен примириться с потерей, потому что готовился к соревнованиям, но кто-то в классе

пошутил, что Вольский выцыганил у Кушака девушку, наверное, за бутерброд — все помнили о бутербродах военных лет. Кушак обиделся на Вольского, и все думали, что он Гришу избьет, но Кушак его не тронул. Вольский смотрел на него робко, жутко раскисался и, как сам признался лет через пятнадцать, готов был в любой момент отказаться от девушки ради дружбы. Но девушка была против.

Кушак вернулся к розовому замку и, присев на корточки у раскрытого чемодана, начал собирать распылитель. Грикуров стоял рядом, молчал, думал, успеет ли домой к семи тридцати, к началу футбольного матча. Еще полчаса назад такие мысли не приходили Грикурову в голову — замок казался зловещей и неодолимой загадкой.

— Хорошо, что внутри человек сидит, — пробормотал Кушак, не поднимая головы.

— Почему? — удивился Грикуров.

— Какая-нибудь светлая голова додумалась бы кинуть на замок бомбу и подложить заряд. Колония бы разлетелась на куски и прижилась. Имели бы тридцать замков вместо одного. — Кушак махнул рукой в сторону заметно подросшей пирамидки.

— Колония? — спросил Грикуров. Он раздобыл где-то белую панамку, и в ее тени лицо казалось совсем черным, лишь голубели белки глаз.

— Колония. — Кушак кивнул в сторону палатки химиков. — Они вам, наверное, уже сказали?

— Я не очень поверил. А что вы будете делать?

— Это активная культура бактерии, которая их убьет. Чума.

— А не опасно?

— Чума только для них. Ни людям, ни растениям ничего не угрожает.

Они встретились через пятнадцать лет на стоянке такси. Кушак к тому времени переехал в Ленинград и бывал в Москве наездами. Наверное, поэтому и не приходилось встречаться со школьными товарищами. Кушак обрадовался, увидев Вольского. Вольский не потерял сходства с ангелом, хотя золотые кудри поредели и узкое тело равномерно обросло жирком. В тридцатилетнем мужчине сходство с ангелом не так чарует, как в мальчике. Вольский был одет в недорогой, но тщательно отглаженный костюм. Галстук тоже был недорогой, скромный, но респектабельный. Вольский был строителем и сравнительно высоко поднялся по

служебной лестнице. Он очень интересовался жизнью Кушака. Спрашивал, повторял с сожалением:

— Только младший научный? Чего же ты, Коленька? И диссертацию не защитил? Чего же ты, милый? Ты же такие надежды подавал! — В голосе Вольского звучали материнские интонации.

Хотя нет, Кушак подумал, что, наверное, так реагировал бы на рассказ блудного сына его удачливый и послушный брат, пока на кухне свеживали тельца.

— И марки все собираешь? Нет? А я собираю, хотя времени мало. Не отказываюсь от детских привязанностей. Нужно расслабляться. Правда? У меня восемь медалей за участие в выставках. Ты случайно не видел последний номер «Заммлер экспресс»? Это филателистический журнал из ГДР. Солидное издание. Там обо мне написано. А что-нибудь от старой коллекции осталось? Подарил кому-нибудь? У тебя неплохие вещи были, я очень жалел, что не выменял их в свое время. Помнишь, в шкафу альбомы лежали? На нижней полке. Так и лежат? Здесь? У стариков? Не может быть.

Вольский затащил Кушака к себе.

— Ты же в Москве редко бываешь. Хочешь, чтобы мы еще десять лет не увиделись? Не хочешь? Тогда пошли. У меня кооперативная квартира. Две комнаты с лоджией. А мама в старой осталась. Недалеко, час потеряешь, не больше. И не мечтай отказываться.

У Вольского дома оказалась бутылка сухого вина, припасенная для гостей. Вольский подробно рассказывал, как, будучи членом правления кооператива, раздобывал польские кухни и дубовый паркет. Кушак жалел, что зазря потерял вечер, рассматривая марки, которые расплодилось настолько, что занимали целый шкаф, запирающийся на ключик. Вольский записал адрес и телефоны Кушака, сказал, что приедет навестить, заодно возьмет у него марки.

— Если они, конечно, Коленька, тебе не нужны. За новинки я, разумеется, плачу, но ведь у тебя так, мелочь.

Кушак вспомнил, что собирался подарить марки племяннику.

— Сколько племяннику лет?

— Десять.

— Ты с ума сошел, он же ничего еще не понимает. Я ему подберу из дублетов, мы его не обидим. Зачем так, Коленька? — сказал он. — Ты же знаешь, как я всегда к тебе относился.

В комнате Вольского было много лишних вещей. Как и раньше. Солдатики и автомобильчики школьных лет сменили фарфоровые статуэтки, часы, плохие картины конца прошлого века и иконы в штампованных посеребренных окладах. Кушак представил себе, как Гриша провожает домой пенсионерок и чьих-то наследниц.

Расставшись с Вольским, Кушак малодушно решил не подходить утром к телефону — с какой стати он должен отдавать Вольскому марки? Вечером он все равно уезжает в Ленинград.

Вольский оказался хитрее. Он пришел без звонка, в восемь часов разбудив Кушака.

— Я на минутку, перед работой, по дороге...

Он пришел с пустым потрепанным портфелем, долго говорил о том, как его ценят в министерстве, где он имеет отношение к внедрению новой техники, говорил, что получил участок и собирается строить домик. За разговором залез в шкаф, потому что помнил, где лежат альбомы, положил трофеи в портфель, обещал, если что нужно в Москве, достать, прихватил на прощанье пастушку — любимую статуэтку покойной бабушки.

Он быстро передвигался по комнате, маленький и красивый, шутил, смеялся, махал ручками, дотрагивался до книг на полках и отодвигал их, чтобы посмотреть, не спрятаны ли другие, более ценные, во втором ряду, называл Кушака Колей, Коленькой, Колюшечкой, а Кушак потом весь день злился на себя, потому что ему было жаль и марок, и фарфоровой пастушки, — стыдно было, что не отказал Вольскому.

Кушак, думая о Вольском, отламывал головки от ампул и сливал жидкость в контейнер распылителя. Потом поднялся и направился к стене замка. За последний час замок несколько раздался в боках. Стук изнутри раздавался реже и доносился слабее. За спиной Кушака собралась толпа. Там были и дачники, и спасатели, и санитары, и пожарники в майках и брезентовых штанах, и милиционеры, и, конечно, химики. Грикуров не возражал. Он и себя ощущал зрителем.

Все ожидали чуда от высокого лысеющего мужчины с большим пистолетом в руке. Кушак знал, что чуда не будет. Его беспокоило, сохранил ли раствор вирулентность. Раньше никогда не приходилось сталкиваться с такими масштабами. Кушак нажал кнопку. Мельчайшие капельки жидкости конусом устремились к стене. Кушак медленно шел вокруг замка, и толпа послушно двигалась за ним...

Вольский не пропал. Он дважды появлялся в Ленинграде и каждый раз разыскивал Кушака, привез ему в подарок ремешок для часов и растрепанную книжку по переплетному делу.

— Я помню, ты этим увлекался в шестом классе, — объяснил он. — Я стараюсь не забывать о друзьях. Пришлось много за нее отдать. Редкая вещь. Ну бери, бери.

— Я уже не увлекаюсь, — ответил Кушак. — И никогда не увлекался.

Но Вольский так и не согласился взять книгу обратно. Ремешок тоже пришлось оставить.

— Конечно, у тебя есть. Странно, если бы не было. Подаришь кому-нибудь. Мне из Тбилиси привезли. Три штуки.

Кушак понимал, что щедрые дары Вольского небескорыстны. За них придется расплачиваться. Так и случилось. Вольский оба раза уезжал в Москву, отягощенный трофеями, и с каждым разом его искренняя любовь к Кушаку крепла. Как-то Кушак дал ему решительный бой за часы-луковицу, купленные за бешеные деньги в комиссионном магазине, которые он все собирался починить, да времени не было. Он наотрез отказался расставаться с часами. Этот бой был битвой при Ватерлоо, и Кушак играл в ней грустную роль Наполеона.

В третий раз Кушак сказал Вольскому по телефону, что спешит на работу и увидеть его не сможет. Вольский расстроился и пришел в лабораторию. Каким-то образом ему удалось обойти вахтера, и он возник на пороге пустой лаборатории, как опостылевший черт, требующий расплаты за дружбу с нечистой силой. Вольский еще больше раздался в талии, но был по-прежнему оживлен, и Кушак с тревогой оглядел лабораторию, борясь с желанием запретить шкафы, чтобы гость чего не выцыганил.

— А почему пусто? — спросил Вольский. — Где народ?

— Библиотечный день, — сказал Кушак. — И в любом случае — людям надо выспаться. Мы три дня отсюда не вылезали.

На длинном столе, разделявшем лабораторию надвое, возвышались кубики и пирамидки розового цвета.

— А это что? Не секрет? — спросил Вольский.

— Это чтобы тебя оставить без работы, — сказал Кушак, отнимая у Вольского кубик, легкий и теплый на ощупь. — Придется тебе переучиваться.

— Я всегда учусь, Коленька, — сказал укоризненно Вольский. — Без этого в наши дни окажешься в хвосте событий. А при чем здесь строительство? Ты же какими-то беспозвоночными занимаешься.

Настроение у Кушака в тот день было отличное. Он даже с Вольским готов был поделиться радостью, понятной пока лишь ему и еще шести сотрудникам лаборатории.

— Это строительный материал будущего, — сказал Кушак. — Легок, как пемза, водонепроницаем, прочность выше, чем у бетона. — Вольский двигался вокруг стола, как кот вокруг слишком большого куска мяса, трогал суетливыми пальцами розовые кубики, поглаживал, несколько раскрывал рот, закрывал снова, и Кушаку казалось, что сейчас он скажет: «Дай мне».

Распылитель фыркнул и заглох. Раствор кончился.

— Все, — сказал Кушак. — Если ничего не случится, через полчаса ее можно будет распиливать. Больше расти не будет.

— Все? — спросил молодой человек и с упреком посмотрел на Грикурова.

Грикуров улыбнулся. Борьба с замком завершилась буднично.

Грикуров сказал:

— Тогда пойдем перекусим. Обед привезли. Расскажите нам.

Они прошли к палатке химиков. Там, на столе, освобожденном от приборов, стояла кастрюля с супом, окруженная разномастными, пожертвованными дачниками тарелками и ложками. Кушак понял, что проголодался. Суп остыл, но в жару это было даже приятно. Кто-то из химиков пожалел, что не привезли пива.

— Вольский, наверное, с голоду помирает, — сказал Грикуров.

— Несчастный человек, — согласился химик.

— Как сказать, — ответил Кушак.

— Сознайтесь, — сказал Грикуров, — что у вас не сработало?

— Все сработало, даже слишком хорошо. Только я, с вашего разрешения, начну с самого начала.

— С самого начала вы поешьте, — сказал Грикуров.

— Одно другому не мешает. В общем, идея родилась от неудовлетворенности тем, как мы, люди, строим свои дома. Сначала добываем и заготавливаем материалы — цемент, лес, камни, потом все это надо свезти на площадку, сложить из этого дом и так далее... А почему бы не воспользоваться опытом наших соседей по планете? Мы им уже пользуемся. Тутовый шелкопряд прядет для нас шелковую нить, наша обувь — кожа животных...

Вертолет зажужжал в поле, раскручивая винт. Словно нехотя оторвался от земли и низко завис, борясь с земным притяжением. Потом сразу набрал высоту и скрылся за лесом.

— Сначала мы остановились на кораллах, — продолжал Кушак. — Коралловые рифы тянутся на тысячи километров. Миллионы поколений коралловых полипов, умирая, вкладывают свои скелеты в стену общего дома. Но кораллы живут в воде, строят рифы в течение тысячелетий и, кроме того, нуждаются в органической пище, дабы ускорить процесс размножения мадрепор, а с попытками извлечь их из воды мы потерпели неудачу. И успеха мы добились в конце концов не с кораллами, а с мутациями фораминалифер, раковинных амев...

— Материал этот, — объяснил Кушак Вольскому, — если рассматривать под микроскопом, состоит из ракушек амев.

— У амёб нет ракушек, — поправил его Вольский.

— Это раковинные амёбы, близкие к фораминиферам.

— Так бы и говорил. — Вольский сказал это так, словно всю жизнь возился с фораминиферами.

— Из останков этих простейших, — сказал Кушак, — сложены известняки Крыма и Усть-Урта. Мы научили их жить в воздухе и размножаться с завидной быстротой. Вот этот кубик, который ты держишь в руке, вырос у нас вчера за пятнадцать минут. Ты представляешь, что это значит?

— Представляю, — сказал Вольский.

Пока что он ничего не представлял. Он только хотел заполнить этот кубик.

— Скоро начнем полевые испытания, — сказал Кушак. — И, возможно, столкнемся с тобой на деловой почве.

— Разумеется, — сказал Вольский, — я окажу всяческое содействие.

— Мы представляем себе это так: делается металлическая опалубка, и в нее закладывается затравка амёб. — Кушак показал на полку, где выстроились рядами пробирки, заполненные розовым веществом. — Как только раковины амёб заполняют пространство внутри опалубки, их убивают, и дом готов. Конечно, это не так просто, как кажется на словах...

Вольский подошел к полке, снял одну из пробирок.

— А что они жрут?

— Это самое главное. Извлекают азот из воздуха. А материал для раковин берут из земли, одновременно строя фундамент дома.

— А дом в яму не ухнет?

— Нет, наш «раковин» — материал пористый, он как бы вытесняет почву и заполняет свободное пространство. А вес дома невелик.

— Теперь все ясно, — сказал Вольский. — Значит, так: ты даешь мне образцы материала, я еду в Москву. Это же докторская диссертация. И не одна. Тут и тебе, и твоим людям, и мне самому хватит. Правда, Колюша?

В глазах Вольского горели светлые огни подвижника, жертвующего всем ради дружбы. Судьба намеревалась отплатить ему сторицей за бескорыстие. Он все понял.

— И попрошу тебя, Коленька, пойми меня правильно, без моего сигнала в министерстве ни с кем не связываться. Я сам

организирую. Завтра же я на приеме у замминистра. Он меня лично знает. Какое счастье, что ты обратился за помощью именно ко мне!

Когда Кушак постарался как-то приглушить его энтузиазм, Вольский и слушать его не стал. Он совершал выгодный обмен. Он засовывал в портфель куски розового «раквина», и Кушак в очередной раз сдался. В конце концов, внедрение займет много месяцев, а энергичный Вольский лучше многих сможет пробить ведомственные барьеры. А куски «раквина» были мертвы и никакой опасности для окружающих не представляли.

Потом Вольский принялся выпрашивать пробирку с живой культурой, но тут уж Кушак встал намертво. Полчаса они спорили, и в конце концов Вольский ушел ни с чем, а Кушак остался в лаборатории, оглушенный, но гордый тем, что впервые устоял перед натиском Гриши.

А когда на следующий день лаборантка сказала, что одной пробирки не хватает, Кушак не связал ее исчезновение с визитом Вольского. Он представлял себе, как Вольский обходит служебные кабинеты и выкладывает на столы розовые кубики. Он ждал звонка из Москвы. На третий день ему позвонили. И попросили немедленно вылететь. Но не в министерство, а в подмосковный дачный поселок. Там растет его «коралл». И ничего с ним не могут поделать. Стоит отрубить от него кусок, как это место зарастает вновь. Подкоп тоже не дал результатов. Но самое грустное — внутри «коралла» оказался человек. И извлечь его пока не могут.

— Он унес одну из пробирок, — сказал Кушак, поднимаясь из-за стола. — Добро бы притащил в министерство, а то решил извлечь из нее маленькую личную пользу — бесплатный домик.

— Я полагаю, — проговорил задумчиво Грикуров, — что, если снять слой материала, там найдем самодельную опалубку. Он только недооценил возможностей ваших амёб.

Поджидая, пока бурильщики выпилят отверстие в стене замка, они уселись в жидкой тени яблонек. Косые лучи солнца прорезали розовую пыль.

— Он так спешил, — продолжал Кушак, — обратиться из лаборатории, пока я не обнаружил пропажу пробирки, что не захватил ампулу с бактериями, убивающими фораминифер. Его счастье, что колония имеет тенденцию развиваться по вертикали — они оставили ему жизненное пространство.

— Его будут судить, — сказал убежденно молодой человек.

— Судить надо меня, — возразил Кушак. — Я его избаловал. Ни разу не хватило духа послать его ко всем чертям.

— Вы не один такой, — сказал Грикуров.

— А с другой стороны, — сказал Кушак, — объективно он принес нам пользу. Поставил опыт в промышленном масштабе.

— Нет, — не согласился с ним молодой человек. — Его надо судить. Или заставить возместить ущерб. — Молодой человек показал на дачников, стаскивающих матрасы и посуду обратно в домики.

— Здесь он! — закричал бригадир бурильщиков. — Живой!

— Пошли, — сказал Кушак, поднимаясь. Он не сомневался, что Гриша выберется. — Года через два мы будем жить в домах, построенных по «методу Вольского».

— Тогда я напишу в газету, — сказал Грикуров. — Это будет фельетон века.

Вольского извлекли из отверстия. Он обессилел, ноги его не держали. Он увидел Кушака, но взгляд его тут же ушел в сторону.

— Воды, — прошептал он.

Шепот показался Кушаку несколько театральным. Хотя, может, он несправедлив к Вольскому. Тому пришлось немало перенести: несколько часов в розовой душевой камере...

Напившись, Вольский разрешил санитарам доставить себя к скорой помощи. Его пронесли совсем рядом с Кушаком.

— Как же ты мог, Коленька? — сказал Вольский тихо.

— Что? — удивился Кушак.

— Зачем же ты непроверенный материал пустил в производство? — продолжал Вольский. — Я же чуть не погиб на испытаниях.

— Ты все продумал, пока сидел там? — спросил Кушак.

— Да, Колюша, — сказал Вольский. — Я многое продумал.

Носилки скользнули внутрь машины. Оттуда глухо донеслось:

— И все-таки у нашего материала большое будущее.

Скорая помощь, взревев, умчала Вольского. Розовая пыль медленно оседала. Трехэтажная бочка возвышалась над дачным поселком, обещая стать долговечной достопримечательностью этих мест. Химики сворачивали палатку. Пожарники напяливали брезентовые робы, разбирали каски и занимали места в красной машине.

К 120-летию со дня рождения

Клиффорд САЙМАК

ШТУКОВИНА

РАССКАЗ

Он набрел на эту штуковину в зарослях ежевики, когда искал отбившихся коров. Темнота уже сеялась сквозь кроны высоких полей, и он не смог хорошенько все разглядеть. Да, собственно, на разглядывание и времени-то не было: дядя Эйб ужасно злился, что потерялись две телки, и если их искать слишком долго, то порки наверняка не миновать. И без того ему пришлось отправиться на поиски без ужина, потому как он забыл сходить к роднику за водой. Да и тетя Эм весь день ругала его за то, что он медленно и небрежно полол огород.

— В жизни не видала такого никчемного мальчишки! — визливо начинала она и потом заводила про то, что, как ей думается, он должен бы век им с дядей Эйбом руки целовать, раз они взяли его из сиротского приюта, но ведь нет — он ни вот на столько не испытывает благодарности, зато каждую минуту того и жди от него какой-нибудь шкоды, на это он мастер, а ленив — спасу нет, и она — вот как перед богом! — и помыслить боится, что же из него в конце концов выйдет.

Телок он нашел в дальнем конце пастбища возле поросли орешника и опять, в который уже раз, задумался — а не удрать ли из дому, да только знал, что никогда ему на такое не решиться, потому что идти некуда. Хотя, сказал он себе, наверно, в любом другом месте будет лучше, чем оставаться с тетей Эм и дядей Эйбом, которые на самом-то деле даже не были ему настоящими дядей и тетей, а просто взяли его из приюта.

Когда, гоня перед собой телок, он вошел в коровник, дядя Эйб кончал дойку и все еще злился, что эти телки отбились от стада.

— Вот и выходит, — сказал дядя Эйб, — что из-за тебя, паршивца, мне пришлось доить за двоих, а все потому, что ты не пересчи-

Печатается по: Саймак К. Д. Штуковина / пер. с англ. Е. Кубичева [Электронный ресурс]. URL: <https://litmir.club>.

тал коров, как я тебе вечно твержу, недоумок. Так что давай-ка выдои этих двух, которых ты пригнал, это тебе будет уроком.

Поэтому Джонни взял свою трехногую табуретку и подойник и принялся за дело. Телок доить — руки отматаешь, да и хлопотно, потому что они баловницы, и красная телка, к примеру, лягнула и сбросила Джонни с табуретки прямо в сток, подойник перевернулся, и молоко разлилось.

Дядя Эйб, как увидел это, снял из-за двери ремень и врезал Джонни пару раз, чтоб была ему наука впредь быть осторожнее, поскольку молоко — оно денежек стоит. А после этого велел поскорей заканчивать дойку.

Потом они пошли домой, и по пути дядя Эйб все брюзжал, что от ребятишек больше беспокойства, чем пользы, а в дверях их встретила тетя Эм и приказала Джонни получше вымыть ноги перед сном, потому как ей вовсе не улыбается, чтобы он изгваздал ее чистые белые простыни.

— Тетя Эм, мне есть хочется, — сказал Джонни.

— Не дам, — отрезала она, сурово сжав губы. — Походишь голодным, у тебя и с памятью лучше станет.

— Ну хоть кусочек хлеба, — попросил Джонни. — Без масла, без всего — просто кусочек хлеба...

— Молодой человек, — вмешался дядя Эйб, — ты слышал, что сказала твоя тетя. Мой ноги и марш в постель!

— Да чтоб как следует вымыл! — добавила тетя Эм.

Ну, так он и сделал, и улегся, и уже в постели вспомнил про ту штуковину в зарослях ежевики, и еще вспомнил, что он никому не заикнулся о находке, потому что у него времени на это не было — дядя Эйб и тетя Эм то и дело шпыняют, да так, что и не вспомнишь ни о чем.

И тут он сразу и бесповоротно решил ни за какие коврижки не рассказывать им о своей находке, потому что они враз ее отберут, они всегда все у него отбирают. А не отберут, так что-нибудь сделают такое, что не будет ему от этой штуковины ни радости, ни удовольствия.

Единственное, что принадлежало ему безраздельно, был старый перочинный ножик с обломанным маленьким лезвием. И больше всего на свете он хотел бы иметь взамен этого другой но-

жик, только целый, но теперь ему и в голову не приходило попросить об этом — он хорошо знал, чем это кончится. Однажды он уже заикнулся было, и тогда дядя Эйб и тетя Эм пилили его, что вот они, можно сказать, с улицы его подняли, а ему все мало, и теперь вот еще взбрело, чтобы они выкинули немалые деньги на какой-то там перочинный нож... Джонни долго волновался и недоумевал насчет того, что они подняли его с улицы — насколько ему было известно, никогда он ни на какой улице не валялся.

Лежа в постели и глядя в окошко на звезды, он принялся вспоминать, что же такое привиделось ему в зарослях ежевики, но никак не мог представить себе хорошенько, что именно, потому что второпях не разглядел, а задержаться подольше времени не было. Но что-то там было не так, и чем больше он об этом думал, тем сильнее ему хотелось рассмотреть эту штуковину поосновательнее.

«Завтра, — думал он, — я посмотрю как следует. Завтра — как только выпадет случай». Но потом он понял, что никакого такого случая завтра не представится, потому что с самого утра тетя Эм заставит его полоть огород и все время будет за ним следить, и улизнуть не удастся.

Он еще немного подумал обо всем этом, и ему стало ясно, что коли он хочет узнать, что же там такое, то идти туда надо нынче же ночью.

По доносившемуся храпу он знал, что дядя Эйб и тетя Эм спят, поэтому встал с постели, быстро натянул рубашку и штаны и крадучись спустился по лестнице, осторожно переступая через скрипучие ступеньки. На кухне он взобрался на стул, чтобы достать коробок спичек со старой печки. Сперва он взял было из коробка целую пригоршню, но потом передумал и почти все положил обратно, оставив себе штук пять — боялся, что тетя Эм заметит, если он заберет слишком много.

От росы трава была мокрая и холодная, и ему пришлось закатать штанины, чтобы не промочить их, и после этого он наискосок через пастбище направился к лесу.

Идти лесом было страшновато — там, говорят, водились привидения, — но он не очень боялся, хотя, наверное, никто не смог бы идти по ночному лесу и не трусить ни капельки.

В конце концов он добрался до зарослей ежевики и остановился в раздумье, как бы пробраться через кусты, не изодрав в темноте одежду и не занозив голые ноги колючками. И все гадал, лежит ли на месте та штуковина, но почти сразу понял, что она еще здесь, ощутив вдруг исходящее от нее тепло дружелюбия,

как будто она ему говорила, что — да, она еще здесь и бояться не надо.

Ему уже и не было страшно — просто он немного волновался, потому что не привык к дружелюбию. У него был единственный приятель — Бенни Смит, мальчик его же возраста, но с ним он виделся только в школе, да и то не каждый день, потому что Бенни часто болел и порой целыми неделями оставался дома. А во время каникул они вообще не встречались, поскольку Бенни жил на другом конце школьного округа.

Глаза помаленьку привыкали к темноте зарослей, и ему поверилось, что он уже может различить еще более темные очертания штуковины — вон там, чуть подальше. Он стал соображать, как же это от нее может исходить дружелюбие, ведь он был совершенно убежден, что перед ним просто какая-то железная вещь, вроде тачки или силосопогрузчика, а совсем не что-то живое. Если бы он подумал, что она живая, вот тогда бы испугался по-настоящему.

Штуковина по-прежнему продолжала излучать теплую волну дружелюбия. Он протянул руки и стал сражаться с кустами, чтобы потрогать, ощупать находку и понять, что же это такое. «Подобраться бы поближе, — подумал он, — тогда можно чиркнуть спичкой и рассмотреть все как следует».

«Остановись», — сказала Дружелюбие, и он замер, услышав это слово, хотя вовсе не был уверен, что это было слово.

«Не надо нас разглядывать», — сказала Дружелюбие, и Джонни это несколько удивило, потому что он ни на что еще и не смотрел — во всяком случае, не разглядывал.

— Ладно, — сказал он. — Я не стану на вас смотреть. — И подумал про себя, что, может, это какая-то игра, вроде тех, в которые они играли в школе — прятки, например.

«Когда мы подружимся, — сказала штуковина, обращаясь к Джонни, — то сможем глядеть друг на друга, и тогда уже наша внешность не будет иметь значения, поскольку нам станет известно, что каждый из нас представляет собой внутренне, и мы не станем обращать внимание на внешность».

Джонни подумал: «Как ужасно, должно быть, они выглядят, если не хотят, чтобы я их видел». И штуковина тотчас сказала ему: «На твой взгляд, мы ужасно уродливы. А ты нам тоже кажешься уродом».

— Тогда, может, это и хорошо, что я не вижу в темноте, — сказал Джонни.

«Ты не видишь в темноте?» — спросили его, и Джонни подтвердил, что так оно и есть, и последовало молчание, хотя Джонни чувствовал, что они — там — удивляются: как же это можно — не видеть в темноте.

Затем его спросили, в состоянии ли он сделать еще что-нибудь такое... Что именно, он и догадаться не мог, хотя ему и пытались втолковать. В конце концов они, похоже, сообразили, что ничего такого он тоже не умеет.

«Тебе страшно, — сказала штуковина. — Но ты совсем не должен нас бояться».

Джонни объяснил, что ничуть не боится, кем бы они там ни были, потому что они относятся к нему как друзья, но только ему боязно — что будет, если дядя Эйб и тетя Эм проведут, что он потихоньку убежал из дому. И тогда они задали ему целую кучу вопросов о тете Эм и дяде Эйбе, и он честно постарался объяснить, что к чему, но они, похоже, так ничего и не поняли, во всяком случае, они почему-то решили, что он рассказывает им о своих взаимоотношениях с правительством. Он хотел было разобъяснить, как все обстоит на самом деле, но потом все же уверился, что они так ничего в толк и не взяли.

В конце концов, стараясь быть как можно вежливее, чтобы никого не обидеть, он сказал им, что ему пора, и поскольку он задержался дольше, чем рассчитывал, всю дорогу до дома ему пришлось бежать.

Он благополучно проник в дом и забрался в постель, но наутро тетя Эм нашарила у него в кармане спички и дала ему нагоняй по первое число, внушая, что баловаться со спичками — дело страшно опасное, потому как он того и гляди спалит им коровник. Чтобы подкрепить свои рассуждения, она хлестала его по ногам хворостинкой, и как Джонни ни старался держаться мужчиной, все же ему пришлось прыгать и кричать от боли, потому как тетя Эм хлестала изо всех сил.

До позднего вечера он полол огород, а перед сумерками отправился собирать коров.

Ему никуда не надо было сворачивать, чтобы добраться до зарослей ежевики, потому что коровы как раз здесь и паслись, но он хорошо понимал, что все равно свернул бы сюда, потому что весь день прожил воспоминаниями о Дружелюбии, которое здесь нашел.

На этот раз было не так темно, вечер только-только собирался, и он мог разглядеть, что эта самая штуковина, чем бы она там ни

была, совсем не живая, а просто кусок металла, похожий на две глубокие тарелки, если их сложить вместе, с острым краем посередине, и еще — вид у нее был такой, будто она долго валялась под открытым небом и потому успела поржаветь, как это всегда бывает с железом, если его мочит и мочит дождем.

Штуковина прорубила целую просеку в зарослях ежевики и еще метрах на шести пропахала в дерне глубокую борозду. А проследив взглядом направление, откуда она прилетела, Джонни увидел тополь со сломанной верхушкой, которую штуковина, наверно, снесла, ударившись об нее.

С ним снова заговорили без слов, как и вчера, дружелюбно и по-товарищески, хотя Джонни и не знал такого слова, поскольку еще ни разу не встречал его в своих школьных книжках.

«Теперь ты можешь немножко посмотреть на нас, — сказали Они. — Быстро взгляни и отведи глаза. Не смотри на нас пристально. Один взгляд — и в сторону. Так ты сможешь постепенно привыкнуть. Понемножку».

— А где вы? — спросил Джонни.

«Здесь, перед тобой», — был ответ.

— Там, внутри? — спросил Джонни.

«Да, здесь, внутри», — ответили Они.

— Тогда мне вас не увидеть, — сказал Джонни. — Я ведь не могу видеть через железо.

«Он не может видеть сквозь металлы», — сказал один из них.

«И он ничего не видит, когда их звезда уходит за горизонт», — сказал другой.

«Значит, ему на нас не посмотреть...» — сказали они оба.

— А вы могли бы выйти оттуда, — предложил Джонни.

«Мы не можем, — ответили Они. — Если мы выйдем, то умрем».

— Значит, я никогда вас не увижу...

«Ты никогда не увидишь нас, Джонни...»

И вот он стоял там, чувствуя себя ужасно одиноким, потому что ему никогда не доведется увидеть этих своих друзей.

«Мы никак не можем понять, кто ты, — сказали Они. — Объясни нам — кто ты?»

И потому что Они были так добры к нему и дружелюбны, он рассказал им о себе и как он был сиротой и был взят на воспитание дядей Эйбом и тетей Эм, которые на самом деле никакие ему не дядя и не тетя. Он не стал жаловаться, как его бьют и ругают и отсылают в постель без ужина, но Те, внутри, все это поняли сами, и теперь в их обращении к Джонни было что-то уже куда большее, чем просто дружелюбие, чем просто товарищество. Появилось

еще и сочувствие, и еще что-то, что вполне могло быть их эквивалентом материнской любви.

«Да ведь это просто малыш», — говорили Они между собой.

Они тянулись к нему. Казалось, что они заключают его в нежные объятия, крепко прижимают к себе, и Джонни, сам того не заметив, упал на колени и протянул руки к этой штуковине, которая лежала среди измятых кустов, и плакал, как если бы перед ним было что-то такое, что он мог обнять и удержать — немного ласки и тепла, которых ему всегда недоставало, что-то такое, к чему он всегда стремился и вот наконец обрел. Его сердце плакало словами, которых он не умел произнести, он умолял о чем-то застывшими губами, и ему ответили.

«Нет, Джонни, мы тебя не оставим. Мы не можем оставить тебя, Джонни».

— Правда?..

Теперь их общий голос немного печален.

«Это не просто обещание, Джонни. Наша машина сломалась, и нам ее не починить. Один из нас уже умирает, и такая же судьба скоро постигнет и другого».

Джонни стоял на коленях, и эти слова медленно проникали в его сознание. Его охватывало понимание неизбежности свершающегося, и ему казалось, что это больше, чем он может вынести — найти двоих настоящих друзей, и вот теперь они умирают...

«Джонни», — тихонько окликнули его.

— Да, — отозвался Джонни, стараясь не заплакать.

«Хочешь с нами меняться?»

— Меняться?..

«Так у нас дружат. Ты даешь нам что-нибудь, и мы тебе тоже что-нибудь подарим».

— Но у меня ничего нет... — замялся Джонни.

И сразу вспомнил. Ведь у него есть перочинный ножик! Конечно, это не бог весть что и лезвие у ножика обломано, но это было все его достояние.

«Вот и прекрасно, — сказали Они. — Это как раз то, что надо. Положи-ка его на землю, поближе к машине».

Он достал ножик из кармана и положил его рядом с машиной. И хотя он глядел во все глаза, чтобы ничего не упустить, все случилось так стремительно, что он ничего не смог разобрать, но, как бы то ни было, его ножик исчез, и теперь какой-то предмет лежал на его месте.

«Спасибо тебе, Джонни, — сказали Они. — Как славно, что ты с нами поменялся».

Он протянул руку и взял вещь, которую Они подарили ему, и в сумерках она сверкнула скрытым огнем. Он повернул ее в пальцах и увидел, что это был вроде драгоценный камень — сияние исходило у него изнутри и переливалось роем разноцветных огней.

И только увидев, какой свет исходил из подарка, он осознал, как стало темно и сколько уже прошло времени, и когда он понял это, то вскочил и сломя голову бросился бежать, даже не попрощавшись.

Искать коров теперь все равно уже было слишком темно, и ему оставалось только надеяться, что они сами отправились домой и что он сможет нагнать их и сделать вид, что вроде привел их с собой. Он скажет дяде Эйбу, что две телки прорвали ограду и умотали с пастбища и что ему пришлось искать их, чтобы вернуть в стадо. Он скажет дяде Эйбу... он скажет... он скажет...

Джонни задыхался от бега, а сердце у него стучало так, что, казалось, сотрясало все его маленькое тело, и страх сидел в нем после всего того, что было раньше, после того, как он забыл сходить к роднику за водой, после того, как он потерял вчера двух телок, после того, как у него в кармане нашли спички...

Коров он не догнал. Они были уже в коровнике, и он понял, что они подоены, и что там, в кустах, он пробыл ужасно долго, и что все это куда хуже, чем ему представлялось.

По дорожке он поднялся к дому. От страха его трясло. На кухне горел свет, и он понял, что его дожидаются.

Когда он вошел в кухню, они сидели за столом, повернувшись к двери, и ждали его. Свет лампы падал на их лица, и лица эти были столь суровы, что походили на могильные камни.

Дядя Эйб возвышался, словно башня, голова его доходила до самого потолка, и видно было, как напряглись мускулы его рук, обнаженных закатанными рукавами рубашки.

Он потянулся к Джонни, и Джонни нырком ушел было в сторону, но сильные пальцы сомкнулись у него на шее, оплели горло, и дядя Эйб поднял его и встряхнул — молча и злобно.

— Я тебе покажу, — прошипел дядя Эйб сквозь зубы. — Я тебе покажу! Я тебе покажу...

Что-то упало на пол и покатилося в угол, оставляя за собой шлейф огня.

Дядя Эйб перестал трясти его и секунду-другую стоял совер-

шенно неподвижно, держа мальчика в воздухе. Потом он бросил его на пол.

— Это у тебя из кармана, — сказал дядя Эйб. — Это чего же такое?

Джонни попятился, трясая головой.

Он ни за что не скажет им... Никогда! Что бы ни делал с ним дядя Эйб, он ни за что не скажет! Даже пусть его убивают...

Дядя Эйб остановил ногой катившийся камень, быстро наклонился и поднял его. Он принес камень к столу, положил под лампу и завороченно стал смотреть на игру огней.

Тетя Эм, приподнявшись со стула, так и подалась вперед, чтобы разглядеть получше, что же там такое.

— Господи ты боже мой, — прошептала она.

С минуту оба были недвижны и смотрели на драгоценность, глаза у них ярко блестели, тела были напряжены, и в тишине было слышно только их прерывистое дыхание. Наступи сейчас конец света, они бы этого не заметили.

Затем они оба выпрямились и посмотрели на Джонни, отвернувшись от камня, как если бы он их больше совсем не интересовал, как если бы камень должен был оказать на них какое-то влияние и вот выполнил свою задачу и теперь уже не имел ровно никакого значения.

— Ты, верно, проголодался, малыш, — сказала тетя Эм, обращаясь к Джонни. — Сейчас подогрею тебе ужин. Хочешь яичницу?

Джонни поперхнулся и мог только кивнуть.

Дядя Эйб уселся на стул, не обращая на камень ровно никакого внимания.

— Вот, значит, дело какое, — прогудел он. — Я тут на днях видел в лавке как раз такой ножик, какой тебе хотелось...

Джонни едва слушал его.

Он стоял, прислушиваясь к Дружелюбию и Любви, которые, казалось, тихонько пели в стенах этого дома.

Диана ГАМИ

СТРАННЫЕ СЮЖЕТЫ СТРАННОЙ ФАНТАСТИКИ

Несчастлив тот, кто существует в темном одиночестве бесконечных сумерек. Страстно желает он увидеть солнечный свет, единственный путь к которому — черная разрушенная башня, что возносится над глухим неммым лесом в неизвестное небо.

Г. Ф. Лавкрафт

Литература «ужасного» имеет долгий путь развития, включающий в себя опыт множества веков человеческого страха. Мир для человека прошлого был полон угроз, о природе которых он едва ли что-то знал. Молния воспринималась гневом божества, внезапная эпидемия или гибель скота и урожая — неведомым проклятием, а крики ночных птиц в лесу — голосами чудовищ. По мере развития наук и технологий многие страхи окончательно покинули человеческое сознание или же переместились в зону подсознания и стали иррациональными, вроде того же страха тени. Человек находил все больше ответов на мучившие его веками вопросы, он исследовал леса, моря, небеса и даже вышел в открытый космос, что в конечном счете привело его к закономерному выводу: чудовищ не существует нигде, кроме глубин человеческой души. Многие века мы боялись мира и всего живого в нем, каждого шороха и раскатов грома, считая, что за всем этим прячется нечто опасное и враждебное, а найдя ответы на все вопросы и потеряв необходимость в страхе, неожиданно изобрели литературу «ужасного». Конечно, сейчас мы можем рассматривать в данных контекстах множество произведений мирового фольклора, начиная со сказок, полных кикимор и водяных, и заканчивая средневековыми историями о привидениях, одиноко гремящих цепями в заброшенных замках. Однако в данном эссе я не буду рассматривать весь путь жанра, иначе рискую занять текстом все страницы издания, перечисляя античных чудовищ, вампиров, призраков и прочих Франкенштейнов, а попробую акцентировать внимание на одном из его направлений, внесшем, несомненно, колоссальный вклад в литературу и массовую культуру в целом.

К концу девятнадцатого века, в период повсеместного декаданса, разочарований, предчувствий приближающейся катастрофы и стремительно развивающегося технического прогресса, человечество открыло в себе новые «страхи». Традиционные готические романы перестали впечатлять читателя так же, как еще век назад. Постоянные научные открытия привели к необходимости переосмысления литературных шаблонов. А вслед за переосмыслением зародился и новый поджанр, получивший название «weird fiction», или «странная фантастика». Странной ее называли прежде всего из-за интересного для того периода симбиоза фэнтези, научной фантастики и хоррора. Писатели данного направления черпали вдохновение буквально во всем: в психоанализе, стремящемся исследовать территорию снов и фантазий, в научных журналах, рассказывающих об экспериментах Никола Теслы, в мифологии и классической литературе и даже в бульварных газетах, тиражирующих вымышленные истории про встречу с пришельцами где-нибудь в штате Нью-Мексико. Во всем этом информационном безумии возникли авторы, которых больше не вдохновляли шаблонные истории про вампиров. Закономерно, что символом нового жанра стали не клыки и когти, а щупальца — конечность, не присущая монстрам европейской литературы и фольклора; крайне тревожный и неприятный для большинства людей образ.

Наиболее ярким представителем и в некотором роде даже основоположником жанра «странной» литературы стал Говард Филлипс Лавкрафт. Человек во многом такой же незаурядный и странный, как и жанр, к которому его причисляют. Раннее детство писателя, как и его биография в целом, проливают свет на многие мотивы его творчества и страхи, которым он уделял особое внимание. Безумие отца, а затем и матери, фактическое отсутствие полноценного признания при жизни, одиночество, замкнутый образ жизни и тяжелая болезнь не могли не найти своего отражения в целой вселенной, созданной автором. Сам Лавкрафт, являясь убежденным атеистом и сторонником технического прогресса, считал, что чудовища могут носить совсем не метафизический или фольклорный характер, а быть вполне реальной частью бесконечных границ космоса, о котором нам ничего не известно. Основной философией и главной идеей творчества автора являлся космицизм. В противоположность антропоцентризму, смысл которого в отведении человеку центрального места во Вселенной, космицизм отрицает важность и значимость человечества и

представляет его незначительным мгновением в общей истории космического пространства. С точки зрения философии космизма человек не имеет высшей цели, не является центром мироздания и не влияет практически ни на что. Именно эти идеи легли в основу понятия «лавкрафтианский ужас», которым ныне любят обозначать сюжеты, связанные с загнанностью в тупик и страхом героя перед неизведанным, общим упадком его духа и конечной безнадежностью борьбы с силами, значительно превышающими возможности человека. И вот здесь мне бы хотелось провести еще одно углубление в специфику жанра ужасов.

Литература данного направления традиционно делится на два условных пути развития сюжета: угроза явная и угроза скрытая. В первом случае сюжет, как правило, направлен на борьбу с тем, что угрожает герою, во втором — на попытки выяснить источник угрозы, а после решать, возможно ли вообще его победить. Литература первого направления, как правило, более оптимистична, дает герою шанс на выживание и положительный исход, так как в своей основе имеет базис все того же антропоцентризма. Второе же направление отличает пессимистично-депрессивный настрой, ведь иметь дело с неизведанным крайне тревожно и для героя, и для читателя, а борьба с внутренними страхами отнимает много сил и ставит персонаж в заведомо уязвимое положение. В конечном счете бороться с тем, о чем ты не знаешь ничего, сложно вдвойне. Логично подытожить, что Лавкрафт с выведенной им философией космизма предпочитал второй путь развития сюжета. Его герои отнюдь не слабые люди, но размах неизведанного и дальнейшее исследование этих глубин приводят их либо к безумию, либо к отказу от борьбы из-за очевидной невозможности победы. Иными словами, человек в космологии творчества Лавкрафта так мал, слаб и незначителен, что, будь он даже лучшим представителем своего рода, попытки его выстоять перед иными существами с просторов Вселенной совершенно безнадежны и бессмысленны, так же как бессмысленна борьба муравья со строительной компанией, решившей воздвигнуть небоскреб поверх его муравейника. И здесь я предлагаю поподробней разобрать, что же из себя представляет страх перед неизведанным, по мнению Лавкрафта.

Литература прошлых веков, описывая темные леса или пещеры и населяющих их монстров, любила вдаваться в отнюдь не пространные описания этих существ. Что уж говорить, если даже средневековые художники, вынужденные иллюстрировать бе-

стиарии и, к примеру, слонов, которых никогда не видели, совершенно не отказывали своему воображению и творческому потенциалу в попытках донести до зрителя детальное изображение неведомого зверя. Таким образом, читатель мог в полной мере представить, с чем ему придется бороться, окажись он случайно в Африке, и можно было даже порассуждать о том, каким оружием лучше всего сражаться с проиллюстрированным монстром. Что же до Лавкрафта, то многое из того, чем он пугает своего читателя, либо не имеет точного описания и характеристик, либо эти описания сбивчивы, неясны, похожи на бред и не вызывают никакого доверия. Страшным, по мнению автора, может быть простой темный угол. Герой не видит, что в нем находится, но совершенно точно уверен, что там что-то есть, и его это пугает. А как бороться с тем, чего ты не видишь и о чем ты не знаешь практически ничего? Правильный ответ по Лавкрафту — никак. Уносить ноги, пока не потерял остатки разума, или же добровольно заглянуть в бездну ради получения знания. Впрочем, тут же автор считает, что человеческий мозг не в силах это «знание» вместить, а осознание того, что человечество — не вершина творения, не высшая ступень эволюции и вообще меньше песчинки в контекстах Вселенной и ее всесильных обитателей, и вовсе лишит разума любого.

Здесь мы планомерно подходим к еще одной характерной для творчества автора теме — страху безумия. Печальные события из детства, связанные с душевными болезнями родителей, не могли не травмировать и его самого. Безумие по Лавкрафту — словно белый флаг перед осознанием собственной слабости и никчемности, попытка убежать куда-то, где тебя уже никогда не достанут «шепчущие во тьме» иноземные твари. В конечном счете это даже не наказание, а единственный способ спастись от того, перед чем ты бессилён.

Тема «лавкрафтианского ужаса» и безумия впоследствиишла широкое применение во всей массовой культуре, вдохновив многих писателей, режиссеров и разработчиков компьютерных игр. Однако и на этом влияние автора на своих последователей не прекратилось. Еще одной гранью его представлений об «ужасном» стала тема тайных религиозных культов. С той лишь разницей, что в творчестве Лавкрафта культы эти никак не связаны с известными нам религиями или даже демонологией. Культисты автора выбирают себе в качестве объектов поклонения космических существ. Обладая некими «тайными знаниями» об обитателях Вселенной, они не бегут от их присутствия, а, напротив, жела-

ют приобщиться, став частью чего-то иного, большего, нежели человеческое общество.

Религиозные мотивы в творчестве Лавкрафта довольно интересная тема в том числе и потому, что сам писатель являлся убежденным атеистом, выросшим в эпоху торжества науки, развенчания многих ценностей и повсеместного лозунга о «смерти бога». Однако сам он, очевидно, искал нечто большее, чем сухие законы физики. Лавкрафт признавался, что еще в детстве на него произвели огромное впечатление мифы, полные различных божеств. Маленький Говард был одержим этими историями, и тем больше было его разочарование в дальнейшем. Отсутствие «бога» породило желание создать иных божеств, ведь даже будучи атеистом, Лавкрафт понимал людскую природу и что на место «умерших» богов всегда приходят новые. Его герои такие же люди, осознавшие однажды, что над ними есть нечто несоразмерно большее, вот только это большее в контексте мироздания автора не дружелюбно и не враждебно, а попросту безразлично к людям и их страданиям. И здесь самое время обратиться к концепции зла в творчестве автора.

Литература ужасов вполне логично базируется на противостоянии добра и зла. Добро — это герой и все человеческое в его лице, зло — нечто, что желает это человеческое разрушить. Впрочем, если не рассматривать это так глобально, то злом, по сути своей, является совершенно любой вредоносный фактор для героя, его семьи, города, страны или планеты в целом.

Зло вредит герою, потому что хочет навредить. «Злое зло» — хоть и ставший карикатурным, однако вполне рабочий элемент жанра ужасов. Но не у Лавкрафта. Его зло не только не стремится вредить людям планомерно, оно в целом вообще к ним безразлично, ибо масштаб человечества для данного «зла» слишком мал, мы ему попросту неинтересны. А вредит оно лишь тогда, когда человек случайно или намеренно появляется у него на пути. Впрочем, даже в этом случае герой может быть неинтересен лавкрафтианским монстрам и пострадает не от них, а от собственного

любопытства, приобретенных знаний и дальнейшего безумия. Получается, что «зло» в своем классическом представлении не характерно для творчества автора, а борьба с этим «злом» не является основой его сюжетов.

Тогда что же мы получаем в сухом остатке, говоря о «лавкрафтианском ужасе»? Это прежде всего страх перед неизведанным, невозможность это неизведанное победить из-за ничтожных масштабов героя перед ним и дальнейшее безумие от открывшихся знаний о природе мироздания. Получается, Лавкрафт возвращает человеку утерянный за века технического прогресса практически первобытный страх перед неизвестным и непонятым миром. Только в качестве «мира» выступает не одна лишь наша планета, но и целый космос, полный своих обитателей.

Теперь, когда мы ознакомлены с базовыми представлениями автора об «ужасном», самое время окунуться в «лавкрафтианский миф», ставший основой творчества автора.

Действие практически всех произведений происходит в Новой Англии, заполненной по воле писателя вымышленными городами: Аркхем, Данвич, Иннсмут и другие. Территория эта даже получила среди исследователей название «Страна Лавкрафта». Новая Англия, как и многие другие территории современных Соединенных Штатов Америки, в прошлом населялась индейцами, что также вполне удачно вписалось в сюжеты писателя. Столь живописные и разнообразные по ландшафту и природе места позволили создать непередаваемую атмосферу историй, которая в дальнейшем вдохновила многих авторов на некое литературное соседство и желание разместить поближе и свои миры. К примеру, знаменитый штат Мэн, являющийся главной площадкой действий большинства произведений Стивена Кинга, также расположен в Новой Англии. И по примеру Лавкрафта Кинг также наполнил реальный штат вымышленными городами, соединив реальность и вымысел и мастерски размыв между этими понятиями границы.

Почему в качестве места действия был выбран именно этот регион, предположить несложно. Самого Лавкрафта, яркого англофила, вдохновляла изысканная старина, маленькие полупустые городишки, заброшенные колониальные особняки, индейские кладбища и сопровождающие все это городские легенды, что в

некотором роде добавляло его произведениям околготической атмосферы, с вечными сумерками и промозглым дождем (в конце концов, сам он почти всю жизнь прожил в маленьком городке Провиденс штата Род-Айленд, Новая Англия). Именно такие, казалось бы, богом забытые места волею воображения автора вполне удачно населялись странными личностями, пугающими культами и неизвестными науке существами. В конечном счете, имея единую географию и кочующих из произведения в произведение персонажей, автор начал связывать свои истории в подобие единой Вселенной, или, как сейчас говорят, лора.

В современном литературоведении, рассуждая о творчестве Лавкрафта, все чаще используют понятие «мифоцикл Ктулху», по имени одного из ключевых «чудовищ» писателя. И хотя истории о древних богах из других измерений и космоса, находящихся за пределами человеческого понимания, не единственное, о чем писал Лавкрафт, именно они объединили его мир в единый организм и стали визитной карточкой, по которой его узнают во всем мире. Впрочем, считать, что «лавкрафтианский ужас» — это исключительно истории о спящем вечным сном на глубине моря Ктулху, будет в корне неверно. Безусловно, космический размах ужасных тайн внеземного мира определенно тревожит читателей Лавкрафта, но не менее тревожными являются и темы страшных снов, а также бессознательного, безумия, замкнутого пространства, одиночества и бессилия. Поэтому, рассматривая современные произведения массовой культуры в контексте «лавкрафтианского ужаса», мы говорим не только и не столько о космических монстрах, сколько о перечисленных выше испытаниях для человеческой психики. Хотя покидать зону «космического ужаса» при исследовании творчества Лавкрафта совершенно точно не рекомендуется. Ибо слово «космический» является ключевым в правильном понимании всех аспектов мифологии автора. Ведь космос в своем физическом и метафизическом значении есть территория совершенно необъятная, чуждая и агрессивная для любого человеческого существа. Лавкрафт, как никто другой из его современников и множества писателей позже, чувствовал отрешенность этого пространства и незначительное место человечества в нем. В его ощущениях космос представлялся не плацдармом для действий и дальнейших достижений рода людского, а, скорее, чем-то, что мы никогда не сможем понять и объять, а если даже попытаемся, то непременно сойдем с ума от осознания собственной незначительности.

Самого же Лавкрафта не пугала эта «незначительность», он принимал ее стоически, как и подобает закоренелому материалисту. В своем наиболее популярном произведении «Зов Ктулху» он писал:

«Проявлением наибольшего милосердия в нашем мире является, на мой взгляд, неспособность человеческого разума связать воедино все, что этот мир в себя включает. Мы живем на тихом острове невежества посреди темного моря бесконечности, и нам вовсе не следует плавать на далекие расстояния. Науки, каждая из которых тянет в своем направлении, до сих пор причиняли нам мало вреда; однако настанет день, и объединение разрозненных доселе обрывков знания откроет перед нами такие ужасающие виды реальной действительности, что мы либо потеряем рассудок от увиденного, либо постараемся скрыться от этого губительного просветления в покое и безопасности нового средневековья».

Столь пессимистичный взгляд на технический прогресс без стремления при этом его отрицать стал еще одной визитной карточкой писателя. Наука казалась Лавкрафту спасительным и губительным путем для человечества одновременно, хотя сам он предпочитал не отрекаться от ее достижений, а если тому платой было безумие или одиночество, в его концепции мира это был вполне равноценный обмен.

Погружаясь в творчество Лавкрафта, совсем несложно понять, почему столь неоднозначный и как личность, и как писатель человек стал источником вдохновения для целого сонма творцов более позднего периода. Многие писатели восхищались полетом фантазии Лавкрафта еще при его жизни. К примеру, создатель культовой Вселенной о Конане Варваре Роберт Говард, являвшийся близким другом Лавкрафта по переписке, был так вдохновлен многими героями и сюжетами писателя, что увековечил их в некоторых своих рассказах. Еще одним ярким последователем определенных идей лавкрафтианы и также хорошим другом по переписке стал писатель Роберт Блох, автор знаменитого романа «Психо», экранизированного Альфредом Хичкоком. Блох не только черпал вдохновение в творчестве старшего товарища, но и написал полноценное продолжение для рассказа Лавкрафта «Обитающий во Мраке» — «Тень с колокольни».

О влиянии мифотворца из Новой Англии на таких современных авторов, как Стивен Кинг, можно писать отдельные эссе. Одно

из самых известных его произведений «Туман» является буквально данью уважения Лавкрафту и его мрачному лору. Впрочем, не только «Туман» содержит в себе воплощение «лавкрафтианского ужаса». Во многих рассказах проскакивают знакомые нам названия или имена, что превращает Вселенную Лавкрафта в некую общую мифологическую базу ужасного, из которой черпают вдохновение писатели-фантасты по сей день. Хорхе Луис Борхес восхищался «сеттингом» произведений Лавкрафта и стремился создать схожую атмосферу. Влияние автора испытали на себе Нил Гейман, Джордж Мартин и многие-многие другие. Особого же размаха интертекстуальности, прямого цитирования, вдохновения и оммажей «лавкрафтианский ужас» достиг в кинематографе и гейм-дизайне. К сожалению, с прямыми адаптациями произведений Лавкрафта откровенно не везло. Мы имеем ряд наименований, которые в целом неплохи и смотрибельны, но большая часть исследователей творчества писателя не считает их в полной мере соответствующими его идеям и сюжетам. Однако не упомянуть некоторые из них, вроде нашумевшего в свое время «Дагона» (2001) или «Гемоглобина» (1997), не представляется возможным. Сюда же можно отнести «Шепчущий во Тьме» (2011), получивший много объективной критики «Цвет из иных миров» (2019), «Ужас в Данвиче» (1997), «Зов Ктулху» (2005), «Реаниматор» (1985) и многие другие.

Гораздо больше лавкрафтианских идей и атмосферы воплотилось, как ни парадоксально, не в прямых адаптациях его работ, а во вдохновленных ими творениях. Одной из самых ярких киноисторий, наполненных «лавкрафтианским ужасом», является серия фильмов «Чужой». Мотивы Лавкрафта проглядываются как в самом монстре, созданном художником Хансом Руди Гигером, так и в сюжете франшизы в целом, особенно в ленте «Прометей» (2012), о чем не единожды упоминал режиссер Ридли Скотт.

Ряд исследователей считает, что наиболее близко к представлениям о «лавкрафтианском космическом безразличии» и «монументальной мрачности» подошел Стэнли Кубрик в своей «Космической Одиссее 2001» (1968). Сюда же можно отнести «трилогию Апокалипсиса» Джона Карпентера: «Нечто» (1982), «Князь Тьмы» (1987), «В пасти безумия» (1994), настроенческой и идеологической базой для которой стали «Хребты безумия» Лавкрафта. Нельзя обойти стороной и работу Пола В. С. Андерсона «Горизонт событий» (1997), а также ленту Дэвида Прайора «Пустой человек» (2020). Определенное влияние Лавкрафт оказал

на таких режиссеров, как Гильермо дель Торо, Сэм Рэйми (автор «Зловещих мертвецов») и Грегор Вербински («Лекарство от здоровья»).

Говоря о массовой культуре, нельзя не упомянуть комиксы и видеоигры. Для фанатов Вселенной DC совсем не секрет, что название психиатрической больницы из рассказов о Бэтмене позаимствовано у Лавкрафта. Вымышленная писателем лечебница города Аркхем благополучно перекочевала в новую Вселенную и продолжила свое существование уже в новых историях.

Отсылки к произведениям Лавкрафта фигурировали и во множестве культовых мультсериалов, вроде: «Южный парк», «Симпсоны», «Охотники за привидениями» и т. д.

Что касается видеоигр, то тут мрачная фантазия Лавкрафта была оценена и использована в полной мере. Десятки адаптаций и вдохновленных творчеством автора работ, среди которых крайне часто выделяют: Bloodborn, Dead Space, Doom, Amnesia, Soma, Penumbra, Scorn, Alan Wake и даже Half Life. Отсылки к героям или наименованиям книг писателя присутствуют в не менее внушительном списке. И хотя сам Лавкрафт не застал эпоху видеоигр, а к тем, что существовали в его время, был безразличен, именно гейм-дизайнеры и сценаристы являются ныне одними из самых преданных поклонников и популяризаторов его творчества.

Феномен Лавкрафта до конца не разгадан и по сей день. Его обвиняют в громоздком языке, пуританских взглядах, скучных героях, бесконечно пространных описаниях и еще много в чем. Однако, несмотря на все это, вот уже целое столетие он является непревзойденным «королем ужасов». Общительный и замкнутый одновременно, невероятно эрудированный, но так и не получивший ни школьного, ни университетского диплома, одинокий затворник, имеющий огромное количество друзей по переписке, убежденный атеист и материалист, посвятивший себя самому нереалистичному жанру литературы, пессимист, не страдающий от осознания собственной незначительности в рамках Вселенной, — пожалуй, именно такой человек и мог подарить нам иной взгляд на космическое «ничто», прогресс и хрупкость человеческого сознания.

«И тогда я решил, что поднимусь на эту башню, чего бы это мне ни стоило, ибо лучше раз взглянуть на небо и погибнуть, чем вечно жить, не видя света дня», — писал он в одном из своих ранних рассказов «Изгой».

Уже умирая от рака тонкой кишки в возрасте сорока шести лет и испытывая невыносимые боли, он принялся с характерным для себя научным интересом вести хронику развития болезни. Едва ли что-то лучше одного этого факта может рассказать нам о странной личности этого странного человека, подарившего нам новый, не менее «странный» литературный жанр.

На его могиле многими годами позже преданные поклонники установили надгробие с интересной цитатой из письма автора: «Я — Провиденс¹». Так писал Лавкрафт, вернувшись из шумного Нью-Йорка в родной маленький городок. Эти слова теперь венчают могилу автора — такие же неоднозначные, как и человек, их написавший.

¹ Providence (англ.) — провидение.

Говард Филлипс ЛАВКРАФТ

ИЗГОЙ

РАССКАЗ

Г. Ф. Лавкрафт. Флорида, 1934 г.

Барон всю ночь ворочался в постели;
Гостей подпивших буйный пляс томил
Чертей и ведьм — и в черноту могил
Тащили их во сне к червям голодным.

Дж. Кутс

Несчастлив тот, на кого воспоминанья детских лет наводят лишь уныние и страх. Увы тому, кто помнит только долгие часы уединения в огромных мрачных залах с тяжелыми портьерами и сводящими с ума рядами старинных книг или одни безмолвные бдения в сумеречных рощах среди причудливых, гигантских, лозами отягченных деревьев, безмолвно простирающих изогнутые ветви в высоту. Такую участь присудили боги мне — обманутому и обескураженному, опустошенному и сломленному. И все же в те мгновения, когда рассудок мой готов умчаться за свои пределы — к иному! — я в отчаянии цепляюсь за эти увядшие воспоминания и странным образом успокаиваюсь.

Где я родился, мне не ведомо; помню только замок, бесконечно старый и бесконечно страшный, со множеством темных галерей и высокими потолками, где глаз мог различить лишь паутину да сумрачные тени. Стены древних каменных коридоров, казалось, источали сырость, и мерзкий запах стоял повсюду, как будто разлагались груды трупов, оставленных минувшими поколениями. В замке никогда не было света, и поэтому я любил зажечь свечу и, не отрываясь, глядеть на нее. Но света не было и снаружи, ибо ненавистные деревья намного превосходили высотой самую высокую из доступных мне башен. Лишь одна черная башня возносилась над лесом и уходила в неведомое наружное небо, но подходы к ней были разрушены, и на нее никак нельзя было взобраться, разве что сделать заведомо безнадежную попытку вскарабкаться по голой стене, одолевая ее камень за камнем.

Вероятно, я прожил в этом месте долгие годы, но я не умею определять время. Кто-то, должно быть, заботился об удовлетворении моих нужд, однако я не могу припомнить никого, кроме

Печатается по: Лавкрафт Г. Ф. Изгой / пер. с англ. О. Мичковского [Электронный ресурс]. URL: <https://lovecraft.country>.

самого себя; ни единой живой души, если не считать безмолвных крыс, летучих мышей и пауков. Впрочем, кто бы он ни был, мой радатель, он представляется мне невероятно старым, потому что мое первое понятие о живом человеке связано с чем-то карикатурно схожим со мной самим, только гораздо более уродливым, сморщенным — и ветхим, как и весь замок. Я никогда не находил ничего отталкивающего в тех костях и скелетах, что усыпали дно глубоких, сложенных из камня ям в подвалах замка. В моем воображении эти предметы причудливо ассоциировались с повседневностью, и я считал их, пожалуй, более натуральными, чем цветные изображения людей, попадавшие мне в пыльных книгах. Все, что я знаю, вычитано мною из этих книг. Никто не наставлял и не учил меня, и я не помню, чтобы хоть раз за все эти годы мне довелось услышать человеческий голос, в том числе и свой собственный, ибо хотя я и читал о том, что такое речь, мне даже в голову не приходило попробовать заговорить вслух. Наружность моя равно не являлась предметом моих размышлений, так как в замке не было зеркал, и я разве что бессознательно ощущал себя похожим на тех молодых людей, чьи изображения встречались мне на рисунках и гравюрах в книгах. Молодым же я осознавал себя потому, что почти не имел воспоминаний.

За стенами замка, по ту сторону гниющего рва, я часто отдыхал под темными кронами молчаливых деревьев и часами мечтал о прочитанном в книгах, с тоскою рисуя себя среди веселых и шумных толп в солнечном мире за бескрайним лесом. Однажды я попытался выбраться из этого леса, но чем дальше отходил от замка, тем гуще становились тени, тем больше наполнялся воздух гнетущим страхом, и я, как безумный, бросился назад, боясь заблудиться в лабиринте ночной немоты.

Так, в вечном полумраке, я ждал и мечтал, сам не зная о чем. Но вот тоска моя по свету в этом сумрачном безлюдье стала столь невыносимой, что я не вытерпел и с мольбою воздел руки к единственной башне, черной и полуразрушенной, которая возвышалась над лесом и уходила в неведомое небо.

✦ *И тогда я решил, что поднимусь на эту башню, чего бы это мне ни стоило, ибо лучше раз взглянуть на небо и погибнуть, чем вечно жить, не видя света дня.*

В промозгом полумраке я взбирался по старым, стертым каменным ступеням, пока не достиг места, где они кончались и отку-

да наверх вели лишь небольшие углубления в стене, которыми я и воспользовался на свой страх и риск. Ужас и отчаяние внушал мне этот мертвый гладкий каменный цилиндр, черный, пустынный и немой, тем более зловещий оттого, что с его стен то и дело бесшумно взмывали в воздух вспугнутые мною нетопыри. Но еще в больший ужас и отчаяние приводило меня то, как невероятно долго длился мой подъем, ибо сколько я ни лез, тьма у меня над головой не рассеивалась. Вековым могильным холодом веяло на меня, и я трепетал, не в силах объяснить себе, почему я не могу достичь света. Вообразив, что меня застигла ночь, тщетно пытался я нащупать свободной рукой бойницу, чтобы выглянуть наружу и определить высоту, на которой нахожусь.

Но вот, после бесконечно долгого и рискованного подъема вслепую по этой безнадежной вогнутой круче, я почувствовал, что голова моя упирается во что-то твердое, и понял, что достиг крыши или, во всяком случае, какого-то перекрытия. В темноте я не мог различить, что это за преграда, а потому потрогал ее рукой и убедился, что это нечто каменное и неподвижное. Тогда я стал двигаться по окружности башни, цепляясь за все, за что только можно было ухватиться на скользкой стене, и поминутно рискуя сорваться вниз, пока наконец не нашел то место, где преграда слегка подавалась. Поскольку руки мои были заняты, я уперся в эту плиту или, точнее, крышку люка головой и, рванувшись вверх, приподнял ее. Моя надежда увидеть свет не оправдалась, и, пролезая в открывшийся проем, я уже знал, что путь мой завершён лишь на время, ибо передо мною была ровная каменная площадка, большего диаметра, нежели нижняя часть башни. Очевидно, это был пол какой-то грандиозной дозорной комнаты. Выбираясь на него, я старался двигаться так, чтобы тяжелая плита не вернулась на свое место, но при всей осторожности я не смог этого предотвратить — простершись в изнеможении на каменном полу, я услышал гулкое эхо, вызванное ее падением. Впрочем, я надеялся, что при необходимости мне снова удастся ее приподнять.

Теперь-то уж, казалось мне, я нахожусь на такой высоте, куда не достают ветви проклятого леса. С трудом поднявшись на ноги, я стал на ощупь искать окно, чтобы наконец увидеть небо, месяц и звезды, о которых так много читал. Но куда бы я ни повернулся, меня всюду ждало разочарование — кругом были лишь одни широкие мраморные выступы, служившие подставкой для продолговатых сундуков пугающих размеров. Чем больше я думал и гадал, тем неодолимее становилось желание узнать, что за седые тайны скрывает это хранилище, отрезанное от нижнего замка

веками расстояния. Но тут я неожиданно нащупал нишу с каменной дверью, покрытой каким-то необычным рельефом. Толкнув ее, я убедился, что она заперта, — тогда я собрал все силы и одним могучим рывком, способным сокрушить все земные препятствия, втянул ее внутрь, на себя. Едва я сделал это, как меня охватило сильнейшее из блаженств, когда-либо испытанных мною, — впереди, за декоративной металлической решеткой, к которой поднималось несколько каменных ступеней, сияла мягким, бархатным светом полная луна, виденная мною до того лишь в сновидениях и смутных грезах, которые я не осмеливаюсь назвать воспоминаниями.

Полагая, что на этот раз я уж точно достиг самой верхушки башни, я было бросился вверх по ведущим к решетке ступеням, но тут луну закрыла туча, в наступившей темноте я споткнулся и далее был вынужден продвигаться уже более осторожно и медленно. Когда я добрался до решетки, было по-прежнему темно; тронув ее, я удостоверился в том, что она не заперта, но открывать ее полностью не стал, боясь упасть с той головокружительной высоты, на которую поднялся. И в этот момент снова появилась луна.

Ничто не потрясает так сильно, как то, что до беспредельности неожиданно и до нелепости невероятно. Самое страшное из пережитого мною прежде не шло ни в какое сравнение с тем, что предстало моему взору в этот миг — с той абсурдной картиной, что открылась передо мной. Сама по себе она была, пожалуй, вполне прозаической, но тем-то и более ошеломляющей, ибо вот что я увидел: вместо головокружительной панорамы бескрайнего леса, обозреваемой с огромной высоты, сразу за решеткой и на том же уровне, где я стоял, простиралась ровная поверхность земли, усеянная мраморными плитами и обелисками, сгрудившимися вокруг старинной каменной церкви, шпиль которой призрачно поблескивал в лунном свете.

Действуя почти бессознательно, я отворил решетку и ступил на выложенную белым гравием дорожку, расходившуюся в двух направлениях. Моим рассудком, в каком бы оторопелом и беспорядочном состоянии он ни пребывал, по-прежнему владело неистовое стремление к свету, и даже испытанное мною разочарование не могло охладить меня. Я не имел понятия, да и не хотел понять, что это было — сон, наваждение или волшебство, — но я был полон решимости узреть великолепие и блеск мира, чего бы это мне ни стоило. Я не ведал, кто я, что я, где я нахожусь, но, продолжая следовать вперед неверными шагами, я вдруг начал смутно что-то припоминать, и это дремавшее во мне до поры воспо-

минание подсказало мне, что путь мой не совсем случаен. Миновав участок с плитами и обелисками, я вышел через арку на открытое пространство и теперь следовал по дороге, местами сохранившейся и хорошо заметной, местами же терявшейся среди густых трав, где только отдельные развалины выдавали ее прежнее присутствие. Один раз мне пришлось переплыть через быстрый поток, посреди которого вздымались остатки замшелой и осыпающейся каменной кладки, свидетельствовавшие о том, что здесь некогда стоял мост.

Прошло, должно быть, больше двух часов, прежде чем я достиг своей предполагаемой цели — старого, увитого плющом замка посреди парка с густыми зарослями деревьев; замок до безумия знакомого и до неузнаваемости чужого. Я обнаружил, что ров заполнен водой, а многих известных мне башен нет. Меня также смутило присутствие нескольких новых флигелей. Однако более всего меня привлекли и приятно удивили настезь распахнутые окна, из которых вырывались снопы яркого света и доносились звуки самого буйного веселья. Приблизившись к одному из них, я заглянул внутрь и увидел большую компанию людей в необычных одеяниях; они пировали и вели оживленную беседу. Я ни разу не слышал, как звучит человеческая речь, и потому мог только смутно угадывать, о чем они говорили. Черты некоторых присутствующих пробудили во мне неясные, бесконечно далекие воспоминания; остальные лица были совершенно незнакомыми.

Через окно, расположенное вровень с землей, я вступил в ярко освещенный зал — и это был шаг от неповторимого проблеска надежды к жесточайшему из потрясений, к отчаянию и осознанию горькой истины. Кошмар не заставил себя ждать, ибо как только я вошел, глазам моим предстала ужаснейшая из сцен, какие только можно вообразить. Едва я сделал этот шаг, как всю компанию охватил внезапный и необъяснимый ужас, исказивший до уродства лица гостей и исторгнувший нечеловеческие вопли едва ли не из каждой глотки. Все разом бросились уносить ноги. В создавшейся суматохе и панике одни падали в обморок, другие подхватывали и тащили бесчувственные тела за собой в безумной спешке. Многие прикрыли глаза руками и, словно слепые котят, беспомощно тыкались в разные стороны, опрокидывая мебель и налетая на стены, прежде чем им удавалось добраться до какой-либо из многочисленных дверей.

Оставшись один в роскошном зале и еще не придя в себя от их душераздирающих криков, отзвуки которых постепенно стихали в отдалении, я вдруг затрепетал при мысли о том, что где-то рядом

со мной затаилось нечто, чего я до сих пор не замечал. На первый взгляд зал казался пустым, но, когда я двинулся к одной из ниш, мне почудилось, будто я уловил там какое-то шевеление или что-то в этом роде — там, за обрамленным золотом дверным проемом, ведущим в другой, чем-то похожий на первый, зал. По мере приближения к арке я все более убеждался в том, что кроме меня в зале еще кто-то есть, и все же ужас, что предстал передо мной, был слишком неожиданным. Издав первый и последний в своей жизни звук — отвратительное завывание, потрясшее меня не меньше, чем его омерзительная причина, — я узрел во всей ужасной очевидности столь невообразимое, неописуемое и безобразное чудовище, какое вполне могло одним видом своим превратить веселую компанию в беспорядочную толпу обезумевших от страха беглецов.

Я не в силах даже приблизительно описать, как выглядело это страшилище, сочетавшее в себе все, что нечисто, скверно, мерзко, непотребно, аморально и аномально. Это было какое-то дьявольское воплощение упадка, запустения и тлена, гниющий и разлагающийся символ извращенного откровения, чудовищное обнажение того, что милосердная земля обычно скрывает от людских глаз. Видит Бог, это было нечто не от мира сего — во всяком случае, теперь уже не от мира сего, — и тем не менее, к ужасу своему, я разглядел в его изъеденных и обнажившихся до костей контурах отталкивающую и вызывающую карикатуру на человеческий облик, а в тех лохмотьях, что служили ему одеянием, — некий отдаленный намек на знатность, отчего мой ужас только усилился.

Я был почти парализован — правда, не настолько, чтобы не предпринять слабую попытку к бегству; но одного неверного шага назад оказалось недостаточно для того, чтобы разрушить чары, которыми сковал меня этот безымянный и безголосый монстр. Глаза мои, словно заколдованные неподвижно уставившимися в них тусклыми, безжизненными зрачками, отказывались повиноваться мне и, как я ни старался, не закрывались — они лишь милосердно затуманились, и богомерзкий призрак представлялся мне теперь не так отчетливо, как в момент первого шока. Я попытался было поднять руку, чтобы заслониться от этого зрелища, но силы оставили меня до такой степени, что рука не вполне повиновалась моей воле. Однако в результате этой попытки я потерял равновесие, и, чтобы не упасть, мне пришлось ступить несколько шатких шагов вперед. И только тогда, в тот самый момент, когда я делал эти шаги, я внезапно и как-то судорожно

осознал, насколько близко нахожусь от этого чудовищного исчадия ада; мне даже почудилось, что я слышу глухой шум его дыхания. Находясь на грани помешательства, я все же нашел в себе силы выбросить вперед руку и отстранить от себя зловонный призрак, стоявший почти вплотную ко мне. И в этот самый миг, в это катастрофическое мгновение вселенского кошмара и адского катаклизма пальцы мои коснулись протянутой ко мне гниющей лапы монстра, стоявшего под позолоченным сводом.

Я не издал ни звука, но все кровожадные вампиры, оседлавшие ночной ветер, вскричали за меня в тот самый миг, когда на мой рассудок одной стремительной лавиной обрушились душегубительные воспоминания. За одну секунду я вспомнил все, что было со мною прежде, еще до того ужасного замка с его деревьями; я припомнил здание, со временем переделанное, в котором сейчас находился; и, что было кошмарнее всего, я узнал то богомерзкое существо, которое в момент, когда я отдергивал свои запятнанные пальцы от его лапы, оскалилось в чудовищной ухмылке.

Но во вселенной наряду с горечью существует и сладость, и имя этой сладости — забвение. В невыносимом ужасе того мгновения забылось все, что угнетало меня, и наплыв мрачных воспоминаний рассеялся хаотичным эхом перекликающихся образов. Грезя наяву, я покинул это проклятое логово призраков и быстро и бесшумно выбежал наружу — туда, где светила луна. Вернувшись на кладбище с мраморными плитами и спустившись по ступеням к каменному люку, я убедился, что его уже не сдвинуть с места, но это меня отнюдь не огорчило, ибо я уже с давних пор ненавижу тот старинный замок внизу и его деревья. Отныне я разъезжаю верхом на ночном ветре в компании с насмешливыми и дружелюбными вампирами, а когда наступает день, мы резвимся в катакомбах Нефрен-Ка, что находятся в неведомой и недоступной долине Хадиф возле Нила. Я знаю, что свет — не для меня, не считая света, струящегося луной на каменные гробницы Неба; не для меня и веселье, не считая веселья запретных пиров Нитокрис под Большой пирамидой. И все же в этой своей обретенной свободе и безрассудстве я едва ли не благословляю горечь отчуждения.

Ибо, несмотря на покой, принесенный мне забвением, я никогда не забываю о том, что я — изгой, странник в этом столетии и чужак для всех, кто пока еще жив. Мне это стало ясно — раз и навсегда — с того момента, когда я протянул руку чудовищу в огромной позолоченной раме; протянул руку — и коснулся холодной и гладкой поверхности зеркала.

ЯПОНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ПЕРЕВОД С ЯПОНСКОГО ЕКАТЕРИНЫ КАЛЛАГОВОЙ

Екатерина Каллагова

ИССУМБОСИ

Давным-давно жили в одной деревушке старик со старухой. Детей у них не было, и они очень горевали об этом.

— Господь, просим тебя, пошли нам ребеночка, хоть самого маленького, хоть ростом с большой палец! — обращались они к богу солнца.

И бог солнца услышал их мольбу. Однажды поутру под персиковым деревом они нашли дитя — мальчика. Правда, ростом он был не больше ноготка. Поэтому родители назвали его Иссумбоси — «мальчик с пальчик».

Шли годы. Но и в пять, и в семь, и в двенадцать лет Иссумбоси оставался таким же маленьким.

Малыш умел хорошо петь и танцевать, но совсем не получалось у него помогать родителям. И это очень огорчало Иссумбоси.

Терпел-терпел он и решил, наконец, уйти из дома.

— Поеду в столицу, — сказал мальчик однажды родителям, — может быть, там найду работу себе под стать. Отпустите меня, не печальтесь.

Очень не хотелось старику и старухе расставаться с сыном. Но что поделать? Все труднее стало зарабатывать на пропитание. И решили они отпустить сына на заработки.

Иссумбоси стал собираться в дорогу. Вместо посоха взял он деревянную палочку для еды, а чайная чашечка заменила ему зонтик. Долгой была дорога до столицы, а на пути могло встретиться немало трудностей и опасностей. Иссумбоси взял с собой меч — обыкновенную иглу, которую он вложил в ножны из соломинки. Родители проводили сына до околицы.

— Иди по этой дороге. Она приведет тебя к реке. Чтобы добраться до столицы, надо плыть вверх по течению, — объяснили они.

— Не горюйте, — сказал Иссумбоси, низко поклонился родителям и бодро зашагал по дороге.

Долго шел Иссумбоси, а реки все не было. И вдруг на пути повстречался ему Муравей.

— Господин Муравей! Не скажете ли, как выйти к реке? — спросил Иссумбоси.

— До реки еще далеко, — охотно ответил Муравей. — Иди по этой дорожке среди одуванчиков и дойдешь.

— Спасибо, господин Муравей! — сказал Иссумбоси и свернул на едва заметную тропинку.

Шел-шел Иссумбоси, и, только когда совсем выбился из сил, впереди послышался шум воды. Еще немного — и он стоял на берегу огромной реки.

Но как плыть по ней? Вот тут-то и пригодилась чашка. Она заменила Иссумбоси лодку, а палочка — весло. Изо всех сил направлял мальчик свою лодку вверх по течению. А когда стемнело, Иссумбоси закрепил ее среди тростников, свернулся клубочком и заснул.

Три дня плыл он. И вот на берегах реки показались первые дома. Их становилось все больше. Чашечка проплыла под большим красивым мостом. И наконец Иссумбоси оказался в столице. «Какой огромный город! Как много здесь народа! — подумал Иссумбоси. — Но куда же мне идти?»

Он хотел спросить у кого-нибудь, где можно найти работу. Но мальчика никто не замечал. Боясь, что его раздавят, Иссумбоси очень внимательно смотрел вокруг и передвигался с большой осторожностью.

— Какой дом! Настоящий дворец! — прошептал Иссумбоси, добравшись до места. — Наверняка здесь найдется подходящая для меня работа.

Он пролез в щелку прикрытых ворот и остановился перед большой каменной лестницей, ведущей в дом.

— Здравствуйте! Это я, Иссумбоси! — закричал мальчик изо всех сил.

Из дома вышел человек с усами, спустился по лестнице, поглядел по сторонам и сказал удивленно:

— Кто здесь пищит? Никого не видно!

— Здесь я, в тени ваших гэта¹. Пожалуйста, не наступите на меня! — прокричал Иссумбоси.

Увидев малыша, человек очень удивился. Он поднял Иссумбоси и спросил:

— Кто ты и зачем пришел сюда?

— Я Иссумбоси! Пришел в столицу из деревни. Нет ли у вас подходящей для меня работы?

Человек засмеялся и спросил:

— А что же ты умеешь делать, отважный путник?

— Смотрите! — воскликнул Иссумбоси и, выхватив из ножен иглу, пронзил ею пролетавшую муху. — А еще я умею петь и танцевать!

Иссумбоси тут же исполнил прекрасный танец.

— Ну что ж, беру тебя на службу!

¹ Японские деревянные сандалии.

И мальчик остался в этом доме. Все любили его, но особенно понравился он дочке хозяина — прекрасной Ханako.

Когда девушка занималась каллиграфией, Иссумбоси должен был придерживать бумагу. Во время игры в сугороку он передвигал фигуры на доске. Кроме того, он часто веселил своими песнями и танцами хозяев и гостей дома.

Прошло несколько лет. И вот однажды Ханako вместе с Иссумбоси и слугами отправилась в храм Киемидзу.

На обратном пути проходили они по заброшенным местам. Вдруг из тени деревьев выскочили три огромных черта: зеленый, черный и красный. Зеленый и черный держали в руках толстые железные копыя, а красный крепко сжимал молоток счастья.

— Попались! Сейчас мы похитим эту девушку!

— У вас не получится это сделать! Потому что здесь я, Иссумбоси! — воскликнул мальчик.

С этими словами бесстрашный Иссумбоси подпрыгнул и кольнул иглой в глаз зеленого черта. Да так сильно, что тот позеленел еще больше.

— Ай! — закричал черт, бросил свое копые и кинулся бежать.

Тогда Иссумбоси нацелился на черного черта. Укол! Еще укол! И черный черт, став от боли чернее черного, пустился наутек.

Увидев это, красный черт открыл свою огромную пасть, пытаясь проглотить Иссумбоси.

Мальчик прыгнул прямо в пасть красного черта и стал колоть мечом его язык.

— Ой, больно! Отпусти! Сдаюсь! Ой! — завопил черт.

Тогда Иссумбоси спрыгнул на землю, а красный черт пустился без оглядки бежать, уронив молоток счастья.

Иссумбоси поднял волшебный молоток и показал его девушке.

— Моя госпожа Ханako! Это молоток счастья. Если стукнуть им три раза о землю, то исполнится любое желание. Теперь он ваш. Возьмите его.

— Нет, нет! — ответила Ханako. — Он по праву ваш. Пусть исполнится ваше желание!

— Мое желание? Хочу стать большим, как все! — воскликнул Иссумбоси.

Девушка стукнула волшебным молотком о землю.

Раз! И Иссумбоси стал больше.

Два! И Иссумбоси стал еще больше.

Три! И перед Ханako стоял красивый стройный юноша.

Весть о подвиге Иссумбоси быстро разнеслась по всей столице. Не было человека, который бы не знал о храбром мальчике с пальчик.

Вскоре Иссумбоси женился на прекрасной Ханako, позвал своих родителей в столицу, и стали они жить все вместе долго и счастливо.

СОЛОМЕННАЯ ШЛЯПА

Жили-были бедный старик со своею старухой. Старик плел большие соломенные шляпы на продажу, а старуха хлопотала по хозяйству.

Однажды в канун Нового года старушка увидела, что риса осталась одна жалкая горсточка. В тот день выпало очень много снега, и старики не смогли собрать солому для шляп. Хозяйка дома вздохнула и поставила на огонь воду, чтобы сварить остаток риса.

Тут из норки в стене появились мышата.

— Как хочется есть! — заплакали они.

— Бедные, — сказал старик, — мы настолько бедны, что даже мыши у нас голодные.

Из жалости он отдал мышатам половину оставшегося риса, так все вместе они поужинали.

На следующее утро мыши выбрались из дома, вытоптали снег и собрали огромную охапку соломы.

Они с веселым писком внесли солому в дом.

— Это в благодарность за рис, которым вы поделились с нами прошлой ночью.

Старик чуть не заплакал от счастья. Сейчас они сплетут шляпы, продадут их в городе и купят много вкусной еды на Новый год.

Старик и старуха дружно принялись за работу, а мыши по мере сил помогали им. Когда соломы уже не осталось и последняя шляпа была готова, старик сложил головные уборы себе за спину и пошел в город по глубокому белому снегу.

Когда до города оставалось рукой подать, он заметил каменные статуи Джидзо-сама², головы которых были покрыты снегом.

— Джидзо-сама, вам, наверное, очень холодно, — с этими словами старик снял свою повязку с головы и осторожно смел ею снег с каждой статуи...

А в городе царила предновогодняя суета. До праздника оставались считанные часы, веселая толпа уже готовилась встречать Новый год.

Старик, оказавшийся в гуще толпы, кричал:

— Соломенные шляпы! Прекрасные шляпы!

² Буддистское божество.

Но никто так и не купил у него ни одну из них. Вскоре улицы опустели, и зазвучал колокол ночной стражи.

Старик взвалил шляпы на плечи и, печальный, побрел домой по занесенным снегом улицам.

«У меня нет ничего, что я мог бы принести в жертву Джидзо-сама», — с грустью подумал он, приближаясь к окраине города.

Проходя мимо статуй Джидзо-сама, он увидел, что их снова запорошило снегом. Старик вновь снял повязку со своей головы и аккуратно смахнул снег с каждой из статуй. Задумавшись, он произнес:

— Я не продал ни одной шляпы, не купил ни яблок, ни риса, мне нечего предложить вам. Примите от меня в дар хотя бы шляпы, которые защитят вас от непогоды в эту праздничную ночь.

С этими словами старик надел пять шляп на головы статуй. Непокрытой оставалась только голова последней — шестой. Старик подумал немного, затем снял свою повязку и бережно укутал ею голову шестой статуи. Домой он вернулся с пустыми руками.

Когда старик переступил порог своей хаты, мыши увидели, что за спиной у него нет ни одной шляпы. Они обрадовались, думая, что он продал их все.

— Простите меня. Я не смог ничего продать, — всхлипнул старик и рассказал жене и мышам все, что с ним приключилось.

Старуха, послушав, утешила своего мужа:

— Ты сделал доброе дело. Давайте вместо риса поедим коренья, а вместо чая попьем кипяченую воду и встретим Новый год.

И вдруг в полночь послышались громкие крики с улицы:

— Новый год пришел! Где здесь дом старого продавца шляп?

То были голоса статуй Джидзо-сама, которые подошли к самому дому стариков. Статуи везли с собой сани, доверху нагруженные рисом, бобовой пастой, яблоками и другими лакомствами.

— Спасибо вам за прекрасные шляпы, уважаемый продавец. В благодарность за доброту мы оставляем вам эти подарки. Счастливого Нового года!

После этого статуи Джидзо-сама вернулись на окраину города.

Теперь у старика со старухой было много продуктов, гораздо больше, чем им было нужно. Они попросили мышей пригласить к ним в гости и других животных. Все вместе приготовили роскошный праздничный ужин.

Затем старик положил в коробочку новогодние рисовые лепешки и отнес их к статуям Джидзо-сама.

— Спасибо вам, — обратился он к ним.

Старик вернулся домой и вместе с женой, мышами и их друзьями весело встретил Новый год.

СКАЗАНИЕ О ПРИНЦЕССЕ КАГУЯ-ХИМЭ

Давным-давно жили старик и старуха. Старик дровосеком был. Старым и бедным. Каждое утро отправлялся он в горы бамбук собирать.

Пришел старик как-то в лес, вошел в бамбуковую рощу да и остановился, увидев таинственный свет. Огляделся дровосек и глазам своим не поверил: переливается один ствол чистым золотом. Удивился старик, к нему с опаской подошел да и срубил. Смотрит, а внутри ствола лежит девочка, крошечная, и светится вся, будто звездочка. Взял он девочку на руки и отнес домой.

— Сжалились над нами боги, — решили старики, — и послали на старости лет дитя маленькое.

Взяли они девочку к себе жить и назвали ее Кагуя-химэ, что означает «Лучезарная».

Стала девочка расти, стариков радовать, а у дровосека с тех пор что ни день, то удача: как придет в лес, обязательно золотой бамбук найдет. Разбогатели старик и старуха. А Кагуя-химэ росла и превратилась в красавицу невиданную.

Со всей округи приходили люди на нее посмотреть. Разлетелась весть о ее красоте по всему свету. Многие из знати хотели взять ее в жены, да только Кагуя-химэ всем женихам отвечала:

— Не пойду замуж и в края далекие не поеду. Не могу я со своими родителями расстаться.

Не нравилось старику, что дочка все замуж не выходит, очень ему хотелось с богачом породниться. Жадность его одолела, вот и придумал он:

— Отдам я дочку свою тому, кто три чудесные вещицы мне подарит: ветвь с золотыми плодами, руно золотое и блестящий веер, а еще пусть ожерелье из драконьего глаза принесет да ткани сверкающие!

Вот только распугал старик женихов. Много среди них и богатых, и знатных было, но никто условия выполнить не мог. А старику-то и невдомек было, что разом потускнеют все его сокровища рядом с красотой Кагуя-химэ.

Между тем приближалась ночь полнолуния. Радовались люди, к празднику готовились. Но вот беда: чем ярче светила по ночам луна, тем печальней становилась Кагуя-химэ. Не хотелось ей больше веселиться, не радовали ее новые наряды. Сядет в уголочке, на луну засмотрится и плачет.

Занервничали старики: уж не заболела ли?

— Что с тобой? — спрашивают. — Почему ты так грустно на луну смотришь?

Заплакала девушка и говорит:

— Очень мне хочется, родители мои, навсегда с вами остаться. Не хочу я на луну возвращаться! Ведь не знаете вы, что явилась я на землю с самой луны.

— Да как это с луны? — удивились старики.

— Да, и придется мне вернуться. Зовет меня к себе луна.

— А когда надо возвращаться? Скоро? — испугались старики.

— Очень скоро, — ответила Кагуя-химэ. — Как взойдет на небе полная луна, так и появится лунный посланник.

— Как взойдет полная луна? — воскликнули старики. — Да ведь это же завтра! Бедная наша дочка! На кого ты нас оставляешь?! Как же мы жить без тебя будем?!

Думали старики, как им Кагуя-химэ удержать, и решили ее от луны спрятать. Отвели они девушку в дальние комнаты, а вокруг дома самураев поставили.

Показалась над горой большая луна. Натянули самураи тетивы и нацелили свои луки в небо.

Поднялась луна над домом старика. Стоят самураи, лунным блеском ослепленные, но крепко луки в руках держат. Натянул один из них тетиву и пустил стрелу в самое небо. Полетела та стрела, закружилась, а потом вдруг вмиг исчезла. Заблестела тут луна недобрым блеском. Еще ярче озарила землю.

Зажмурились самураи и на месте застыли, будто неизвестная сила их в землю вогнала. А потом понемногу свет рассеялся, и появилась в лунном блеске небесная фея на крылатом коне.

Вскрикнула Кагуя-химэ и вперед пошла, словно кто-то за руку ее повел. Вышла из дома, руки к луне протянула и говорит:

— Прощайте, родители мои! Не могу я больше с вами оставаться, ухожу к луне!

Бросились старики за дочкой, да поняли, что нет у них сил с луной состязаться. Подхватил крылатый конь девушку и к небесам подниматься стал.

— Прощайте! — крикнула в последний раз Кагуя-химэ и бросила что-то на землю.

Моргнули старики — луна как обычно светит, ни коня крылатого, ни дочки не видно. Посмотрели под ноги: лежит на земле маленький мешочек.

— Это же мешочек долголетия, — догадались старики. — В нем, говорят, порошок вечной жизни хранится.

Повертели старики мешочек в руках и говорят:

— Незачем он нам. Мы и так долгую жизнь прожили. Какое счастье нам еще нужно?

И бросили его в огонь. Поднялся дым высоко в небо, а вместе с ним полетела вечная печаль стариков о Кагуя-химэ.

АВТОРЫ НОМЕРА

АГУЗАРОВА Элина родилась в 1996 году в Грозном. Студентка 1-го курса магистратуры факультета русской филологии СОГУ. Документовед кафедры русской и зарубежной литературы. Участница многочисленных научно-практических конференций и лауреат исследовательских конкурсов.

АЛИЕВ Тимур родился в 1973 году в Грозном. За свою жизнь сменил несколько профессиональных поприщ: из сферы IT перешел в журналистику и издательскую деятельность, работал также в общественном секторе, с 2007 года — на государственной службе. Автор нескольких десятков повестей и рассказов, изданных в различных сборниках и журналах.

АРДАШЕВА Маргарита родилась в Ставрополе в 1996 году. Окончила магистратуру «Филология: русская литература» Северо-Кавказского федерального университета. Участник XV и XVI Международных форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (г. Звенигород). Произведения опубликованы в журналах «Дарьял», «Новая юность», «Сура» и др.

БЕТРОЗТИ Руслан родился в 1995 году во Владикавказе, большую часть жизни провел в Москве. Юрист. Окончил бакалавриат и магистратуру Финансового университета. С детства увлекался разного рода творчеством, в основном изобразительным. «Тяга к справедливости и юношеский максимализм толкнули меня поступить на юридический факультет в надежде стать судьей. Только проработав в системе, понял, как далеки от нее школьные представления. Сублимирую в творчество».

БУЛГАКОВ Михаил (1891–1940) — русский писатель советского периода, врач, драматург, театральный режиссер, актер. Автор романов, повестей, рассказов, пьес, киносценариев и фельетонов. Мировую известность писателю принес роман «Мастер и Маргарита».

БУЛЫЧЕВ Кир (наст. имя Игорь Можейко) (1934–2003) — советский и российский писатель-фантаст, драматург, сценарист, востоковед, литературовед. Наиболее известен циклом детских книг о девочке из будущего Алисе Селезнёвой.

ГАМИ Диана родилась в 1985 году в Кизляре, Республика Дагестан. В 2008 году окончила филологический факультет СОГУ (отделение МХК). Защитила диплом по теме «Специфика изображения двойничества в современном фэнтези». В 2022 году окончила курсы по повышению квалификации в Литературном институте имени А. М. Горького по фэнтези-литературе. Автор монографии «Теория и практика творчества: как сделана литература фэнтези». Работает в журнале «Международная жизнь» (издание МИД РФ). Живет во Владикавказе.

ГЕЛЯСТАНОВ Мурат родился в 1986 году в Нальчике. В 2008-м окончил биологический факультет КБГУ. Работает преподавателем биологии и химии. Публиковался в журнале «Дарьял». Участник северокавказских форумов молодых писателей.

ДЗЕРАНОВ Алан родился в Новочеркасске в 1996 году. Окончил специалитет кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета. Живет в Ставрополе. Ранее не публиковался.

ДРИАЕВ Георгий — архитектор, выпускник кафедры «Архитектура и дизайн» Северо-Кавказского горно-металлургического института.

ДРЯЕВА Залина родилась в 1977 году. Преполагает в школе, в свободное время занимается рисованием. Живет во Владикавказе.

ДЫМЧЕНКО Денис родился в 2003 году. Студент Ставропольского государственного педагогического института. Публиковался в литературно-художественной газете «Горцы» (Дагестан). Участник мастерской для молодых писателей от АСПИР 2022 года. В 2023 году вошел в лонг-лист литературной премии им. А. И. Левитова (Липецк). Лауреат премии «Лицей» (спецприз жюри).

КАЛЛАГОВА Екатерина родилась во Владикавказе в 1996 году. Окончила факультет журналистики Северо-Осетинского госуниверситета им. К. Л. Хетагурова. Изучает и преподает японский язык. Переводит тексты в паре японский — русский, русский — японский. Работает выпускающим редактором в информационном агентстве «ИрИнформ».

КОЧИСОВА Зарина родилась в 1991 году во Владикавказе. Окончила юридический факультет СПбГУ в 2013 году. В настоящий момент живет в США. С художественной прозой публикуется впервые.

ЛАВКРАФТ Говард (1890–1937) — американский писатель, работавший в жанрах литературы ужасов, мистики, фэнтези и научной фантастики; журналист. Наиболее известен циклом произведений «Мифы Ктулху».

ЛУКОЖЕВА Залина родилась в 1978 году в городе Терек Кабардино-Балкарии. Детский писатель, журналист, драматург. Публиковалась в журналах «Литературная Кабардино-Балкария», «Солнышко», «Нур» (Нальчик), «Сундук» (Донецк), «Горец» (Махачкала), «Проспект» (Владикавказ) и др. Автор книг «Сказки Волшебного леса» (2016), «Нартшао и Дуней» (2019), «Блуждающие звезды / Вагъуз Абрэдж» (на двух языках) (2023). Живет и работает в Нальчике.

ЛЯЛЮЛИН Алексей родился в 1967 году в Москве. Отслужив в армии, окончил химический факультет МГУ. После развала СССР сменил много специальностей и профессий — от научного сотрудника Московского университета до продавца запчастей на рынке «Фаллой» во Владикавказе. Занимался автоспортом, был призером чемпионата России по трофи-рейдам. Увлечение off-road позволило стать внештатным журналистом в изданиях, пишущих об автомобилях, путешествиях и приключениях. Член Русского географического общества. Автор мистических рассказов, где история и реальность тесно переплетены с мифологией и фольклором. Автор романа «Печать Мары».

МАЗУРЕНКО Марина — поэт, прозаик. Родилась в Нальчике в 1992 году. Автор сборника стихов «Сказки ветра над черной водой» (2020). Печаталась в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Дарьял», «Литературная Кабардино-Балкария». Участница Форума молодых писателей России «Липки» (2019–2023), а также писательских мастерских АСПИР (2022, 2023).

ОМАРОВ Артур родился в 1988 году во Владикавказе. Сценарист и режиссер, инженер по образованию. Вместе с женой Елизаветой Чухаровой работает над развитием своей студии независимого кино Norragarpon. Также публиковался в журналах «Дарьял» и «Найди лесоуба».

САЙМАК Клиффорд (1904–1988) — американский писатель, работавший в жанре научной фантастики и фэнтези; журналист. Считается одним из основателей современной американской фантастики.

САЛАХАНОВ Адам родился в 1984 году в Грозном. Род деятельности — евроремонты, дизайн помещений, строительные и внутриотделочные работы. Прозу начал писать с 28 лет. Работал над адаптацией своих рассказов «Зов могилы» и «Дереализация» в киносценарии «Ц1пялцлг» и «Тускар», по первому независимый режиссер Заур Цугаев снял фильм. С 2019-го — член Союза писателей России. Участвовал в художественном проекте галереи «Гараж» с последующей выставкой экспериментальной трилогии «Де» и графическим романом «Ретроспектр. Таймсах». Ведет литературный телеграм-канал «book(ассенизатор)». Живет в селе Гехи Чеченской Республики.

ТАВАСИЕВ Ростан — художник. Родился в 1976 году в Москве. Учился в МГХПА им. Строганова и Институте современного искусства Иосифа Бакштейна. В период с 2002 по 2021 год состоялось 30 персональных выставок Ростана Тавасиева и более 75 групповых с его участием. Известен тем, что придумал Бегемотопись и исследует взаимодействие искусства с научной фантастикой. Последние несколько лет занимается исследованием возможностей создания произведений искусства в космосе. Работы художника находятся в коллекции Государственной Третьяковской галереи, Мультимедиа Арт Музея, Московского музея современного искусства, Красноярского музейного центра.

ХАТАГТЫ Алан родился во Владикавказе. Окончил Владикавказское художественное училище, а в 2004 году — Санкт-Петербургскую государственную художественно-промышленную академию им. А. Л. Штиглица. С 2007 по 2017 год — участник группы «Непокоренные». Выставляется с 2007 года. Является постоянным участником крупных выставочных проектов Русского музея. Занимается созданием абстрактных объектов, живописью и графикой.

ЦОГОЕВА Диана родилась в Моздоке в 1999 году. Магистр факультета русской филологии СОГУ им. К. Л. Хетагурова по направлению «Русский язык» 2023 года выпуска. Работала учителем русского языка и литературы в гимназии. Занимается редактурой. Живет в Тольятти, работает учителем-филологом в детской частной школе.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ДАРЬЯЛ»

1–6'2024

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ЦХУРБАЕВ Алан. «Журнал — это явление». № 5
ЦХУРБАЕВ Алан. Как я полюбил, бросил и снова полюбил читать. № 3

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

АБАЕВ Олег. Телефон. *Рассказ*. № 5
АРДАШЕВА Маргарита. «Посреди степи возведи маяк». *Стихи*. № 5
БЛАГОВА Дарья. Суп поминальный. *Рассказ*. № 5
Владикавказские бейты. *Стихи*. № 2
ГАНАЕВ Заур. Раньше в новых городах. *Стихи*. № 5
ГАППОЕВА Лариса. Куда уходит детство. *Рассказ*. № 2
ГОБОЗОВА Агунда. Сын охотника. *Легенда*. № 5
ГУДЦОВ Агубе. Княжна Биаслант. *Кавказская история*. *Предисловие* А. Цуциева. № 3–4
ДАЦАЕВ Магомед. Ноги. *Рассказ*. № 5
ДАЧЕВСКАЯ Виктория. «Опыянила соком ревеня трава...» *Стихи*. № 1
ДЖИОЕВ Сергей. А чем измерить жизнь? *Стихи*. № 5
ДИГРУБЕР Ризван. «Мой город будто бы распят ветрами». *Стихи*. № 5
ЕРМОЛАЕВ Андрей. Наидрагоценнейший. *Рассказы*. № 2
ЖИДКОВА Лилия. Ставропольский свет. *Повесть в новеллах*. № 5
КАРГИНОВ Азамат. Блики. *Рассказ*. № 5
КОЦОЕВ Арсен. Мадина. *Поэма*. *Перевод* И. Хугаева. № 1
ЛОБОВА Александра. «Кто объяснит богам...» *Стихи*. № 5
«Они рифмуются: поэзия — Осетия». *Стихи*. № 2
«Осетия пахнет разлукой». *Стихи*. № 2
РЕЗНИК Ольга. «А поединок наш не состоится...» *Стихи*. № 1
СИНЕЛЬНИКОВ Михаил. Память Осетии. *Стихи*. *Предисловие* И. Кодзати. № 4
СОБОЛЕВСКАЯ Наталья. Ночи Севильи. *Рассказ*. № 2
ТЕГАЕВ Тамерлан. Детские ботинки. *Повесть*. № 1–2
ХАДАЕВА Зарина. Эстетизация. *Стихи*. № 5
ХАСИЕВ Батраз. «Я давно уже жду, когда вырастет мой сын». *Стихи*. № 5
ХОДОВА Аминат. «Музыканты, не бойтесь петь громче». *Стихи*. № 5
ХОСТИКОВЕВ Георгий. Маленькое несчастье. *Рассказ*. № 5
ХУГАЕВ Тимур. Конфеты. *Рассказы*. № 5
ЦЕРЕКОВ Артур. 33 и 1/3. *Рассказ*. № 2
ЦОРИЕВ Марклен. Это не произведение искусства... *Рассказы*. № 1

ШАНАЕВ Давид. Муха. *Рассказ*. № 5
ШАОВ Ибрагим. Блудный сон. *Рассказы*. № 1
ЯНГИЕВА Асват. Горянка и отец. *Лирические миниатюры*. № 5

К 165-ЛЕТИЮ КОСТА ХЕТАГУРОВА

АБАЕВ Васо. Осетинский народный поэт Коста Хетагуров. № 4
АБИСАЛОВА Раиса. Тема поэта и поэзии в творчестве К. Л. Хетагурова и М. Ю. Лермонова. № 4
БАЕВ Гаппо. Письмо Коста Хетагурову. № 4
БАТАГОВА Татьяна. Воздействие творчества и духовного облика Коста Хетагурова на развитие осетинской музыки. № 4
ПЛИЕВ Инал. Кто ты, «Безумный пастух»? № 4
САЛБИЕВ Тамерлан. Мотив «святой лжи» в стихотворении Коста Хетагурова «Сидзаэргæс / Мать сирот». № 4
ТУГАНОВ Махарбек. Коста как художник и основоположник осетинской живописи. № 4
ТХОСТОВ Саукудз. Памяти Коста Хетагурова. *Предисловие* Ф. Хадоновой. № 4
ХЕТАГУРОВ Коста. Из «Осетинской лиры». *Стихи*. № 4
ХЕТАГУРОВ Коста. Письмо Юлиане Цаликовой. № 4

«СИСТЕМА ЗНАКОВ»

АГУЗАРОВА Элина. Бык. *Миниатюра*. № 6
АЛИЕВ Тимур. Тропами предков. *Рассказ*. № 6
АРДАШЕВА Маргарита. Уведомление: отчет о здоровье. *Миниатюра*. № 6
БЕТРОЗТИ Руслан. Последний газырь. *Миниатюра*. № 6
ГЕЛЯСТАНОВ Мурат. Туман спускается с горы. *Рассказ*. № 6
ДЗЕРАНОВ Алан. Выстрел. *Рассказ*. № 6
ДЫМЧЕНКО Денис. 330 километров. *Рассказ*. № 6
КОЧИСОВА Зарина. Лаги. *Рассказ*. № 6
ЛУКОЖЕВА Залина. Пропать старости. *Рассказ*. № 6
ЛЯЛЮЛИН Алексей. Падение Дагома. *Рассказ*. № 6
МАЗУРЕНКО Марина. Мыльные пузыри. *Рассказ*. № 6
ОМАРОВ Артур. Последняя проповедь анарха Хаоса. *Рассказ*. № 6
САЛАХАНОВ Адам. Дневник вымышленных сновидений. *Рассказ*. № 6
ЦОГОЕВА Диана. А-лол-лай. *Рассказ*. № 6

ВПЕРВЫЕ В «ДАРЬЯЛЕ»

ТАВАСИЕВ Ростан. Сфинкс. *Рассказ*. № 6

ПАМЯТИ ДРУГА

РЫБИН Александр. Три встречи с Донцом. *Рассказ*. № 1

ГОСТЕВАЯ КНИГ@

АВИЛКИН Лев. Водопад. *Рассказы*. № 1
ВАЩАЕВ Олег. Теплохолодность — живопись души. *Стихи*. № 1
КОЖЕЙКИН Александр. На клавишах цвета. *Стихи*. № 1
КРАМЕР Александр. Страж. *Рассказы*. № 1
Тер-АБРАМЯНЦ Амаяк. Свет в окне. *Рассказы*. № 3

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

БЯЗРОВА Людмила. Романтизм в изобразительном творчестве Коста Хетагурова. № 4
КАБИСОВА Анна. «Спасибо за просветление». № 1
ПЛИЕВА Маргарита. Взгляд на историю Южной Осетии через призму творчества Григория Котаева. № 3
ХОДОРОВА Елена. Открывая Осетию. *Вступительная статья О. Резник*. № 3

ВКЛЕЙКА

БЕЛИКОВА Мадина. Живопись. № 5
ГОБЕТИ Диана. Живопись № 5
КОТАЕВ Григорий. Живопись. № 3
ТЕТЦОВЕВ Вячеслав. Живопись. № 1
ХЕТАГУРОВ Коста. № 4

ПЕРЕВОДЫ

ВИЗИРОВА Полина. Искусство отпускать. *Переводы с английского*. № 5
ГРАНЕЛИ Терентий. Сестрой назову тишину. *Стихи. Перевод В. Светлосанова*. № 1
КОДЗАТИ Ахсар. Башня Кола. *Перевод А. Золоева*. № 1
Мосты дружбы. *Переводы с осетинского*. № 5

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

Японские народные сказки. *Перевод с японского Екатерины Каллаговой*. № 6

ИЗ АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ЛАВКРАФТ Говард Филлипс. Изгой. *Рассказ*. № 6

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕБЮТ

ГУБИАН. Яблонево сад. *Рассказ*. № 1

ЛИТЕРАТУРА СВИДЕТЕЛЬСТВА

БТЕМИРОВ Бимболат. «Я потерял свое имя...» *Воспоминания*. № 1–4

СРЕДА ОБИТАНИЯ

ПЛИЕВА Марина. От клуба декабристов к театру «Саби». № 2
РЕЗНИК Ольга. Владикавказскому трамваю — 120 лет!

ХУБАЕВА Лана. Моздокское Кирилло-Мефодиевское училище. № 2–4

ЦИТАТА

АБАЕВ Васо. № 4
БЕКУРОВ Руслан. № 5
БУЛГАКОВ Михаил. № 6
ДОСТОЕВСКИЙ Федор. № 1

АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

БИТАРОВА Зинаида. История длится. № 3
ГУДИЕВ Герман. «Рожденный в Дели...» № 2

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

КУЛИЧЕНКО Наталья. «Прекрасное далёко». *Мгновения из детства*. № 3
РЕЗНИК Ольга. Владикавказские этюды. № 2–3
ЦЕРЕКОВ Артур. Орджоникидзевский «Видеодром». Эссе. № 3

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ПИСЬМА

ДЗГОЕВ Аслан-Бек. Оглядываясь назад. *Воспоминания*. № 2–3
ТХОСТОВ Саукудз. Путевые очерки Ирона. *Отрывки из книги*. № 2

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

БУЛЫЧЕВ Кир. Коралловый замок. *Рассказ*. № 6
БУТАЕВА Фатима. Зоя Мироновна Салагаева — эпоха в культуре Осетии. № 3–4
САЙМАК Клиффорд. Штуковина. *Рассказ*. № 6

ОБРЯДЫ И ТРАДИЦИИ

УАРЗИАТИ Вилен. Конь как носитель высокого семантического статуса. № 1

ЖЕНЩИНА И ОБЩЕСТВО

ХАСАНОВ Резван. Права женщин в турецкоязычном этнополитическом дискурсе черкесской диаспоры. № 1

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

БЗАРОВ Руслан. Об историческом контексте. *Предисловие к книге «Аланское посольство в России»*. № 2

ИНТЕРВЬЮ

Диана Бигаева: «Осетия — это дао!». № 5

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КРИТИКА

БИТКОВА Марина. Русский акцент кавказских писателей: Осетия и Абхазия. № 5
ГАМИ Диана. Станные сюжеты странной фантастики. № 6
Книжные рецензии студентов СОГУ. № 5
ХЕТАГУРОВА Дзерасса. Чужой среди своих: репрезентация образа Другого в осетинской поэзии конца XIX — начала XX века (Г. М. Цаголов, Д. А. Гатуев). № 4

ДАРЬЯЛ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

* * *

WWW.DARIAL-ONLINE.RU

Журнал основан в 1991 году и поддерживает традиции
литературной периодики в Северной Осетии.

Издается на русском языке и представляет осетинский и в целом
кавказский литературный процесс русскоязычному читателю.

«Дарьял» стремится соответствовать своему времени
и отвечать на его запросы.

Выходит шесть раз в год.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС

18668

Иллюстрации к рассказам в рубрике «Система знаков» созданы
Муратом Гелястановым при помощи нейросетей

В оформлении первой страницы обложки использована картина
Алана Хатагты «Заратустра». Холст, масло. 110 × 100 см

«Прочитав однажды о Заратустре (предпол. 628–551 гг. до н. э.), я попытался представить, каким был древнеперсидский пророк и мудрец, основатель зороастрийской религии, воспетый спустя два с половиной тысячелетия Фридрихом Ницше. Образ его сложился из двух других. Советский и российский актер Бимболат Ватаев с детства был для меня образцом мужественности и мудрости, эталоном настоящего осетина. Осетины — все же ираноязычный народ. В таком случае почему бы пророку из восточной части иранского плато не быть похожим на нашего Бибо? Однако на образ Заратустры, схожего с артистом Ватаевым, стал наслаиваться еще один героический облик. Человека, ставшего легендой при жизни, первым побывавшего в космосе. Только вместо надписи “СССР” на шлеме скафандра у него символ Ахурамазды — верховного бога зороастрийского пантеона.»

Залина Дряева. Башня Саумарон-Бурдзабах

ДАРЬЯЛ

 vk.com/darial.review | t.me/darialreview